
ФИННО-УГОРСКАЯ ТОПОНИМИЯ
В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

**ФИННО-УГОРСКАЯ ТОПОНИМИЯ
В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ**

Материалы научного симпозиума

Петрозаводск
2007

УДК 809.45:801.311(063)

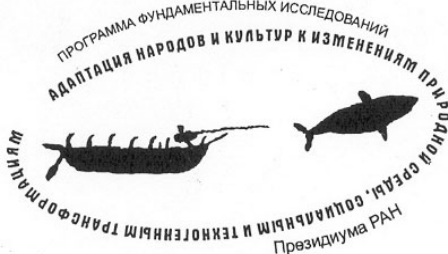
Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: Материалы научного симпозиума. Петрозаводск, 2007. 164 с.

В сборник статей вошли материалы научного симпозиума, состоявшегося 25-26 апреля 2007 г. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Участникам симпозиума было предложено обсудить проблемы ареального исследования финно-угорской топонимии России, обратив особое внимание на механизмы формирования топонимных ареалов, их центра, периферии и границ, а также интерпретацию топонимного материала в этноязыковом и культурно-историческом контексте. На обсуждение были вынесены также вопросы, связанные с созданием топонимических атласов, отбором релевантного материала и его подачей в собрании топонимных карт. Рассматривались также возможности компьютерных технологии в исследовании топонимных ареалов. В работе симпозиума приняли участие известные и начинающие исследователи финно-угорской топонимии из академических и университетских центров России и Финляндии.

Составитель И.И. Муллонен

Материалы печатаются в авторской редакции

Симпозиум состоялся и сборник публикуется при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и технологическим трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии»)

ISBN 978-5-927474-0307-3

© Институт языка, литературы и истории, 2007

В апреле 2007 г. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН провел научный симпозиум «Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте». Работа симпозиума была организована в рамках выполнения Программы Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Топонимический атлас Карелии...»).

К участию в работе симпозиума были приглашены специалисты в области финно-угорской топонимии России.

Топонимы формируются в ареалы, имеющие разную конфигурацию, размер, плотность. За ареальной характеристикой скрывается важное этноязыковое и историко-культурное содержание. Топонимы финно-угорского происхождения, занимающие обширные пространства на Европейском севере, являются неотъемлемой частью культурного наследия этого региона. Проблемы ареального исследования актуальны для многих финно-угорских топонимических центров в связи с накоплением значительных коллекций материала, решением задач картографирования, поисками подходов к созданию топонимических атласов.

В ИЯЛИ, где ономастические исследования ведутся более 35 лет, разработаны принципиально важные положения ареально-типологического исследования, накоплен опыт работы с использованием ГИС-технологий, ведется пилотный проект по созданию топонимического атласа Карелии, что позволило карельскому центру выступить в качестве базового для проведения симпозиума.

К научному обсуждению предлагались следующие вопросы:

- механизмы формирования топонимных ареалов; центр и периферия, границы ареалов; ареальная дистрибуция топонимных моделей
- наложение топонимных ареалов на ареалы, выявляемые по материалам языкознания, этнографии, археологии; ландшафтно-географическая обусловленность топонимных ареалов
- принципы отбора релевантного материала и его подачи в топонимическом атласе (выбор территориальной единицы для картографирования, отражение плотности топонимов на искомой территории, подача фонетических вариантов и др.)

- ареальный анализ топонимных моделей, характерных для определенного этноязыкового коллектива и определенного времени, а также указывающих на составляющие «культурного пространства»: топоосновы со значением ‘путь, дорога, волок’, ‘граница, край’, ‘поселение’
- применение компьютерных технологий в исследовании топонимных ареалов

Сборник открывается двумя публикациями, связанными с подготовкой топонимического атласа Карелии. В них поднимаются общие проблемы топонимического картографирования и предлагаются примеры некоторых топонимических карт с соответствующей интерпретацией. Далее следует ряд публикаций, посвященных проблемам формирования ареалов отдельных финно-угорских топонимных моделей и типов. Сборник завершают материалы, посвященные применению компьютерных технологий в исследовании топонимных ареалов.

**Программа симпозиума
«Финно-угорская ономастика в ареальном аспекте»**

25.04.2007.

Янне Саарикиви (Университет Хельсинки). Прибалтийские финны Двинского бассейна. Проблемы и критерии этнической идентификации топонимических слоев.

Г.М. Керт (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск). Особенности самской и финно-угорской топонимии Европейского севера России.

А.Л. Шилов (Москва). К географии и происхождению топонимии с элементами *hatcha и *aho*.

Н.А. Лебедева (КГПУ, Петрозаводск). Семантические классы финской топонимной лексики Ингерманландии.

И.С. Николаев, И.В. Азарова, А.С. Герд, С.А. Федоров, А.В. Дмитриев (Санкт-Петербургский госуниверситет). Автоматизированная база данных по топонимии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии.

Е.В. Ляля (ПетрГУ, Петрозаводск) Топонимический материал в Кодификаторе поселений Карелии».

И.И. Муллонен (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск). Презентация ГИС «Топонимия Заонежья».

26.04.2007.

Т.Н. Дмитриева (Уральский госуниверситет, Екатеринбург). Хантыйские топонимы с компонентами, характеризующими пространственные отношения.

А.Н. Куклин (Марийский педуниверситет, Йошкар-Ола). Проблемы ареалогической топономастики.

Д.В. Цыганкин (Мордовский госуниверситет, Саранск). Разноязычные топоэлементы на территории Республика Мордовия.

А.Г. Мусанов (ИЯЛИ КНЦ УРО РАН, Сыктывкар). Субстратная топонимия прибалтийско-финского происхождения на территории Республики Коми.

И.И. Муллонен (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск). Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы.

О.Л. Карлова (ПетрГУ, Петрозаводск). Ареальная дистрибуция -l-овой модели в топонимии Карелии.

Н.Н. Мамонтова (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск). Местные географические термины – своеобразные маркеры этнических границ.

Д.В. Кузьмин (ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск). Восточно-финские типы в топонимии Беломорской Карелии.

Л.В. Михайлова (ПетрГУ, Петрозаводск). Топонимия Валаама как отражение истории его заселения.

И.И. Муллонен

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АТЛАС КАРЕЛИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В 2006 году в ИЯЛИ начат пилотный проект по созданию топонимического атласа Карелии. Проект рассчитан на три года, итогом работы должен стать свод из 50 карт, на которых представлены ареалы отдельных прибалтийско-финских (карельских, вепсских), русских, саамских топонимных моделей территории Карелии. Каждая карта будет сопровождаться комментарием, в котором будет предложен анализ выявленных ареалов (изоглоссы, характер взаимного расположения объектов с выявленными моделями названия, центры и периферии ареалов, их наложение и др.). Помимо этнокультурного содержания ареальная составляющая оказывается в ряде случаев исключительно важной и для этимологической интерпретации топоосновы.

В практике ономастического исследования картографирование отдельных топонимных моделей нередко, однако создание атласов, позволяющих не только продемонстрировать целый комплекс фактов, но и их взаимосвязи, ареальное наложение и оппозиции, устойчивость ареальных границ, центры инноваций, не получило распространения. Между тем оно дает в руки исследователей новые возможности для понимания этноязыковых и историко-культурных процессов, адаптационных механизмов.

Выполнение проекта на первом этапе было сопряжено с решением двух принципиально важных проблем: во-первых, создание карты-основы и обозначение общих границ территории картографирования, во-вторых, критерии отбора материала. Известно, что на протяжении всего второго тысячелетия территориальные рамки Карелии менялись. В современных границах (с незначительными изменениями) Республика Карелия существует с 1920 года. Понятно, что традиционная топонимия складывалась в период, предшествовавший появлению Карельской республики. Карта-основа охватывает территорию бывшей Олонецкой губернии, а также Кемского уезда Архангельской губернии, в рамки которых укладывается основная часть дифференцирующих прибалтийско-финских

(карельских и вепсских) и русских топонимных типов. При этом территория обследования выходит за обозначенные границы на запад, захватывая приграничные районы восточной Финляндии, чрезвычайно показательные с точки зрения истоков целого ряда карельских моделей, а также на юг, где доходит до Белозерья, существенного в плане вепсских, а также прасаамских топонимных ареалов. Подготовка карты-основы тесно связана с вопросом о выборе территориальной единицы для картографирования. В качестве таковой может применительно к поздним и массовым топонимным моделям выступать волость. Традиционная волостная система административного членения, как известно, сыграла исключительно важную роль в складывании и языковых, и культурных особенностей. Положительная сторона избранного подхода состоит и в том, что значительная часть полевого и архивного, а также опубликованного в разного рода письменных источниках материала отражает ситуацию рубежа XIX-XX столетий и начала XX века – времени существования волостей. С другой стороны, хронологически ранние, а также редкие модели целесообразно отражать вне зависимости от волостных границ. Для них показательное расположение относительно водоемов, транзитных водных и водно-волоковых путей, водоразделов. Исходя из этих исходных положений, с помощью специалистов отдела ГИС Петрозаводского государственного университета подготовлена электронная карта-основа, включающая два элемента. Это, во-первых, основные водные объекты (реки, крупные озера), служившие дорогами для освоения территории в древности и средневековье, сформировавшими систему традиционного расселения и границы историко-культурных зон. Во-вторых, это административное членение, при этом за основу взято традиционное волостное деление первой половины XX века. В отличие от современного, оно более адекватно отражает традиционную культурно-историческую ситуацию в Карелии. Заполнение карты производится с использованием программы MapInfo.

Второй круг проблем связан с критериями отбора материала для картографирования. Понятно, что не любой топоним может быть использован в целях этноисторического и языкового анализа. Наиболее продуктивно использование тех моделей, которые были

популярны в какой-то определенный ограниченный промежуток времени и свойственны локальной группе населения. В таком случае ареал не размыт, он имеет достаточно четкие очертания и может быть интерпретирован. Для целей ареального исследования полезны суффиксальные модели, поскольку каждый суффикс (или топонимный формант) имеет свой ареал. Существенную информацию возможно извлечь и из т.н. ареальной семантической оппозиции моделей, когда один и тот же признак, положенный в основу названия, выражается различными языковыми коллективами посвоему. Полезны топоосновы, в содержании которых заключена идея «культурное пространство»: топоосновы со значением ‘путь, дорога, волок’, ‘граница, край’, ‘поселение’, а также этнонимы и антропонимы-фамилии и родовые прозвища и др.

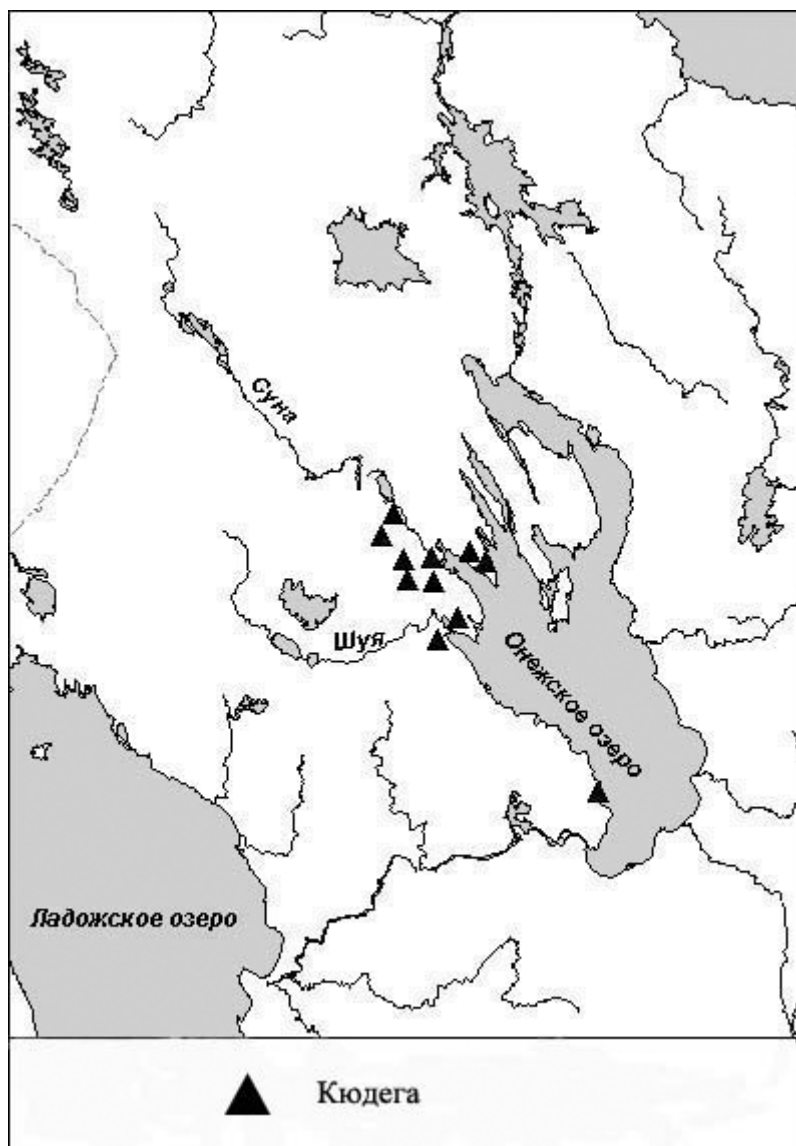
В настоящее время сформирован основной корпус источников материала для Атласа, в котором главная роль отведена Картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей. Планомерный сбор топонимии ведется ИЯЛИ КарНЦ РАН с 1970-х годов, накоплена одна из лучших на Северо-Западе России топонимических картотек. При этом последние 15 лет сбор географических названий ведется с использованием крупномасштабных топографических карт, что позволило активно и с хорошими результатами привлекать ареальную методику в исследовательской работе. В течение нескольких последних лет при поддержке РГНФ ведется создание географической информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», в ходе которой создаваемая на основе картотеки база данных последовательно связывается с электронной картой. Это позволяет проводить всесторонний ареальный анализ материала. Кроме полевых данных использованы материалы Национального архива Республики Карелия (фонды Олонецкого губернского по крестьянским делам присутствия, Олонецкой губернской палаты государственного имущества, Олонецкого губернского статистического комитета, уездных земельных управлений, районных землеустроителей), Российского государственного исторического архива (плановый архив Министерства земледелия), Государственного архива Архангельской области (материалы фонда 6 Архангельского губернского правления, включающие более 6300 топо-

нимов, 1876 г.), а также картографические и опубликованные источники. В настоящее время картотека имеющихся в распоряжении коллектива топонимов включает более 300 тысяч единиц. Выявлен список перспективных для картографирования топооснов и формантов, включающий около 50 единиц.

Далее будет представлен ряд карт с соответствующими комментариями.

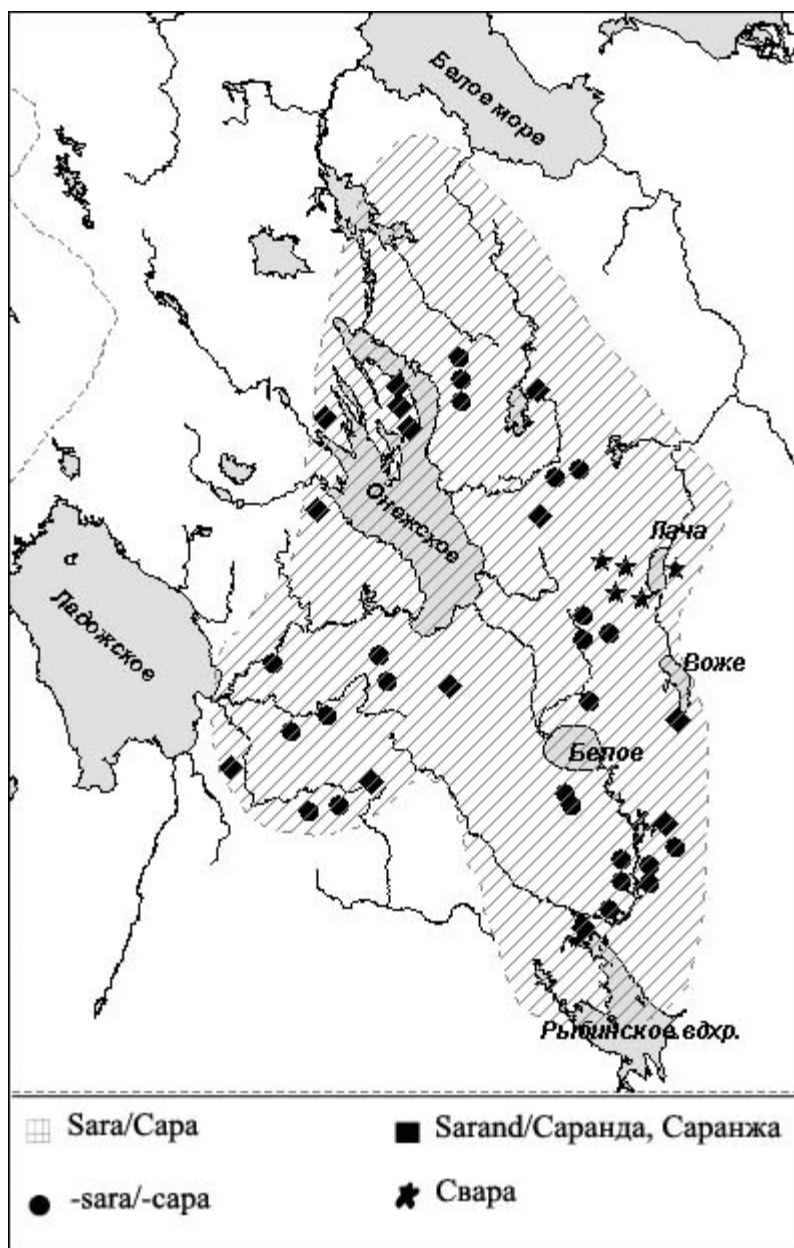
Карта 1. На первой карте предложена локальная модель *Kydeg, вписывающаяся в исторические границы северолудиковского языкового ареала. В нашей картотеке всего 11 фиксаций данной топоосновы – часть из современных лудиковских поселений: *Küdög* (Гомсельга Конд); *Küdöine* (Спасская Губа Конд); *Küdönnurmed* (Мунозеро Конд), *Küdežma* (Восточное Кончезеро Конд), другие со смежной русской территории: *Кюдега* (Лехнаволок Прион); *Кюдега* (Сулажгора Прион); *Кюдега* (Янишполе Конд); *Кюдежка* (Паднаволок Конд); *Кюдега* (Мартнаволок Конд); *Гюдегские покосы* или *Тюдегские покосы* на *Тюдегском болоте* (Гангозеро Конд); *Тюдеги* или *Чудеги* (Новинка Конд). Топоним закрепился в названиях болотистых сенокосных угодий. Помимо того, что топооснова позволяет очертить исторический ареал расселения северных лудиков, она еще и сохранила до наших дней утраченный из живой языковой практики, не зафиксированный ни одним словарем лудиковский термин подсечного земледелия *kydeg, закономерное производное от прибалтийско-финской глагольной основы *kyte-* (луд. *küde-*) ‘тлеть, медленно гореть’. Термин входил в круг терминологии подсечного земледелия и обозначал сельскохозяйственный участок, получаемый в результате выжигания болотистого участка. Исходя из локального ареала модели, можно предполагать ее поздние корни.

Интересно, что термин в виде *тюдeгa* зафиксирован в русских говорах Прионежья на смежной с лудиковской территории. С.А. Мызников возводит его к кар.сев. *tüveus* ‘край пожоги’, вепс.южн. *tüveduz* ‘край ложбины, подсеки’ [Мызников 2004: 170]. В действительности *тюдeгa* является закономерным севернорусским фонетическим вариантом *кюдeгa*, которая, в свою очередь, восходит к реконструированному выше лудиковскому *küdeg.

За пределами исторической северолюдиковской территории у северных вепсов найден топоним *Küte*z – название покоса у края леса и болота (Каскесручей Прион). Есть основания – и собственно языковые, и ландшафтно-географические – считать его по образованию идентичным людиковскому, с той лишь разницей, что глагольная основа (вепс. *küdoda* ‘тлеть’) породила не вполне закономерное производное: исторически отглагольные имена с основой на -e- оформлялись, как известно, суффиксом -ek, в то время как имена с конечным -ez (> -eh) не имеют выраженной отглагольной основы. Однако в финских говорах под воздействием законов аналогии смешение двух типов (на -k и на -s) произошло к XVIII веку [Ruoppila 1974:50]. Подобный процесс мог затронуть и вепские говоры. Надо принять во внимание и возможное влияние модели отглагольных имен на -ez: *palatez* ‘гарь’ (*palada* ‘гореть’), *puutatez* ‘ожог’ (*puutta* ‘жечь’). Установить ареальную связь вепского топонима с северолюдиковской моделью затруднительно, хотя стоит отметить, что на остальной вепской территории модель не реализовалась. Не ясно, можно ли предполагать некое опосредованное карельское воздействие на рождение топонима (и с ним связать некоторую фонетическую «неправильность»), которое известно по ряду других примеров в топонимии северных вепсов.

Карта 2. На карте 2 показано бытование в Карелии и ее окрестностях топонимной модели *sara/sara*, которая неоднократно упоминается в работах по топонимии российского северо-запада, но ее ареал специально не анализировался. Данная карта свидетельствует о значительной продуктивности топоосновы в ареале современного и бывшего вепского расселения. По-всей видимости, есть основания утверждать, что слово использовалось в недавнем прошлом в вепском языке в качестве географического термина и обозначало небольшую реку, приток (ответвление) более крупной реки. На это обстоятельство указывает использование слова в качестве детерминанта сложных по структуре речных наименований. В соответствие с прибалтийско-финской моделью названия детерминант сложных названий несет в себе указание на тип называемого географического объекта. На карте выделены топонимы, в которых использован детерминант -sara: бассейне Свири *Ленсарь*,

Поисара, Ранцера, Куйсара, Кондисара, Сигосарь, Лепсара. В бассейне Кемы в Вологодской области есть *Лупсорка, Янсора, Вотсара, Янсорка, Чемсора.* Отсюда на север на восточном берегу Онежского озера расположены *Анусара, Габсара.* На узком участке от Белого озера до Рыбинского водохранилища зафиксированы *Чимсора, Янгосорка, Чебсора, Лапсара, Кучесара, Урусарка, Самсара, Казара, Кумсара, Улозара, Лапсарь.* Можно добавить несколько разрозненных далеких восточных примеров: *Индосарь* в бассейне р. Вотчи, *Пялосарь*, приток Тарноги, *Сосера*, приток Чужги. Наиболее активное скопление находится на территории, непосредственно примыкающей к районам современного вепсского расселения и бывшей в относительно недалеком прошлом вепсской, что позволяет предполагать вепсское прошлое термина. Правда, есть еще одно скопление, которое трудно напрямую связать с вепским наследием, имеется в виду гнездо названий на северном берегу Рыбинского водохранилища.

Выделяется также группа топонимов, в которых, как нам представляется, использован географический термин, образованный от основы *-sar(a)* при помощи прибалтийско-финского суффикса *-nta* (вепс. *-nd*), который используется для образования ландшафтной терминологии (подобный выраженному словообразовательной основой). В силу фонетических закономерностей *-nd* способно перейти в *-nž-*, поэтому логично рассматривать в одном ряду топонимы *Sarand/Saranž*, которая восходит к реконструированному вепсскому термину **sarand* 'разветвление, место соединения двух рек' [Муллонен 2002]. Семантика подтверждается тем, что топонимная основа последовательно используется применительно к объектам с идентичной ландшафтной характеристикой: развилка, росоха, боковое ответвление озера или реки. Среди убедительных примеров р. *Саранжа* в Ленинградской области, образованная слиянием рек Тутока и Ретеша. В Заонежье основа представлена в наименованиях ручьев, воспринимаемых как ответвление более крупной реки, или урочищ, расположенных при слиянии рек и ручьев: река *Саранжа* является притоком реки Царевки (Толв), при этом в месте впадения находится сенокосное урочище под названием *Саранжа*. Другая река под названием *Саранжа*, известная также как река Рудница, впадает в Тамбицу (Типин), а место

впадения маркировано названием *Шары*. Последнее надо, видимо, рассматривать как карельский вариант вепсской топоосновы. В зоненежском Вырозере угодье под названием *Саранджа* располагается в месте впадения в Калейручей притока.

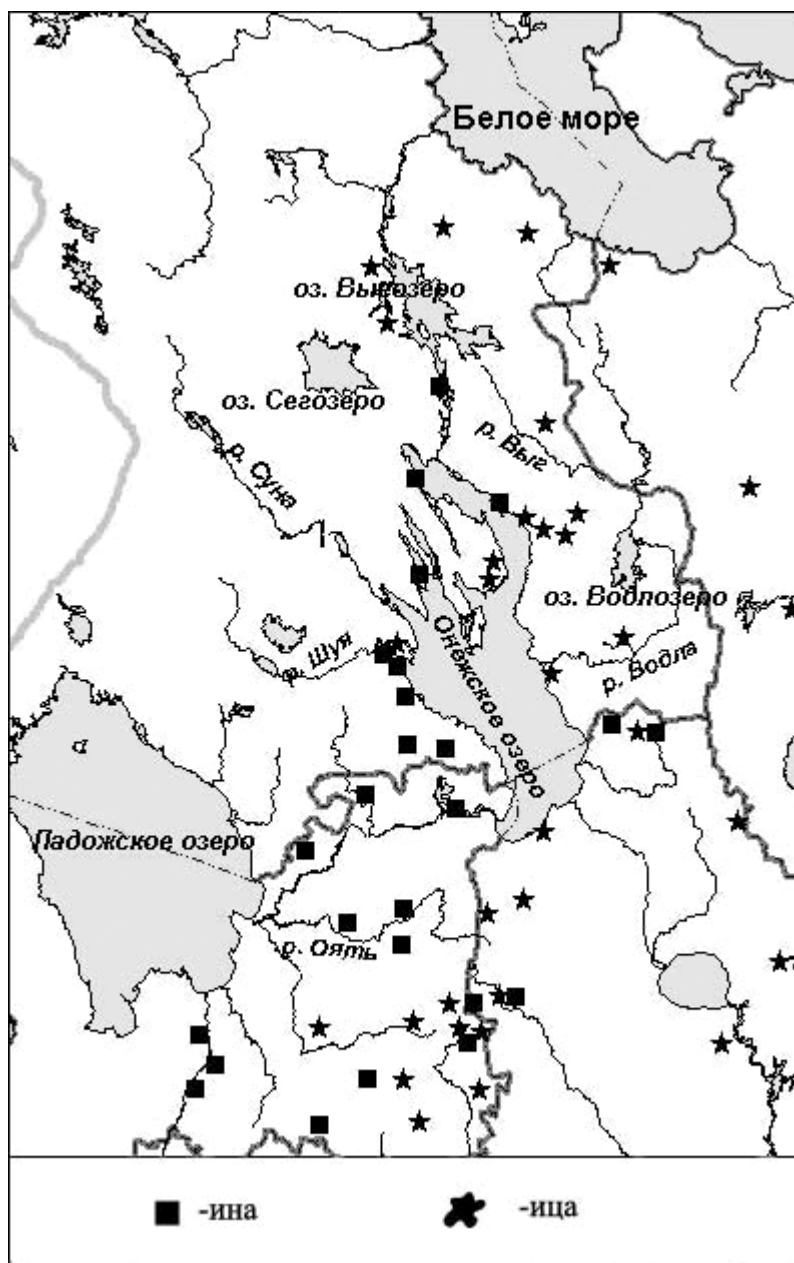
Наконец намечается еще одна группа: на границе Вологодской и Архангельской областей группа топонимов о основе *Свара*, которая, не исключено, возникла в результате карельского усвоения условно вепсской модели: реки *Часвара* в районе Шалакуши, *Свара* правый приток реки Ковжи, *Свара* левый приток реки Поржалы, река *Свара* из *Сварозера* в бассейне реки Тегры. Идею о карельских истоках *Свары* последним высказал Янне Саарикиви, связавший ее с карел. *suara* 'haaga', до него подобное объяснение встречается в работах А.К. Матвеева. В этом районе есть и другие признаки «карельскости» (ср. оз. *Карельское* и река *Карелка*, а также некоторые карельские дифференцирующие модели названия в здешней топонимии). Вряд ли можно предполагать, что пришлое карельское население принесло данную модель названия с собой: во-первых, она не была особенно продуктивной в карельской среде, во-вторых, модель *Свара* представлена в ареале активного бытования *Сара*, так что речь должна, скорее всего, идти, о карельском освоении местной модели с вепскими стоками. Правда, в этой ситуации встает вопрос о появлении дифтонга *-oa-* или *-ia-*, преобразовавшегося в *-ва-* в ходе русского освоения. Дифтонг родился из долгой гласной. Встает вопрос: существовала ли на момент карельской адаптации в оригинальном вепсском названии долгая гласная или сработало то, что в карельском бытует лексема *suara*, которая проникла в незначительной степени и в топонимию?

При всех вопросах вырисовывающийся ареал может быть охарактеризован все-таки как вепсский. Он наиболее насыщен на территории современного и относительно недавнего вепсского расселения, в том числе на восточном берегу Онежского озера и в целом в Обонежье. Есть единичные фиксации в Поморье, которые могут быть связаны с вепским проникновением из Водлозерья, а также Обонежья. Карта свидетельствует об отсутствии модели в карельской Карелии. Нельзя, конечно, исключать, что какие-то из фиксаций на карельской территории не попали в поле нашего зрения, однако в целом, видимо, следует признать для Карелии

модель вепсской. Ее ареал повторяет ареал ряда других вепсских топонимных моделей Карелии, тяготеющих к Онежскому озеру. Правда, бросается в глаза ее практически полное отсутствие на Онежско-Ладожском перешейке, в ливвиковско-людиковском языковом ареале, который сформировался в ходе вепско-карельского контактирования и должен был бы содержать искомую вепскую модель. Может ли данное обстоятельство свидетельствовать в пользу поздних истоков вепсской модели, т.е. она могла получить продуктивность уже после начавшейся карелизации перешейка?

Карта 3. Из теории ономастики известно, что топонимия обладает определенным, довольно ограниченным набором суффиксов, а каждый суффикс – своим ареалом. Поэтому суффиксальные модели обладают большой верифицирующей силой. На карте 3 представлена ареальная оппозиция двух русских речных суффиксальных моделей Обонежья: названия рек с формантом -ина (*Ивина, Важина, Неглинка, Марина, Остречина, Чебина* и др.) преобладают вдоль западного побережья Онежского озера, а с формантом -ица (*Шалица, Тамбица, Возрица, Падрица, Рагбица, Ухтица, Ялмица, Сторонница, Быстрица*) вдоль восточного. Это противостояние не ограничивается северным Обонежьем. Оно носит довольно четкий характер в Присвирье и юго-западном Обонежье: -ина господствует в Присвирье, в то время как -ица обходит Присвирье с юга и востока. Модель -ица представлена несколькими названиями на южной границе Присвирья и проникла туда, видимо, из Тихвина и составляет с окрестностями последнего единый локальный ареал. Что же касается речных наименований с формантом -ина, то есть основания полагать, что они проникли на Свирь с Волхова. Формант -ица довольно густо покрывает бассейн реки Онеги, известен в Белозерье, так что восточное побережье Онежского озера оказывается не сугубо обонежской, но более значимой границей. На карте видно, что позиции модели -ица сильны и в Поморье, в то время как модель -ина сходит здесь на нет. В данном случае топонимический материал согласуется с этнографическим, свидетельствующим о прочных связях с восточным Обонежьем, например, Водлозерьем [см. подробнее Логинов 2006]. При этом модель не проникла на Карельский берег Белого моря,

а известна лишь на Поморском берегу, отличающемся традиционно сильным русским воздействием. На восточном побережье Онежского озера есть только одно речное наименование, оформленное суффиксом -ина. Это р. *Немина*, в устье которой стоял известный по письменным свидетельствам Челмужский погост, возникший на пути из Заонежья в Беломорье, в конце того водно-волокового пути, который пересекал Заонежский полуостров. Он начинался на западном побережье, маркированном речными наименованиями с формантом -ина, и именно в Челмужах выходил на восточное. Так что название реки Немина – естественное продолжение/завершение на востоке ареала -ина. В свою очередь, появление на юго-восточной окраине Заонежского полуострова двух речных наименований с конечным элементом -ица (*Тамбица*, *Нулица*) отражает проникновение модели -ица через Заонежский залив Онежского озера на запад. За ареальной дистрибуцией -ина/-ица стоят, очевидно, несколько разные потоки восточнославянского населения. Данный ареальный контекст важен и для того, чтобы высветить тяготение восточной части Заонежского полуострова к восточному Обонежью. Данный факт оказывается существенным в контексте деления русских говоров Заонежья на западные и восточные, известном еще со времен А.А. Шахматова, но не получившем убедительного объяснения. Он подтверждает факт существования двух магистральных водных путей в освоении Заонежского полуострова, которые и сформировали здесь две языковые, а по некоторым данным и культурные зоны [Муллонен 2005].

Представленные выше гидронимные модели сформировались далеко за юго-западными пределами Заонежья, в ходе продвижения на север оба речных форманта приобрели функцию «адаптера» иноязычного топонима к русской системе называния.

ЛИТЕРАТУРА

Логинов 2006 – Логинов К.К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И.И. Об одной диалектной границе в Заонежье // Кижский вестник. Вып. 10. Петрозаводск, 2005. С. 208-215.

Мызников С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Ruoppila 1974 – Ruoppila V. Suomen kielen historian luennot. Helsinki, 1974.

Д. В. Кузьмин

**К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БЕЛОГО МОРЯ
(ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИИ)**

История и культура Беломорья вот уже два столетия привлекает к себе внимание исследователей многих стран и представителей различных научных направлений. Это связано с тем, что здесь, на побережье Белого моря, в результате активного многовекового контактирования саамского, карельского и русского этносов, образовалась особая группа севернорусского населения, именуемая в историко-этнографической литературе поморами.

В ходе многолетних полевых исследований был собран значительный материал по фольклору, духовной культуре, архитектуре, археологии, языку и топонимии. В то же время, до сих пор практически нет ни одного исследования, которое рассматривало бы историю заселения и историю этнических взаимоотношений народов, которые приняли участие в формировании населения интересующего нас региона.

В предлагаемой статье через анализ топонимии карельского побережья Белого моря мы попытаемся восполнить образовавшийся пробел, что даст возможность более детально взглянуть на проблему этнической истории поморского населения, которое традиционно считается русским. Это позволит также наметить ряд моментов, связанных с основными путями и хронологией освоения различными этническими группами исследуемого региона.

Обратим сразу внимание читателя на то, что население поморских деревень Республики Карелия, называясь поморами и потомками выходцев с “Новгородчины”, не считает все же себя русскими. Кроме этого, сегодняшние информаторы не воспринимают и территорию окрестностей современных беломорских сел исконной поморской территорией, о чем свидетельствует, по их мнению, большое количество непонятных им названий географических объектов.

Это подтверждает и собранный топонимический материал: примерно третья часть всех собранных названий имеет или нерусское происхождение, или содержит какой-либо географический термин, заимствованный в результате контактирования с дорусскими насельниками исследуемой территории. При этом наибольший процент по-

добных названий фиксируется по данным Научной картотеки топонимов ИЯЛИ (прибл. 4700 топонимов по территории Поморья) в деревне Унежма (50%) и окрестностях современного города Кемь (38%), а наименьший в деревнях Черная Река (13%) и Шижня (8%). В то же время нужно учитывать и тот факт, что степень сбора географических названий в разных населенных пунктах исследуемой территории значительно разнится. Например, в селе Нюхча и его окрестностях записано около 800 топонимом, в то время как в Княжгубе – 38, а в деревне Юково всего 31 название.

Как известно, из этнически определяемых наиболее древними жителями исследуемой территории являлись саамы или лопари. Подтверждением этому являются многочисленные топонимы саамского происхождения, данные археологии и диалектологии, а также документальные источники.

Одним из первых письменных источников, который косвенно свидетельствует о возможном проживании саамского населения на побережье Белого моря, является житие Лазаря Муромского, основателя Муромского монастыря (юго-восточная часть Заонежья). В нем рассказывается, что “лопяне”, т.е., по всей видимости, саамы, ушли на север к Белому морю¹ [Витов 1962: 71].

На севере современной Карелии древнюю территорию саамов русские источники называли “Лопью дикою и лешеоу” (т.е. земли кочевавших и осевших по лесам саамов). Данная традиция устояла и к XVII веку: в “Книге Большому чертежу” (официальном дорожнике 1627 г. и его последующих редакциях) кольское и западно-беломорское побережье слыло “Лопским берегом”, а находившиеся здесь погосты-места (Кемь, Кереть и др.) – “лопскими” [Жуков 2003: 36]. Это и не удивительно, поскольку до 1589 года “на Кемской ж земли” (на сопредельных с беломорским побережьем внутренних территориях) существовало десять поселений крещеных и некрещеных лопарей, которые находились по берегам

---

¹ Водно-волоковых путей, которые связывали Онежское озеро с Белым морем, было несколько, и все они шли через обширное озеро Выгозеро, с которого путь к Беломорскому побережью мог быть продолжен по разным маршрутам. Интересно при этом, что один из путей, ведших от озера Выгозера к Белому морю, и известный как Осударева или Царская дорога, имел в карелоязычной среде название *Lapintaival* (букв. Лопарская дорога, путь) [Nissilä 1955: 248].

“леших озер” [МПИК: 325]. Вполне возможно, что на морском побережье могли находиться в то время летние промысловые деревни и угодья, принадлежавшие саамскому населению указанных выше поселений. Кроме этого, в своем исследовании о саамах Т. Итконен пишет, что норвежские источники сообщают о проживании лопарей в 1415 году в Кандалакше [Itkonen 1928: 259].

По мнению Р.Б. Мюллер, саамы были оттеснены карелами с побережья Белого моря вглубь территории в XV веке, продолжая жить по верховьям рек Керети, Кеми, Выга и Сумы. Исследовательница также предполагает, что в это время лопари, как и позднее, вели транзитную торговлю, поддерживая связь между Поморьем и Швецией [Мюллер 1947: 28-29]. Однако, о проживании “дикой лопи на Студеном море” (т.е. в западном Беломорье) свидетельствуют исторические акты XVI века. Кроме этого, “лопь крещеная и некрещеная” упоминается в это же время на реке Шуе [Манюхин, Лобанова 2002: 31], в устье реки Сумы [Sjögren 1861: 343] и на Нижнем Выге [Витов 1974: 145].

Проживали саамы, по всей видимости, на территории исследуемого региона, а также на сопредельных с Беломорьем территориях и в более позднее время, о чем свидетельствует, например, переписная книга 1676-1677 годов. В ней описываются волости и усолья Соловецкого монастыря в Выгозерском погосте (Вирма, Сухой Наволок, Шижма < ? Шижня) и за его пределами (Шуерецкая, Пибозерская, Лютнорецкая < ? Летняя Река). В ней дается описание крестьянских и бобьльских дворов Соловецкого монастыря, а также есть указания о местожительстве лопарей в пределах этой территории [Витов 1974: 16]. Приблизительно в то же время, в 1680 году, имеются сведения о сборе податей с погоста-селения “Лешей Лопи” с крещеных и некрещеных лопарей” на реке Кеми [Жуков 2003: 36]. Частично продолжают в актах XVII века упоминаться лопари и на Нижнем Выге [Витов 1974: 145].

В зону расселения лопарей, по мнению ряда ученых, некогда входили архипелаг Кузова и Соловецкие острова, хотя прямых свидетельств о проживании саамов на них нет. В то же время, на Соловках известны озера Большое Лобское и Малое Лобское, а на островах Лодейном и Олешине в Белом море археологами открыты поселения, относящиеся к эпохе средневековья (X-XV вв.), которые напоминают жилища древнесаамского населения северных районов Швеции и Норвегии [Манюхин, Лобанова 2002: 26]. Норвежский исследователь

Бьорнар Ольсен предполагает, например, что строительство монастыря было связано именно с тем, что Соловецкий архипелаг был местом расположения важнейших святилищ местного саамского населения и много веков оставался центром их священного ландшафта [Ольсен 2002: 48]. К проявлениям культовой деятельности саамов на архипелагах Кузова и Соловецкий Бьорнар Ольсен относит лабиринты и значительную часть (нехристианских) священных ландшафтов (жертвенники круглой формы, сейды и других культовые сооружения), которые могут датироваться, по его мнению, поздним железным веком или средневековьем, хотя, как отмечает исследователь, предполагаются и более ранние датировки этих памятников, приходящиеся на поздний каменный век или ранний металл [Ольсен 2002: 43-45].

В силу своей устойчивости топонимия лучше других источников сохраняет память об относительно недавнем саамском прошлом исследуемой территории. Здесь представлено большинство топонимных моделей, которые рассматриваются исследователями в качестве саамских маркеров.

Саамские по происхождению географические объекты фиксируются неоднократно как на самом беломорском побережье, так и во внутренних частях рассматриваемой территории. При этом отметим, что подобные наименования присущи, главным образом, наиболее крупным и важным с точки зрения хозяйственного использования географическим объектам. Саамские истоки имеют и большинство ойконимов исследуемого региона, кроме этого, они фиксируются и в ряде наименований частей беломорских сел и деревень.

Далее в алфавитном порядке представлена серия названий, которые, на наш взгляд, имеют достаточно убедительные саамские этимологии².

Вольостров (Княжгуба), тоня Волеостровская (Умба) < саамС. vuolle, саамК. vue'll 'нижний';

Вирморучей (Нюхча), Вермова гора или Вермово (Колежма), река Вирма, Вирмозеро (Вирма), Вирмогуба (Кандалакша), Вермозеро (Лапино) < саамС. fierbmi, саамК. vieram, vierme 'сеть';

---

² При написании этого раздела были использованы следующие исследования и словари саамского языка: Itkonen T.I. 1958, Lehtiranta J. 1989, Nielsen K. 1932-1938, Salo 2000, Sammallahti P. 1993, Кефт Г.М. 2002.

Елманиха³, возвышенность (Шуя) < саамС. čoał'bme, саамК. čuèlm 'пролив';

Елестров (Сумпосад) < *eIē 'верхний';

Енекорга или Енякорга (Поньгома) < äñ < *ēñē 'большой';

Каинцы или Каенцы, острова (Унежма) < саамС. gæi'dno, саамК. keajñ 'дорога';

Калгарека, Калгозеро (Калгалакша), остров Калганцы (Сумпосад) < саамС. keälka(n) 'бор'. В верховьях Калгареки находится озеро Кялгозеро (кар. Kälkärvä), с которым она связана системой небольших рек и озер.

Кереть, кар. Kieretti, река и остров (Кереть) < саамС. giega 'вершина', оформленное суффиксом [Itkonen 1926: 34]. Озеро является верхним в данной водной системе.

Кетькозеро < саамС. geađge, саамК. kiēđg(e) 'камень, каменный' (Шижня),

Колежма, река (в источниках XIX в. Кулежма) < саамК. kuoll(e) 'рыба, рыбный';

Ковдарека (Ковда) < саамС. guovda 'средний', саамК. kjoū(d)ta 'в середине';

Ковжа, Ковжино, порог, Ковжин остров (Сорока) < kuovsi 'одногодальный бобер';

Кондостров (Колежма) < саамК. konde 'дикий олень';

Коткана⁴, остров (Нюхча), мыс Кузокотка (упом. уже в 1544 году) [АСМ 1479-1571: 66] (Кереть), остров Котков (Чупа), перешейки Медвежий Коткуй, Калнаволоцкий Коткуй (Поньгома) и Коткуй (Калгалакша) < саамС. guotko 'узкий перешеек';

Кочкамоостров, Кочкамнаволок (Гридино) < саамК. kuo'čč(a), kuočkad 'кислый, гнилой' или саамС. goaskin (-sk- < *-ck-), са-

---

³ Топоним Елманиха перешел в русское словоупотребление из карельского, иначе невозможно объяснить переход саамского начального с в j, а затем в русское е. Ср. кар. озеро. Jolmajärvä, деревня Jolmani < от саам. čuèlm 'пролив'.

⁴ Данные топонимы, как и в предыдущем случае, могли перейти в русское словоупотребление из карельского. В карельском языке известны, например, апеллятивы kuotkuo, kuotkut 'место между двумя островами или островом и материком, которое в большую воду под водой, а в малую становится перешейком, который соединяет острова или остров с материком' (Вокнаволок, Северная Карелия); kotkova 'перешеек между болотами' (Семчезеро, Средняя Карелия).

амК. *kuä'skket* 'орел'; В пользу первой версии свидетельствует географическая характеристика объекта.

Кувжденьга, река (Ковда) < саамС. *guvžá* 'морской лосось' или *kuovsi* 'одногодный бобр'

Кувшиностров (Колежма) < ? саамС. *guvžá* 'морской лосось'

Куккорга, мыс (Колежма) < саамС. *guk'ke*, саамК. *ku'kk* 'длинный';

Кяткярека, Кяткоручей, Кяткозеро (Гридино) < *geatki* 'росомаха' или *geadge* 'камень, каменный';

Нива, река (Кандалакша) < саамС. *njâvve*, саамК. *njââ'vv* 'стремнина, течение, небольшой порог';

Нюхча, река, остров Нюхослуда (Нюхча), Нуксари (Соловки) [АСМ 1479-1571: 16] < саамС. *njuk'čâ*, саамК. *njuhčč* 'лебедь';

Нявдозеро (Колежма) < саамС. *njæw'de* 'разновидность хорошей травы';

Пасмозеро (Кандалакша) < саамК. *pašm* 'конусообразная скала или каменная глыба';

Пахтовина⁵, залив, скалы Абрамова пахта, Корабельная пахта, (Сумпосад), Новзеева пахта (Кольская губа) [АСМ 1572-1584: 162], тоня Пахтонцы (Варзуга) [АСМ 1572-1584: 67] < саамС. *bákte* 'скала', саамК. *paht(e)* 'гора, обрыв';

Пежостров (Кереть) < саамК. *piess(e)* 'гнездо';

Печак, мыс и остров (Соловки, Шуерецкое) < саамК. *pie'ss(e)* 'со-сна' + суффикс;

Поньга(м)наволок⁶, Поньгаостров, река Поньгома (упом. уже в документе 1447-1454 годов [МПИК: 101] (Поньгома), озеро Pongamojârvî (Чупа) < саамШ. *puogge* 'строение для хранения запасов в виде чума без дымохода; строение для хранения запа-

⁵ Указанные выше названия могли появиться, скорее всего, уже в среде русскоязычного населения, поскольку в поморских говорах Беломорья известен апеллятив *пахта* 'прибрежная скала', однако, без сомнения, сам апеллятив восходит к саамскому слову *paht, bákte* со значением 'гора, обрыв, скала'.

⁶ Подобные названия зафиксированы также в топонимии других частей Карелии: деревни *Ponkalaksi* и гряда *Ponkaharju* (Суднозеро) на западе Беломорской Карелии, группа названий на *Ponka-* в окрестностях деревни Кукаозеро на севере Беломорской Карелии (*Ponkalampi, Ponkaniemi, Ponkalaksi*), озеро *Pon'gama* (из него берет начало река Поньгома) в центральной Беломорской Карелии, а также, возможно, гора Поньгора <*Понь(а)гора, залив Пуньгуба <*Понь(а)губа в Заонежье.

сов на двух столбах, с крышей и полом, но без стен' [Kiviniemi 1978: 34];

Пяльская Луда (Калгалакша), Пяллуды (Кемь), а также реки Пялица (Варзуга) [АСМ 1572-1584: 69] и Пяла (Лапино) < саамК. pie'll, pie'lle 'ухо' > 'край, бок, сторона';

Пячестров, вар. Печестров (Летняя Река, Сумпосад) < саамК. pie'сс(е) 'сосна';

Соловки (острова) < саамК. suel, suolo, саамС. suolu 'остров';

Сонрека (Соностров), Сонручей (Гридино), < саамС. suonjo 'поросшее травой болото' или suoidne 'трава', саамК. šuoń(a) 'влажное травянистое место на болоте';

Сорока, рукав Выга (упом. уже в документе 1419-20 годов) и протока реки Нюхча Срака от саамС. suor'ge 'одна из двух небольших рек, которые вместе образуют крупную реку; один из рукавов, образуемых рекой, разделяющейся на две или более частей' [Муллонен, Лялля 2006];

Ухтозеро, ручей Ухтица (Колежма), река Ухта (Нюхча), Ухтнаволок (Карельский берег) < *ukti 'дорога, волок';

Ушкостров (Кемь) < саамС. vuosk(o), саамК. vuesk 'окунь'

Чекша, ручей (Вирма) < саамС. čiek'ča 'скопа' (птица);

Чупа, залив, в исторических документах Чюпская губа [АСМ 1572-1584: 39], урочище Чупалда с вариантом. Чупанда (Кереть), часть моря Кильяцкая Чупа (Кемь) < саамК. čuorrđš 'конец залива';

Шубозера, Шубручей (Унежма), Шубозерко (Выгозерская волость) [АСМ 1479-1571: 143] < саамС. suhpi, suor(pe), саамК. suu'pp 'осина' или саамС. suohpa 'брод'.

На проживание на побережье Белого моря саамов указывает, возможно, и целая серия названий с основой Лоп-, Лоб-, Лап-, которые фиксируются в топонимии большинства населенных пунктов исследуемой территории: ср. Лопский порог, от лопский, лобский 'саамский' (Кандалакша), тони Лопский Крест (1565) [АСМ 1479-1571: 183] и Лопская губа (1572) [АСМ 1572-84: 8] (Кереть), мыс Лобский наволок (Гридино), тоня и покос Лопское (Калгалакша), Лобский берег, Лобские островки (Поньгома), залив Лапина губа (из кар. lapri 'саам, лопарь' или от родового прозвища Лапин), болото Лапинские мхи, Лобский остров (Летняя Река), озера Лобское Большое и Малое

(Соловки), Лопский конец (1563) (Выг) [ПКОП: 155], Лопский остров (Сумпосад), мыс Лопский ил Лобской наволок, Лопский островок, Лобская скала и Лопский лес (Колежма), мыс Лапина корга, острова на болоте Лопские или Лобские острова (Нюхча). Подтверждением этому могут являться также упоминающаяся в документе 1583 года деревня Лапинской след, находившаяся на берегу реки Нюхчи “повыше погоста” [Витов 1974: 132], деревня на Суме ж реке Лапина [ИК-1: 201], а также ряд родовых прозвищ, фиксирующих в поморских селах исследуемого региона, которые могли указывать на определенном этапе истории на саамов: ср. Лапин (1574) [АСМ 1572-84: 58], Лопинов (1579) [АСМ 1572-84: 137] и Лопинцов (1723) [Pöllä 1995: 68] (Кемь), Лапин (Сума) (1563) [ПКОП: 161], Лопин (Сорока) (1582/83) [АСМ 1572-84: 201], Лопин (Выг) (1563) [ПКОП: 156], а также современная фамилия Лопинов (Калгалакша).

Кроме этого стоит упомянуть и о том, что село Колежма имеет другое, неофициальное название Лопари, которое, на наш взгляд, также может свидетельствовать о проживании там на определенном этапе истории саамского населения⁷.

Все вышеперечисленное указывает на активные контакты в пределах рассматриваемой территории пришлого прибалтийско-финского и русского населения с местными саамами, результатом чего и явилась достаточно хорошая сохранность как саамского пласта топонимии, так и таких названий, которые косвенным образом могут указывать на саамов. Можно также предполагать, что в результате этих контактов часть саамского населения вошла через процесс билингвизма в состав прибалтийских финнов и русских карельского Беломорья в связи со сменой этнического самосознания и языка.

В связи с вышесказанным приведем один пример, который может свидетельствовать, на наш взгляд, о билингвизме населения, проживавшего на беломорском побережье на определенном этапе истории. Заманчиво предположить, что остров Саломское (ср. кар. *salmi* ”пролив”), расположенный в окрестностях села Шуерецкое, может быть связан с карельской адаптацией, а позже и переводом, саамской по происхождению основы *šoal'bme*, *šičèlm* со значением ‘пролив’, о чем

---

⁷ С другой стороны, данное название может быть связано с коллективным прозвищем лопари, применяемым к жителям Колежмы.

свидетельствует, на наш взгляд, расположенная рядом с островом возвышенность Елманиха (саам. *čoaľ'bme- > кар. *jolma- (> Елманиха) > кар. *salmi- > Саломское).

Также хочется обратить внимание на сложность в разграничении саамских и прибалтийско-финских названий, вызванную значительным общим словарным фондом этих языков [Муллонен 1988: 75]. Не исключена возможность того, что часть топонимов, причисляемых нами к прибалтийско-финскому пласту, может восходить еще к периоду проживания на побережье Белого моря саамов. Сравните, например, пр-фин. основа kuuzi - саам. kuoss(a) 'ель': Кузостров (Вирма, Шижня), Кузнаволок (Нюхча); пр-фин. основа kezä - саам. k'ieess(e) 'лето': Летняя река⁸; пр-фин. основа leppä - саам. leaibi 'ольха': Лепручей (Шуерецкое), пр-фин. основа luhta 'заливной луг' - саам. luht, luohhta 'залив': Лухтопорог (Калгалакша), остров Лухта (Шуерецкое); пр-фин. основа majava, majua - саам. maj 'бобер': Майручей (Нюхча); пр-фин. основа kallivo 'скала' - саам. kalli 'скала': Калнаволок, Калостров (Поньгома).

---

⁸ Поскольку практически все крупные реки, впадающие в Белое море в пределах Карелии, имеют доприбалтийско-финское происхождение, можно предположить, что и в основе названия Летняя река может лежать саамский апеллятив k'ieess(e) со значением 'лето'. В результате контактов название сначала было адаптировано карельским языком (ср. кар. Kezäjogi), а позже было переведено на русский. Косвенно о проживании саамов недалеко от устья реки Летней свидетельствует, на наш взгляд, топоним Кезякульский остров (вар. Кезекульский), в котором восстанавливается карельский оригинал *Kezäkylä > Летняя деревня. Возможно, что на этом острове существовало некогда саамское поселение, которое использовалось непродолжительное время летом во время рыбного промысла. О таком виде саамских поселений на севере Норвегии пишет, например, норвежский археолог Кьерсти Сканке, отмечая, что расположение севернорвежских стоянок схоже с поселениями восточносаамских сообществ в историческое время, когда летом большинство мужчин перебиралось на небольшие островки для рыбной ловли и охоты [Сканке 2002: 65-66]. Стоит отметить и то, что на острове находится Кезекульская часовня, которой, по рассказам жителей деревни Летняя Река, около 300 лет. Можно предположить, что строительство часовни было мотивировано на определенном этапе истории тем, что вышеупомянутый остров мог являться священным местом для местного саамского населения и использовался ими для различных видов религиозной деятельности. Возможно, что появление в топонимии Беломорья названий островов с основой Лопский/Лобский может быть также связано с одним из указанных выше видов деятельности саамов-лопарей.

В то же время, в ряде случаев практически невозможно точно указать, к какому языку восходит то или иное русскоязычное название, поскольку в их основе можно видеть как прибалтийско-финский, так и саамский оригинал: ср. пр-фин. основа leirä ‘хлеб’ - саам. leaibi ‘ольха’: Лейпручей (Шуерецкое); пр-фин. основа kukko ‘петух’ - саам. guhkes kugkes ‘длинный’: Куккорга (Колежма); пр-фин. основа kudu ‘нерест’ - саам. kuud ‘змея’: Кудручей (Шуерецкое); Кудозеро (Лапино); пр-фин. основа kondu ‘двор, однодворная деревня’ - саам. konte ‘дикий олень’: Кондостров (Колежма); пр-фин. основа kala ‘рыба’ - саам. kalli ‘скала’: Калнаволоок, Калостров (Поньгома).

Считается, что на смену саамам в Поморье приходит карельское население. Недаром территорию вдоль побережья Белого моря от Кемми на юге до границы Карелии и Мурманской области традиционно называют сейчас Карельским берегом. Фактором, привлекавшим новых жителей на побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, был, очевидно, морской рыболовный промысел, охота на морского зверя, а позднее и солеварение. Первое знакомство карел с Беломорьем относится, по мнению Д. Бубриха, к XIII веку. При этом он не исключает возможности, что отдельные проникновения представителей корелы по пути, шедшему к Белому морю, могли иметь место очень рано [Бубрих 1947: 32]. Однако самые ранние документы, донесшие до нас сведения о пребывании карел на побережье Белого моря, относятся только к XV веку.

При этом возникает естественный вопрос о путях проникновения карел со своей прародины на север и северо-восток к побережью Белого моря. Ясно, что в то время тележных дорог не было и единственными путями передвижения являлись реки и озера. На север к Белому морю вело три основных пути. Один шел из Приладожья по рекам Шуе или Суне к Онежскому озеру, дальше волоком через Маткозеро к Выгозеру, откуда путь к Беломорскому побережью мог быть продолжен по нескольким маршрутам. Другой путь шел через город Корелу по берегу Ладожского озера, затем по внутреннему водному “карельскому пути” к Сегозеру и Выгозеру в Средней Карелии и далее к западному берегу Белого моря [Бубрих 1947: 39; Витов 1962: 44]. Кроме двух вышеупомянутых в средние века существовал хорошо известный карелам путь из Приладожья в Приботнию, который проходил через озеро Пиэлинен, находящееся в финляндской Северной

Карелии [Jaakkola 1956: 263-264], откуда можно было попасть на озеро Лексозеро в Ребольской волости и далее по рекам и озерам на реку Кемь, а по ней к Белому морю.

Из купчих грамот первой половины XV века известно, что территория Карельского и Поморского берегов Белого находились во владении “пяти родов карельских детей” (рокульцев, вальдольцев, каргольцев, тиврульцев, и вымольцев), которые продавали участки не только друг другу, но и новгородским светским и духовным феодалам [ПНЮК: 15]. Сведения об этих родах мы находим на территории Приладожской Карелии [Kirkinen 1988: 94]. Их представители пользовались привилегиями на торговлю с лопью, взимая бразгу с угодий и земель в местах своего проживания. Это позволяет предполагать, что лопь достаточно рано попала в зависимые отношения от отдельных “карельских детей”, которые некогда захватили земли лопи и обложили их данью. Интересен и тот факт, что в качестве продающих выступают в большинстве случаев отдельные лица, продающие свои индивидуальные владения, что указывает на древнее происхождение карельского землевладения [МПИК: 24].

Начиная с XIV века на юго-западном побережье Белого моря появляется русское крестьянское население, при этом приоритет здесь, по мнению Т.А. Бернштам, принадлежал выходцам из Новгородской земли, которые были вкраплены в довольно густое карельское население [Бернштам 1978: 43-44]. Таким образом, можно предположить, что на протяжении нескольких веков в поселениях Поморского и Карельского берегов проживало как русское, так и прибалтийско-финское население.

Будучи сегодня русской по употреблению, топонимия обследуемой территории содержит значительный пласт названий карельского происхождения. Здесь в большом количестве представлены карельские топоосновы, бытующие как в макротопонимии, так и на микротопонимическом уровне. Наличие карельского субстратного компонента подтверждается и значительным количеством зафиксированных здесь топонимов-полукалек. Все это, на наш взгляд, позволяет констатировать относительно недавнее обрусение карельских поселений этой территории.

Топонимия беломорских сел позволяет с уверенностью говорить о том, что русские переселенцы именно подсеялись в среду

прибалтийско-финского населения, которым уже достаточно рано были освоены прилегающие к поселениям окрестности. Об этом свидетельствует, например, закрепившийся в топонимах ряд слов, связанных с сельским хозяйством и животноводством, ср. Вирандозеро (Нюхча): *viranda ‘распаханное поле, где был лес’, Гухтенный остров (Калгалакша): huuhta ‘подсека’, Касельга (Нюхча): kaski ‘подсека’, Ламбастров (Сухой Наволок), Ламбаслуда (Нюхча), урочище Ламбажгородка (Поньгома): lammas ‘овца’, Озранаволок или Возорनावолок (Нюхча): ozga ‘ячмень’, Палоостров (Гридино), Пал(о)наволок (Поньгома, Шуерецкое, Вирма), Палашелья (Нюхча): palo ‘подсека, выгоревшее место в лесу’, Пелдотайбольский порог (Поньгома): peldo, peldo ‘поле’, Пур(н)наволок (Гридино): pu(u)gpi ‘небольшой амбар’, Раснаволок (Колежма), Разнаволок (Унежма), Разостров (Вирма): gasi, gazi ‘подсека, оставшаяся неспаленной’, Ригпорог (Нюхча): rihi ‘рига’, Сордовский ручей (Сухой Наволок): sorgo ‘изгородь из валежника, огороженное пастбище, выгон’, Шалгоболото (Летняя Река): šalgo ‘шест, жердь в стогу сена’. В целом из списка, включающего несколько сотен субстратных топооснов, часть представлена именно в микротопонимах, т.е. в наименованиях мелких, не имеющих широкой известности географических объектов. Данный факт может, на наш взгляд, свидетельствовать о достаточно поздних контактах прибалтийско-финского и русского населения в пределах обследуемой территории. Для примера приведем несколько названий полей, зафиксированных в селе Нюхча: Каски (кар. kaski ‘подсека, пожар’), Редерья (кар. *Reduorgo, redu ‘грязь’, orgo ‘низина, ложбина’), Сорда (кар. sorgo ‘изгородь из валежника, огороженное пастбище, выгон’), Пивка (вепс. pihk, ливв. pihku ‘молодой хвойный лес; мелкий молодой лес, выросший на подсеке’, помор. пивка ‘густой мелкий лес’) [Мызников 2003: 109], Волхово (фин. olhova или alho ‘ложбина, низинное место’) [Nissilä 1975: 29], Каранки (кар. karanko, karango ‘сухое дерево’), Варзанга (кар. varza ‘жеребенок’).

В большом количестве представлены в Беломорье относительно прозрачные карельские (прибалтийско-финские) топоосновы, бытующие на макротопонимическом уровне, т.е. выступающие в названиях крупных географических объектов: ср. возвышенности Видгора (Унежма): кар. viida ‘густой ельник’, Кимгора (Нюхча):

кар. kiita ‘токовище, ток’, Кузгоры (Колежма): кар. kuuzi ‘ель’, мысы Лат(ь)наволок (Вирма): кар. lato ‘сарай’, Калнаволок (Поньгома): кар. kala ‘рыба’, Коппалнаволок (Шуерецкое): кар. korralo ‘глухарка’, корги Ужкорга (Сумпосад): кар. uuzi ‘новый’, Гейнакорга (Поньгома): кар. heinä ‘трава’, заливы Лахта (Нюхча): кар. lahti ‘залив’, Кивгуба (Кемь): кар. kivi ‘камень, каменный’, Умпопога (Кемь): кар. umpi + rohja ‘закрытый + основание залива’), ручьи Силдоручей (Гридино, Шуерецкое): кар. silda ‘мост’, Кярмеручей (Кемь): кар. kiärme ‘змея’, Шонгоручей (Поньгома): кар. šonka ‘самка лосося’, Габручей (Нюхча): кар. huaba ‘осина’, острова Хедостров (Нюхча): кар. hieda ‘песок’, Мягостров (Кемь, Сумпосад): кар. mägi ‘гора, горка’, Пертестров (Шуерецкое): кар. pertti ‘дом, изба’, луды Гаммашлуда (Кемь): кар. hammas ‘зуб’, Варбалуда (Шуерецкое): кар. varba ‘ветка, хворост’, Петролуда (Юково): кар. petra ‘олень’, пролив Каясалма (Кереть): кар. kaiita: kaijan ‘узкий’ + salmi ‘пролив’, озера Калмозеро (Нюхча): кар. kalma ‘могила’, Коверозеро (Княжгуба): кар. kovega ‘изогнутый’) Мяндозеро (Калгалакша): кар. mäny ‘сосна’, Укозеро (Колежма): кар. ukko ‘старик’, пороги Тухкопадун (Ковда): кар. tuhka ‘пепел’, Роккопорог (Калгалакша): кар. gokka ‘похлебка’ или Rokko ‘Прокофий’, Кордехпорог (Шуерецкое): кар. korteh ‘хвощ’, Видпорог (Сумпосад): кар. viida ‘густой ельник’, а также многие другие, свидетельствующие о былом прибалтийско-финском прошлом этой территории.

Среди зафиксированных на исследуемой территории географических названий есть и такие топонимические модели, на основании распространения которых можно установить, например, пути и время карельской миграции в Поморье.

Так, показательным топонимическим типом, зафиксированным в ходе экспедиции, является группа названий с основой Nilas-/Nilos- > Нилакса, распространение которых связано с продвижением карел из Приладожья. Карельским говорам северного Приладожья известен географический термин nilas или nilos (основа nilakse-/nilokse-) со значением ‘подводная или омываемая водой скала’. Ареальная характеристика топонимов с основой Nilas-/Nilos- свидетельствует, что они проникают в Поморье по водно-волоковым путям, которые использовались карелами в средневековье (рис. 1). В Поморье известны порог Нилакса на реке Нюхча, скала Нилакса в Шуерецком, остров Куричьа

Нилакса в окрестностях города Кемь, мель Енекорская Нилакса в Поньгоме, скалистые отмели Киберинские Нилаксы в районе Керети. Здесь же, в Керети, зафиксирован и географический термин нилакса ‘подводная гладкая скала’.

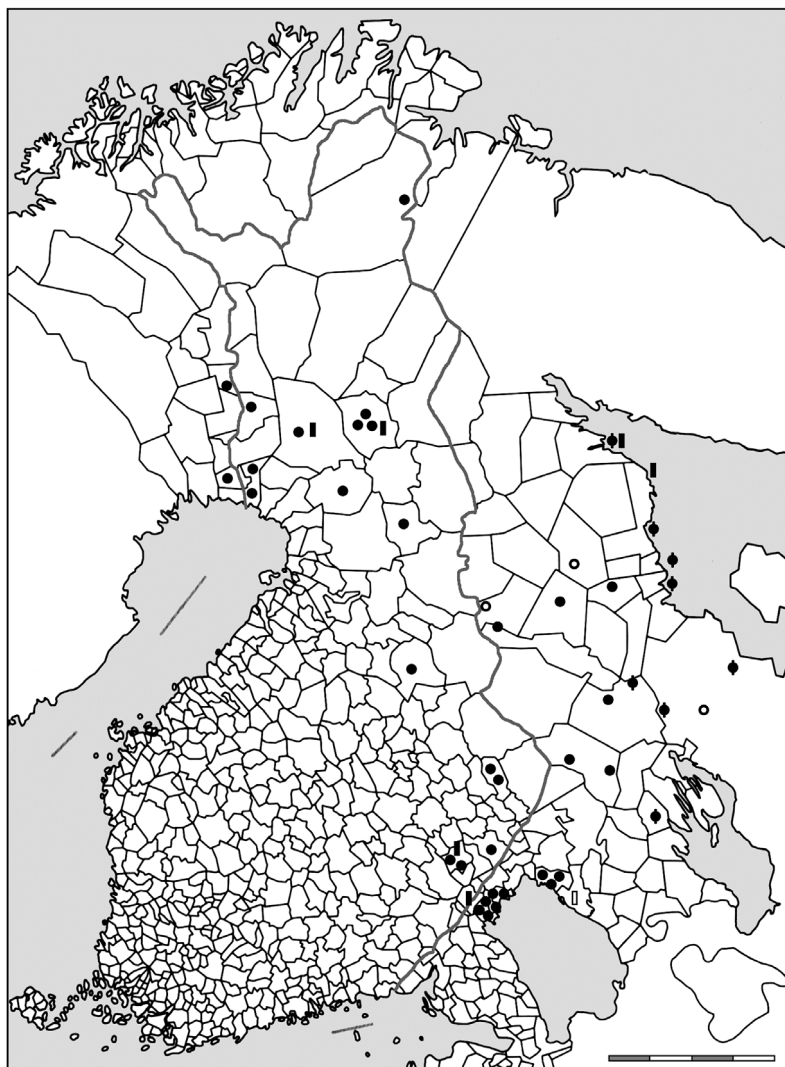
Говоря о времени появления модели в топонимии как Беломорья, так и Карелии в целом, стоит обратить внимание на зафиксированное в окрестностях деревни Коросозеро озеро Нилозеро, которое, по всей видимости, упоминается в 1563 году в Выгозерском погосте в форме Нилачьозеро (< *Nilas-) [ПКОП: 155]. Следовательно, к середине XVI века модель уже была известна на территории, прилегающей к Поморью, что не исключает возможности бытования ее и в топонимии жителей поморских деревень того времени⁹.

Среди показательных примеров и тип названий на Haiseva-/Haizeva-/Haisuja-/Haižuja-¹⁰ ‘плохо пахнувший’, который отразился, на наш взгляд, в названии болота Гайжевский (вар. Гайжегский) мох, находящегося у деревни Сухой Наволок. Названия этого типа в Беломорье являются достаточно древними, если примем во внимание упоминание в документе 1591 года, касающегося владения землей в Кемь, поселения с названием Гайжева Сторона [МПИК: 323] (*Haiževapuoli), совр. Гайжево. Модель также известна и топонимии сопредельных с Беломорьем русскоязычных территорий, например возвышенность Гайжужка (<*Gaižuga + -ка < *Haižuja-) на юго-западе от села Нюхча в окрестностях деревни Оштамозеро. Вполне возможно, что к этой группе относятся и географические объекты Вонючая губа (Вирма, Поньгома), Вонячие Острова (Летняя Река) и Вонючее озеро (Кереть), которые могут являться переводными кальками топонимов рассматриваемого типа. На эту мысль наводит тот факт, что в поморской топонимии для названия объектов, имеющих неприятный запах, более широко используется основа Кислый.

---

⁹ В то же время не исключается возможность того, что некоторые из указанных выше топонимов могли появиться в среде русскоязычного населения. Для образования названий был использован заимствованный в русские говоры термин нилакса. Однако сам апеллятив, без сомнения, восходит к карельскому географическому термину nilos/nilas со значением ‘подводная или омываемая водой скала’.

¹⁰ Топонимические материалы по территории Финляндии, представленные на данной и других картах (Haiseva, Häme-, Kemi, Oulu-) , взяты из исследований финских авторов [Vahtola 1975, 1980 и Kiviniemi 1971].

● - Nilos-

● - Nilas-/Нилакса

○ - Nila(n)-

■ - апелл. нилакса/nilos

□ - апелл. nilo

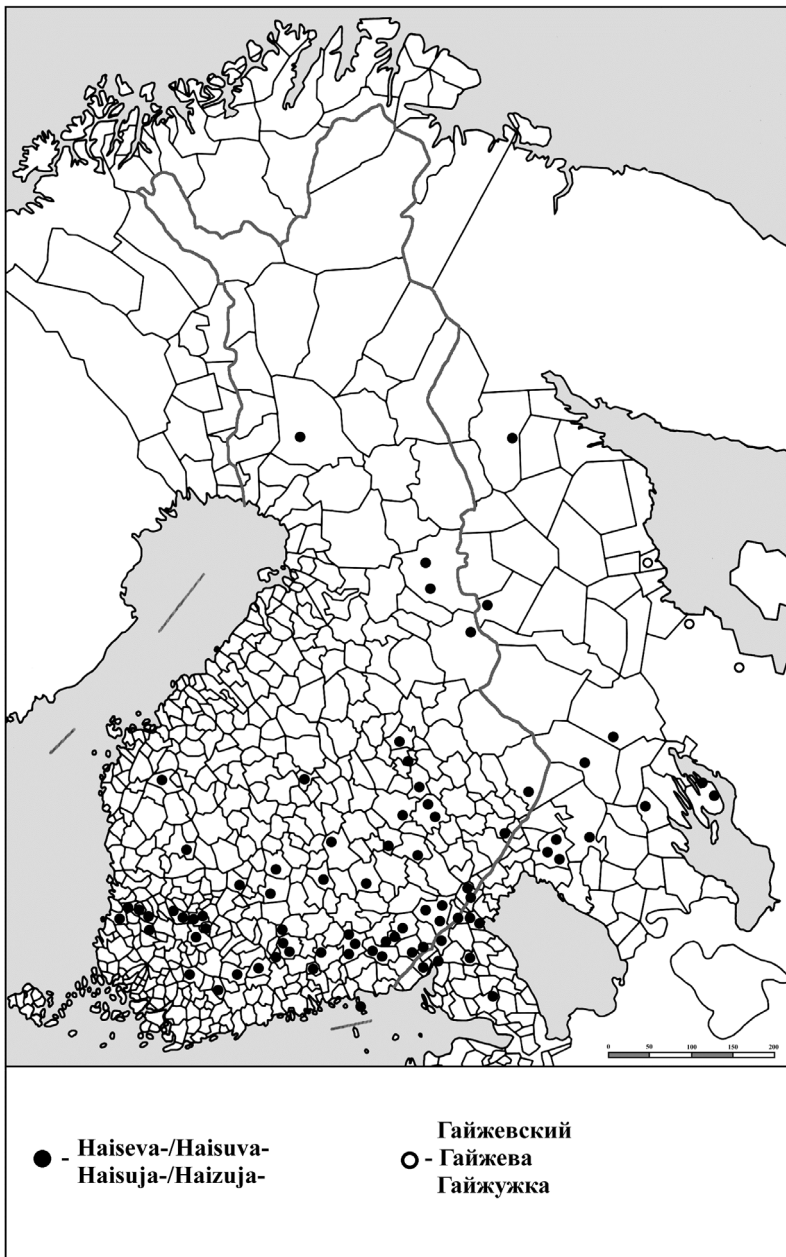
Картографирование модели показывает (рис. 2), что ее распространение может быть связано с продвижением карельского населения в XV-XVI веках из Приладожья на северные промысловые территории, что и повлекло за собой появление названий во внутренних частях Карелии, Заонежье и на побережье Белого моря.

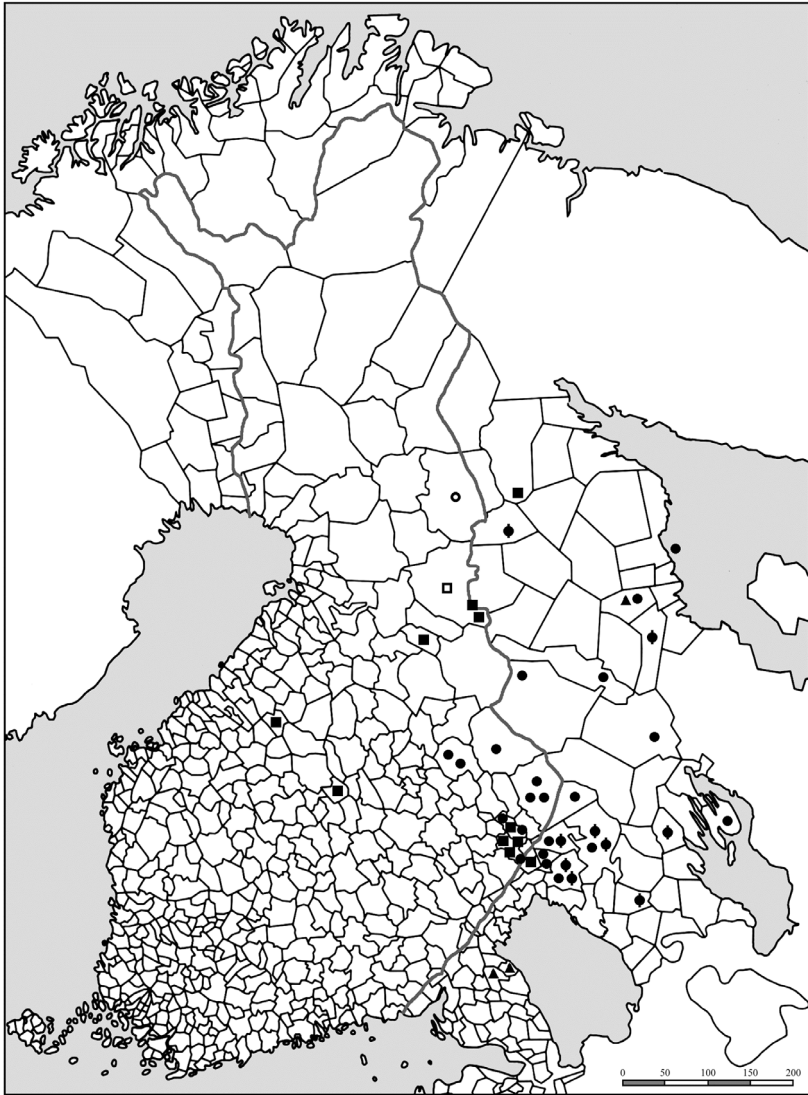
К этой же группе можно отнести и названия с топоосновой Рокса (<*Röksä-). Аpellятив göksä со значениями ‘бурелом; буреломное возвышенное труднопроходимое место’ зафиксирован в северо-западном Приладожье [SMSA]. На этой же территории присутствуют и названия интересующего нас типа. Не противоречит вышеупомянутой ландшафтной характеристике зафиксированная в окрестностях села Нюхча возвышенность Рокшесельга. По словам информаторов, это “страшно заваленное, буреломное место”. Из Приладожья данная модель именования распространяется первоначально на восток на территорию Заонежья¹¹, где фиксируется уже в 1599 году в Кижском погосте, ср. дер. Рокса [МПИК 1941: 368]. Позже модель проникает, видимо, и на беломорское побережье. С другой стороны, часть названий этого типа в Карелии может быть связана с известным в саамском языке аpellятивом tuokse/tuoksa со значением ‘мох’ [Itkonen 1948: 132].

Показательным примером освоения беломорского побережья карельским населением является и топонимная модель Юлмаки, закрепившаяся в качестве названия острова в окрестностях деревни Летняя Река. Если обратимся к карте (рис. 3), то увидим, что названия этого типа присутствуют на сопредельных с Беломорьем карельских территориях, выступая здесь в названиях возвышенных участков рельефа. Таким образом, данный факт позволяет связывать истоки топоосновы с карельским ландшафтным термином jylmäkkä ‘круглая гора, крутой склон’, зафиксированном в говорах Суоярви [KKS] в северном Приладожье. Картографирование модели Юлмаки показывает, что беломорская фиксация – это северо-восточная граница довольно обширного ареала, тянущегося из северного Приладожья через центральную Карелию (Сегозерье, Ругозерскую, Шуезерскую и Маслозерскую волости) к Белому морю вдоль путей карельской экспансии. Летнерецкое название острова Юлмаки хорошо вписывается в этот карельский ряд, представленный в топонимии современной Карелии серией фонетических вариантов Jylmäkkä, Jylmäkkö, Jymäkkä, Jymäkkö, Jyrmeikkö.

---

¹¹ О заонежских Роксах см. подробнее Муллонен, Ляля 2006.

- - Jylmäkkä (Jylmäkkö)
- - Jylmeikkö
- - Jylmä
- ◆ - Jymäkkä (Jymäkkö)
- ▲ - Jylleikkö
- - Jylmy

Рассматривавшая распространение данной модели в Заонежье И. Муллонен приходит к выводу, что присутствие названий на Юлмаки во внутреннем Заонежье говорит в пользу их относительно позднего появления, поскольку есть определенные исторические свидетельства, указывающие на освоение центральных районов Заонежского полуострова в период после XVI века [Муллонен 2003: 323]. Возможно, что к этому времени можно отнести и появление острова с названием Юлмаки в топонимии беломорского побережья.

Еще одним дифференцирующим карельским типом, выступающим, как и в предыдущем случае, в названиях возвышенных участков местности, является группа топонимов с основой Малья/Маль(е), в которых восстанавливается карельская основа Mal'l'a- (кар. *mal'l'a* 'миска, чаша'). Данная метафорическая модель использовалась карельским населением для называния возвышенностей, которые по форме напоминают перевернутую вверх дном миску. В Беломорье рассматриваемая модель фиксируется в названии острова Маль(е)стров в окрестностях Сумпосада, а также в наименовании трех возвышенностей в районе села Колежма, ср. Мальягора Горная и Морская, а также Малья Угловая.

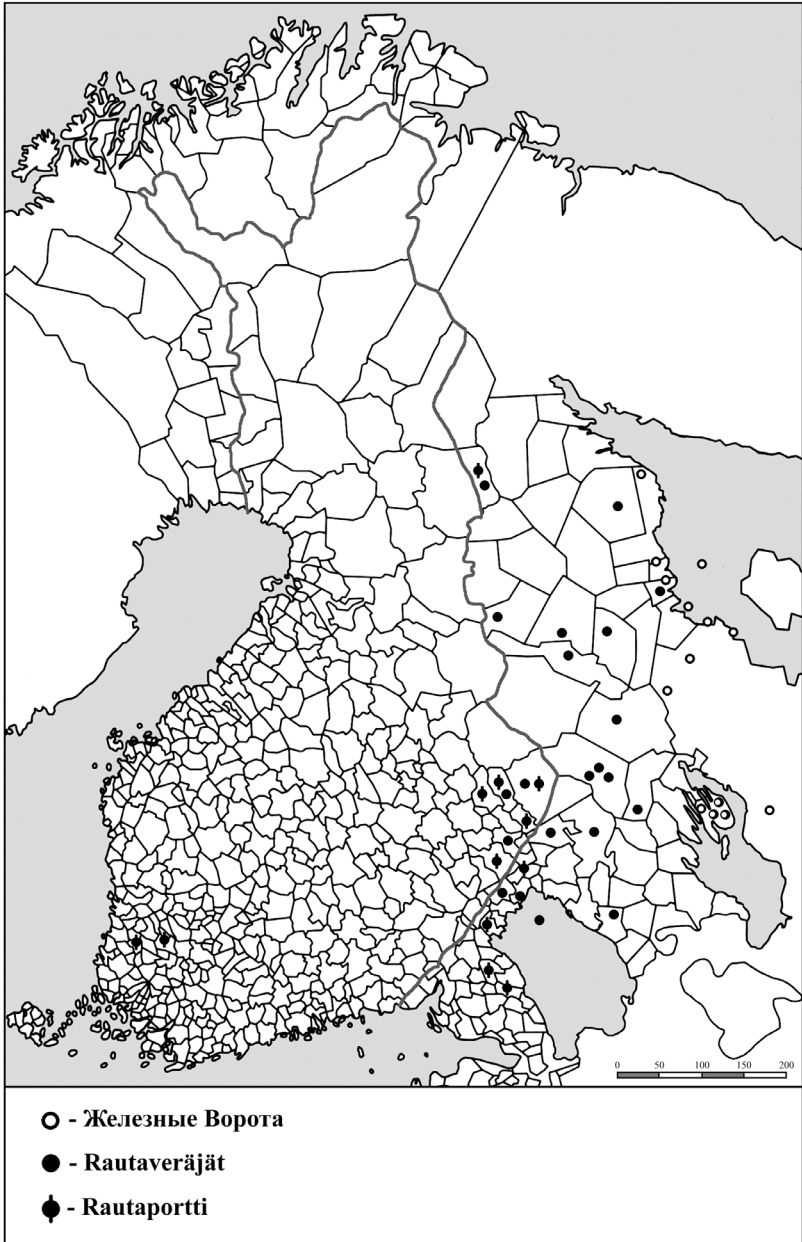
В современной карелоязычной топонимии сопредельных территорий модель не имеет широкого распространения, что, возможно, свидетельствует об ее относительной древности. Она известна в соседней с Шуерецким деревне Маслозеро (ср. возвышенность Mal'l'akka), в деревне Кестеньга (ср. возвышенность Mal'l'avuaga) на севере Карелии, а также, по всей видимости, в русскоязычном названии озера Мальеозеро (*Mal'l'ajärv), зафиксированном в районе карельской деревни Пильдозеро на северо-востоке Беломорской Карелии. Кроме этого, она фиксируется в топонимии карел-ливвиков и в Заонежье.

Следующий пример представлен также метафорической моделью Железные ворота < *Rautaveräjät/Rautaportti. Центр карельских названий данной модели находится на территории Северного Приладожья, там, где сформировался карельский этнос. Данная модель практически отсутствует на соседних прибалтийско-финских территориях, но широко распространена на сопредельных с Карелией русскоязычных территориях. Возникает вопрос: могла

ли модель Rautaveräjät/Rautaportti появилась в карельской среде самостоятельно или же она была усвоена в результате контактов с русским населением? Вопрос этот достаточно сложный и на данный момент трудноразрешимый, поскольку отсутствие сведений с территорий, сопредельных с карельским Приладожьем, не позволяет выявить возможные пути проникновения интересующей нас модели на территорию Приладожья.

Модель Rautaveräjät/Rautaportti используется в карельской топонимии для называния узких скалистых ущелий, через которые проходили дороги, тропинки или зимники, а также порогов. На исследуемой территории Беломорья зафиксировано несколько названий этого типа: ср. отвесные скалы Железные Ворота в озере Кивиканда на севере Карелии у деревни Соностров, урочище Железные Ворота, через которое проходила тропа, в окрестностях деревни Летняя Река, две скалы Железные Ворота между которыми проходил зимник, в районе Кеми, порог Ворота (ср. кар. Raudaveräjät 'Железные ворота') на территории современного города Кемь, проливы Железные Ворота Северные и Южные на Соловках, мель Железные Ворота в Сумпосаде, проливы и каменная гряда Железные Ворота Большие и Малые в районе села Колежма, каменная гряда в море Железные Ворота в Сухом Наволоке. Кроме этого, на более южных русскоязычных территориях известно урочище Железные Ворота через которое проходил зимник в деревне Ендогуба, а также, возможно, идентичное по географической характеристике скалистое место Царские Ворота на реке Сегежа в районе деревни Ловище в Выгозерье. Картографирование модели показывает (рис. 4), что все названия, зафиксированные в топонимии русского Беломорья, являются продолжением единого ареала, который тянется вдоль путей карельской экспансии от берегов Ладожского озера через центральную Карелию (Сегозерье и Выгозерье) к Белому морю. Таким образом, русскоязычная модель Железные ворота является логичным продолжением карелоязычных названий на Rautaveräjät/Rautaportti, и может рассматриваться, на наш взгляд, как переводная калька карельской модели. Отметим также, что поморские топонимы этого типа идентичны по семантике с карельскими названиями.

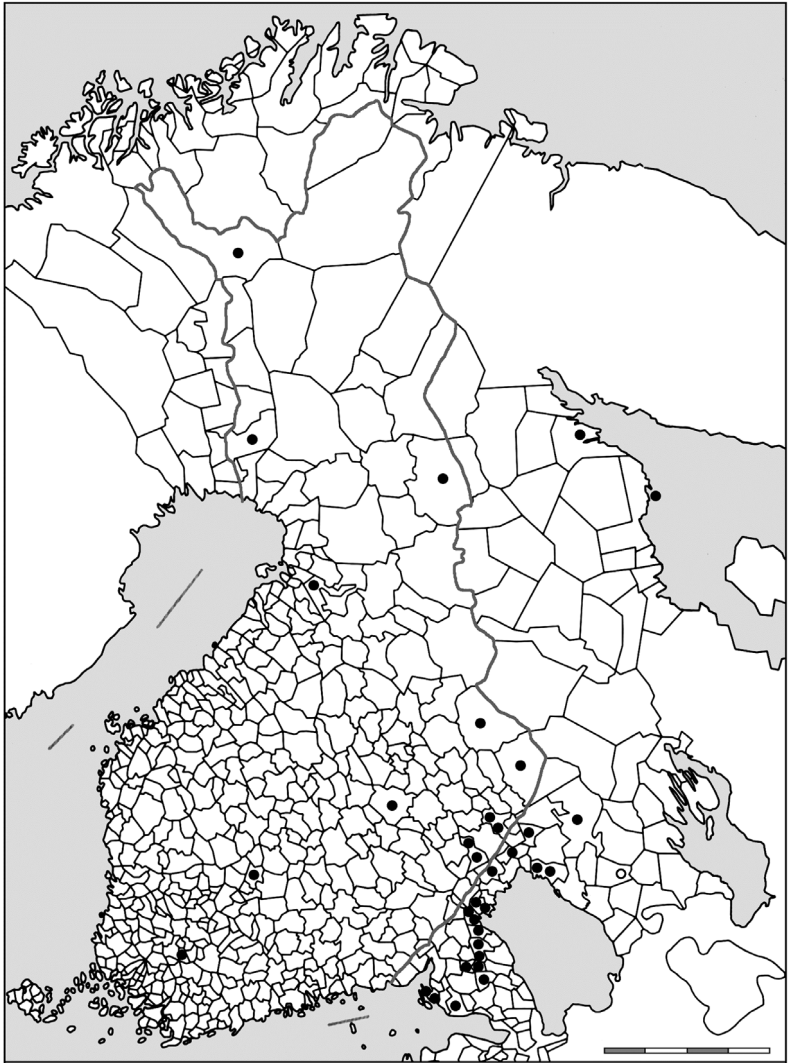

В то же время нельзя исключать возможности того, что названия рассматриваемого типа в Поморье могут быть и русскими по происхождению, а их появление связано с продвижением на север через Обонежье по Свири населения из сопредельных с Карелией более южных новгородских земель.

Еще одним показательным примером может быть зафиксированная в топонимии Поморья модель Lakkarää, которая отразилась, по всей видимости, в названии острова Лакапей в окрестностях деревни Калгалакша. В основе названий этого типа лежит апеллятив lakkarää со значением “сосна с ветвистой и ровной верхушкой”. Подобные деревья являются достаточно приметными на местности, поэтому выступают иногда в топонимии Финляндии в наименовании пограничных объектов [NA].

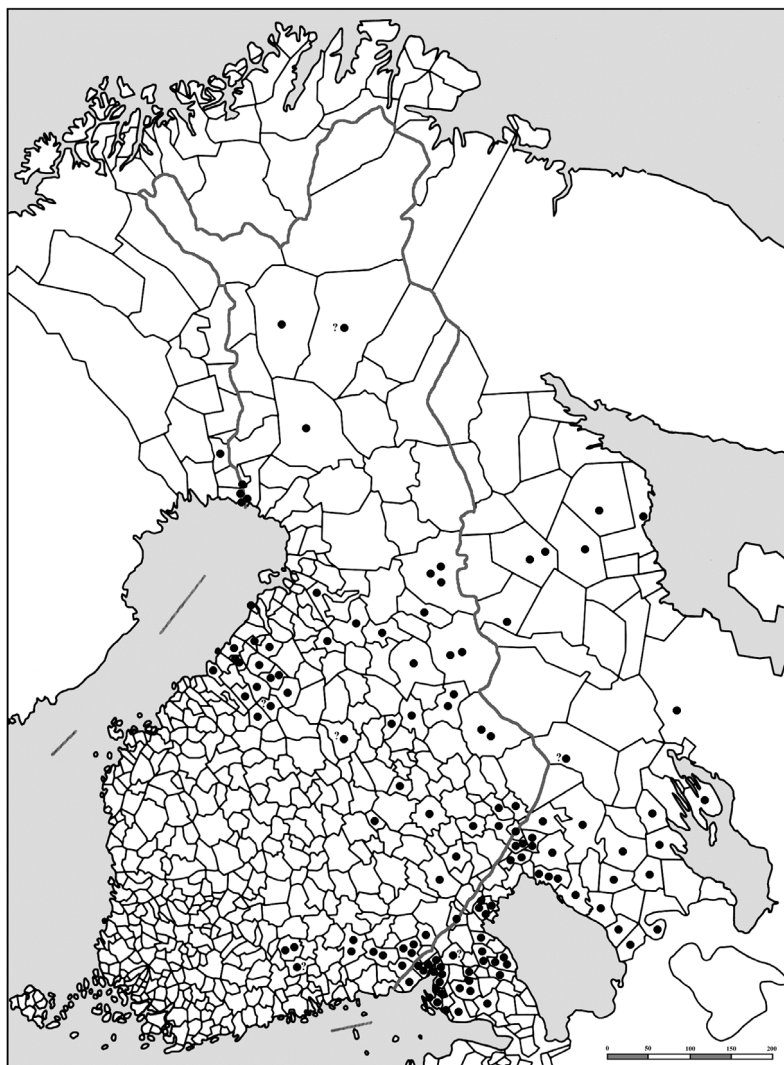
Достаточно сложно говорить в данный момент о времени появления модели на территории Карелии, поскольку топонимов этого типа зафиксировано мало (рис. 5). Помимо вышеупомянутого острова, интересующая модель фиксируется на севере Карелии в непосредственной близости от побережья Белого моря в топонимии карельской деревни Верхняя Пулонга, где известна тоня Lakkarienaraja. Поскольку названия рассматриваемого типа являются прибалтийско-финскими по происхождению и пока не обнаружены на внутренних карелоязычных территориях, то можно предположить, что они могут быть достаточно старыми, а их появление можно отнести, на наш взгляд, к периоду не позднее XV-XVII веков.

На территории исследуемого региона в окрестностях деревни Поньгома зафиксировано название реки Воньгарека (кар. Vongajoki), которая впадает в залив Белого моря с названием Воньгагуба. В современной топонимии Финляндии тип на Vonk(k)a- считается карельским по происхождению [Vahtola 1980: 339]. Его картографирование указывает (рис. 6), что основной ареал названий находится на Карельском перешейке и в Северо-Западном Приладожье. Данный факт, по всей видимости, может свидетельствовать о том, что рассматриваемая модель появилась именно здесь. В пользу этого говорит и тот факт, что в Северо-Западном Приладожье фиксируется и соответствующий апеллятив vonk(k)a со значениями ‘конец залива, изгиб берега, излузина реки, углубление в водоеме’ [SMSA].

● - Лаканей / Lakkapää

○ - Lakkapedäjä

● - Названия на Vonka; Vonka-
Вонка; Vonga-

Как на финском фоне выглядит рассматриваемая топонимическая модель на Vonk(k)a- в Карелии?

Апеллятив *vonga/vongu/vong(e)* со значениями 'излучина реки, залив, омут, плес, водоворот' известен ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка, а также ряду южных переходных говоров собственно-карельского наречия в Финляндии. В топонимии основная масса названий с использованием этого апеллятива также встречается преимущественно на территории проживания карел-ливвиков и карел-людиков. Фиксируются они и на вепсских территориях, где известен апеллятив *bong* со значениями 'омут, глубокая и широкая часть реки' [ПФГЛ: 101].

В то же время обращает на себя внимание отсутствие апеллятива *vonk(k)a* на собственно-карельских территориях, а также единичные фиксации названий рассматриваемого типа в собственно-карельском ареале расселения. Если этот факт не является издержкой сбора топонимического материала с вышеупомянутых территорий, то можно говорить о том, что при переселении, по крайней мере, второй и третьей волн карелы на новые территории (XVI-XVII века) модель наименования с основой *Vonk(k)a-* уже не использовалась. А это, в свою очередь, дает основание предполагать, что данный тип топонимообразования может быть связан с более ранними периодами освоения карельским населением внутренней территории Карелии и беломорского побережья.

Если обратимся еще раз к карте распространения модели, то увидим, что северно-карельские названия с основой *Vonk(k)a-* хорошо привязываются к одному из ответвлений известного средневекового карельского пути из Приладожья в Приботнию, используя который, можно было попасть на побережье Белого моря. Активное использование приладожскими карелами данной водно-волоковой магистрали связывается с периодом после захвата Приладожской Карелии Швецией в 1278 году. Именно с конца XIII века карельские выходцы устремились осваивать отдаленные северные промысловые территории, которые находились на северо-восточном побережье Ботнического залива и в районе вокруг озера Оулуярви [Kiviniemi 1971: 84]. Возможно, что именно с распространением этого населения могли появиться названия на *Vonk(k)a-* как

на побережье Ботнического залива, так и в Беломорской Карелии. Подтверждением правомерности такого предположения является, на наш взгляд, достаточно раннее упоминание интересующей нас реки Вонга в письменном источнике XV века [МПИК: 309].

Таким образом, зафиксированные в Поньгоме топонимы этого типа хорошо вписываются в данный карельский ряд, являясь логичным завершением довольно обширного ареала, который тянется с Карельского перешейка и Северного Приладожья, с одной стороны, на северо-запад к берегам Ботнического залива, с другой, на северо-восток к побережью Белого моря.

Есть основание предполагать, что и за некоторыми другими топонимами Беломорья скрываются карельские оригиналы, являясь, таким образом, переводными кальками традиционных карельских топонимных типов. Среди них, например, поворот реки Нюхчи – Журавка, название которого может быть калькой метафорической модели Kurenpolvi ‘колено журавля’, которая используется карелами для именованя крутых поворотов на реках, напоминающих по форме ‘ногу’ журавля. Другой пример – порог Семь Плесов на реке Кереть, который упоминается уже в документе 1544 году [АСМ 1479–1571: 67]. В карельской топонимии известен тип топообразования Seičenoikie ‘Семь Плесов’, который используется при наименовании длинных по протяженности порогов. Следующий пример – Бобровый ручей в окрестностях Нюхчи, название которого, по всей видимости, связано с текущим в полутора километрах от него ручьем Майручей. В основе последнего восстанавливается карельский оригинал Maiaua со значением ‘бобр’. Переводной калькой может быть и название крупного камня Кони́чек в селе Нюхча, о чем, возможно, свидетельствует название расположенного рядом с ним поля Варзанга (ср. кар. *varga* ‘жеребенок’), а также зафиксированное в деревне Черная Река сельскохозяйственное угодие Щетински. Вариантом последнего является название Тукач, в котором восстанавливается карельская форма *Tukačši, (из *tukka* ‘волос, волосок’ + суффикс *čši*).

Таким образом, становится очевидным, что прибалтийские финны Беломорья жили до их ассимиляции достаточно продолжительное время вместе с русскими. Подтверждают данный факт и данные диалектологии. Исследовавшая в 60-х гг. XX века поморскую лексику И. В. Сало отмечает, что в русских говорах Поморья

сохранилось значительное количество прибалтийско-финских и даже саамских заимствований. Особенно много их в области рыболовства и лесного хозяйства, а также среди географической терминологии. [Сало 1966: 19]. В качестве примера приведем ряд слов, используемый местным русским населением поморских сел исследуемого региона: канабра ‘багульник’ (кар. kanabra ‘вереск’), кореха (кар. kuoreh ‘корюшка’), в топонимии Корехостров; луда ‘остров; отмель с выступающими над поверхностью воды камнями’ (кар. luodo ‘риф, песчаная отмель’), в топонимии Нюхослуды, Крестовая луда; корга ‘каменистая подводная отмель’ (кар. korgo ‘каменистая подводная отмель’), в топонимии остров Корги, порог Косая Корга; щелья ‘каменистое возвышенное место’, в топонимии Белая щелья; лахта ‘заводь, залив на реке’ (кар. lahti ‘залив’), в топонимии Ржаная лахта, коппала (кар. korpala ‘глухарка’), ламба (кар. lambi ‘небольшое озеро’), торбалка (кар. tarboin ‘ботало’), урак (кар. urakka ‘двухгодовалый домашний олень-самец’), вонделица (кар. vonnelo ‘двухгодовалая самка домашнего оленя’), улайдать (кар. ulissa ‘выть, голосить’) и многие другие, отражающие различные стороны традиционной поморской культуры.

При этом отметим, что в некоторых названиях на исследуемой территории до сих пор сохраняются карельские особенности в произношении, что может быть свидетельством относительно поздней ассимиляции карельского населения: ср. Кордехпорог (Шуерецкое), Леппозеро (Поньгома), Палонаволок (Поньгома), Ковераозеро (Княжгуба), Пиртозеро (Калгалакша), Кивигуба (Чупа), Шитталамбина (Кереть) и др. Данная особенность свойственна, главным образом, топонимии Карельского берега Белого моря, где вплоть до начала XX века связь со смежными карельскими территориями была более тесной, чем на юге исследуемого региона.

Об ассимиляции прибалтийско-финского населения свидетельствуют также современные фамилии жителей поморских деревень, восходящие к карельским антропонимам: Карельские, Шамалуев, Кукарин (Нюхча), Пакулин (Колежма), Койбин, Шуттиев (Сумский Посад), Каншиев (Шижня), Тиммиев (Черная Река), Карвариндин, Миккуев (Ковда), Коргуев, Таскаев, Тимиев (Кереть), Маюрев (Княжгуба), Адеев, Югаров (Летняя Река), Кутчев, Миков (Поньгома) и др.

Отметим, однако, что на сегодняшний день в обследованных населенных пунктах процент фамилий прибалтийско-финского происхождения все же достаточно мал в сравнении с фамилиями, которые имеют русские истоки, не говоря уже о документах XVI века, в которых в населенных пунктах Поморского берега и южной части Карельского берега (Кемь, Шуерецкое) фиксируется более сотни родовых прозвищ прибалтийско-финского происхождения.

В то же время процент населения, имеющего прибалтийско-финские корни, может быть выше как среди современных жителей поморских сел, так и среди тех, кто фиксируется в документах с русскими именами и родовыми прозвищами. Связано это с тем, что имена и фамилии, зафиксированные в документах, очень часто ничего не дают для определения этнического состава населения, проживающего в том или ином населенном пункте. Официально прибалтийско-финское население было православным, поэтому их имена и родовые прозвища очень часто не отличались от русских даже в тех местах, где проживание прибалтийских финнов не вызывает сомнения.

Сложно, например, что-либо говорить об этнической принадлежности упомянутых в конце XVI века кемских жителей по фамилии Внуков или Пеляка [АСМ 1572-84: 87, 163], если не знать, что их потомки через сто лет упоминаются среди торговцев-карел, прибывших в 70 годах XVII века для участия в Каянской ярмарке: ср. Внукуа Карппа, Пёлляккяйнен Хома. Кроме них в списке участников более 20 человек карел из беломорской Кеми: Харакайнен Ипатти, Дансасйнен Лаасари, Педри Кананпойка, Сяляхкяйнен Якоб, Куйсма Тимонпойка, Гийтта Тобиланпойка, Логина Степанович, Киурунен Даниел, Прёссюйнен Куйсма, Метцойнен Иван и др. [Kokkonen 2002: 365-372].

Как русского, так и прибалтийско-финского происхождения мог быть и упомянутый в Нюхче в документе 1583 года Павел Омелянов. В данном случае на помощь исследователю могут прийти данные топонимии. В 1563 году на берегах реки Нюхча существовала небольшая деревня Омелянова гора [ПКОП: 158-159], а сегодня известно название горки Мелёшинка, оформленное двумя следующими друг за другом суффиксами -шина и -ка. Производящей основой последнего названия выступает карельский вари-

ант русского православного мужского имени Емельян – Mel’o, что, возможно, свидетельствует о принадлежности Павла Омельянова к карельскому населению села Нюхча.

Можно предположить карельские истоки и у современного рода Козловых, также проживающего в селе Нюхча. На эту мысль наводит вариант название мыса Пакульского – Пуккила, на котором находились покосы жителей села. В его основе восстанавливается карельское прозвище Пукки (кар. *rukki* ‘козел’), оформленное прибалтийско-финским суффиксом *-la* с локативной семантикой.

В связи с упомянутым выше названием мыса Пуккила, кратко остановимся на карельской ойконимной модели I-ового типа, поскольку на основании ее распространения можно делать некоторые выводы о времени колонизации карельским населением побережья Белого моря.

В окрестностях села Нюхча зафиксировано и другое название I-го типа – возвышенность Ченжала, рядом с которой проходил тракт Малошуйка – Сорока. Заманчиво видеть связь названного топонима с карельской лексемой *čop’žoi* со значением ‘блоха’. Возможность существования подобного антропонима поддерживается, например, названием карельской деревни *Čondžoilu* (рус. Ченжойла), находящейся в Олонецком районе, а также данными родственного финского именованного, ср. современная фамилия *Kirppi* < апел. *kirppi* ‘блоха’ [Карлова, рукопись: 52]. Кроме Нюхчи I-овый тип встречается еще в ряде топонимов исследуемого региона: ср. остров Реболы в окрестностях села Сумпосад, в основе которого мы можем видеть древний прибалтийско-финский антропоним *Rebo, восходящий к апеллятиву *rebo* ‘лиса’, а также, возможно, урочища Архапля в Колежме и Найгалевская в Керети, в которых восстанавливаются прибалтийско-финские оригиналы **Arhippal’a* (< кар. *Arhippa* ‘Архип’ + *-l’a*) и **Naik(k)ala*. Такая реконструкция последнего топонима поддерживается, например, названием возвышенности *Naikkalanvuoga*, зафиксированной в окрестностях деревни Ухта (совр. пос. Калевала) на севере Карелии.

В среде карельского населения *-l*-вый тип становится продуктивным при наименовании поселений в XV веке. При этом известно, что модель названий на *-la/-lä* присваивалась на первом этапе заселения первому дому, родовому гнезду, с которого род начи-

нался, где к имени основателя присоединялся суффикс -la/-lä [Кузьмин 2003: 67].

В связи с анализом данной модели наименования обратимся к документам середины XVI – первой трети XVII веков по Выгозерскому погосту, куда относилась часть сел Поморского берега Белого моря. В них фиксируется ряд поселений, оформленных формантом -ичи/-ици (Койкиничи, Кяменицы, Пеженицы, Пижиницы, Та(й)гиницы, Тиканицы [Витов 1974: 120-142]), который использовался в русской топонимии для адаптации прибалтийско-финских ойконимов, образованных от нехристианских имен и прозвищ, оформленных суффиксом -la [Муллонен 2002: 85-86]. Подтверждением этому является, например, карелоязычный вариант названия деревни Кяменицы Kämmälä, которое, как мы видим, содержит интересующий нас формант. Таким образом, названия, зафиксированные в Поморье (главным образом, на юго-западном побережье) являются продолжением ареала названий поселений -l-ового типа, тянущегося из Средней Карелии (Сегозерья) через Выгозеро к Белому морю. Тем самым, они могут рассматриваться, на наш взгляд, в контексте средневековой карельской миграции, которая к середине XVI века достигает побережья Белого моря. Сохранение карельской -l-овой модели в топонимии сел Беломорья связано, на наш взгляд, с тем, что на момент переписи однодворные (малодворные) деревни Пуккила, Ченжала, *Ребола, *Архиппаля и *Найк(к)ала могли уже прекратить свое существование в связи с переселением их жителей, например, в более крупные поселения, но их названия остались функционировать в качестве одноименных урочищ, для обозначения которых тип на -ичи /-ици уже не использовался.

Возвратимся еще раз к упомянутым выше фамилиям/родовым прозвищам прибалтийско-финского происхождения, которые фиксируются в документах XV-XVI веков. Большая их часть сейчас не известна русской антропонимии Беломорья, что, как казалось бы, может свидетельствовать о полной ассимиляции дорусского населения, проживавшего когда-то на побережье Белого моря. Однако на основании распространения карельских неофициальных фамилий и карелоязычной топонимии на сопредельных с Поморьем территориях можно говорить о том, что на определенном этапе

истории карельское население или переселилось, или было оттеснено русскими с побережья на внутренние территории. Ниже представлен для сопоставления ряд фамилий, упомянутых в документах по территории побережья, и их эквиваленты, фиксируемые в настоящее время среди карел, проживающих, главным образом, на территории бывших Тунгудской, Шуезерской, Маслозерской и Подужемской волостей: ср.

- Бузуй (Шуерецкое), 1598 [ИК I: 235] – фамилия Puzu (Шуезеро)
Гагарин, 1700-е годы (Кемь) [Pöllä 1995: 67] – деревня Kagara и фамилия Гагарин (Гагарино)
Геймоев (Сума) [ПКОП 1563: 162] – остров Neimonsuagi (Лежево) и фамилия Rodn'a(zet) < *Heimo (Ушково): heimo 'род, родня, семья'
Гимоев (Сума) [ПКОП 1563: 160] – остров Nimonsuagi (Нотоварака): пр.фин антропоним Niimo
Каргуев (Кемская волость), 1459 г. [МПИК: 24] – фамилия Медведев (Пильдозеро, Елманга): karhu 'медведь'
Кардеев или Кардиев (Кемь) [АСМ 1572-84: 23, 205] – фамилия Karttozet (Кевятозеро)
Конжуев (Кемь) [АСМ 1572-84: 214] – фамилия Konžuzet (Подужемье)
Костиев (Кемь), 1479-1488 гг. [МПИК: 117] – фамилия Kostizet (Лежево)
Лежеев (Кемь), 1630-е г. [Pöllä 1995: 55] – деревня Ležol'a (Лежево)
Лисица (Шуерецкое), 1597 г. [ИК I: 217] – фамилия Rebo (Пебозеро): rebo 'лиса'
Лузикин (Шуерецкое), 1598 г. [ИК I: 240] – фамилия Loškaset (Кизрека): luzikka 'ложка'
Метцойнен (Кемь), 1670-е годы [Kokkonen 2002: 365] – фамилия Mecoizet (Березово, Риговарака, Маслозеро)
Микуев (Кемь) [АСМ 1479-1571: 61] – фамилия Mikkoset (Шуезеро)
Муха (Шуерецкое) [АСМ 1479-1571: 137] – фамилия Kärpäzet (Пебозеро): kärpäne 'муха'
Ораванов (Кемская волость), XV в. [МПИК: 121] – берег Oravaizranda (Шомбозеро)
Пеляка (Кемь) [АСМ 1572-84: 163] – фамилия Pölläkkä (Курьяварака)

Пипитяев (Кемь) [АСМ 1572-84: 164] – фамилия Pipittäjä (Кургиево)
Пичюев (Кемь) [АСМ 1572-84: 87] – озеро Piichönlambi (Маслозеро)
Репьев (Сума) [АСМ 1572-84: 144] – фамилия Rörpö, Реппиев (Афо-
нино)
Рухтин (Сума) [ПКОП 1563: 160] – дом Ruhtol'a (Кевязозеро)
Силуев (Кемь) [АСМ 1572-84: 133] – деревня Siilanniemi (Летнее Озе-
ро)
Туруй (Кемь) [АСМ 1572-84: 118] – фамилия Turuzet (Березово, По-
дужемье)
Ушкалов (Кемь) [АСМ 1479-1571: 242] – деревня Uskela (Ушково)
Чевакин (Сум.волость) [АСМ 1572-84: 202] – часть деревни
Čivakkala (Тунгуда)
Югаров (Летняя Река) – фамилия Jukaraiset (Кизрека)

О приходе населения с территории Финляндии возможно сви-
детельствуют топонимы на Ям-/Ем-, в которых восстанавливается
прибалтийско-финская основа Häme(h)- со значением ‘емь’¹². На
побережье Белого моря в пределах Карелии известно четыре топо-
нима этого типа: ср. острова Еместров¹³ в Колежме и Ямостров
(< *Häme(h)suari) в районе села Шуерецкого, последний фиксиру-
ется в документе 1597 году как Гямостров [ИК: 218], ручей Ямру-
чей, впадающий в Белое море рядом с Ямостровом, а также озеро
Емозеро (вар. Ямезеро) (< *Häme(h)järvi, находящееся также в ок-
рестностях села Колежма.

Названия с основой Häme(h)- принято обычно считать
свидетельствами былого емского влияния, которое распростра-
нилось когда-то на обширные территории. При этом географи-

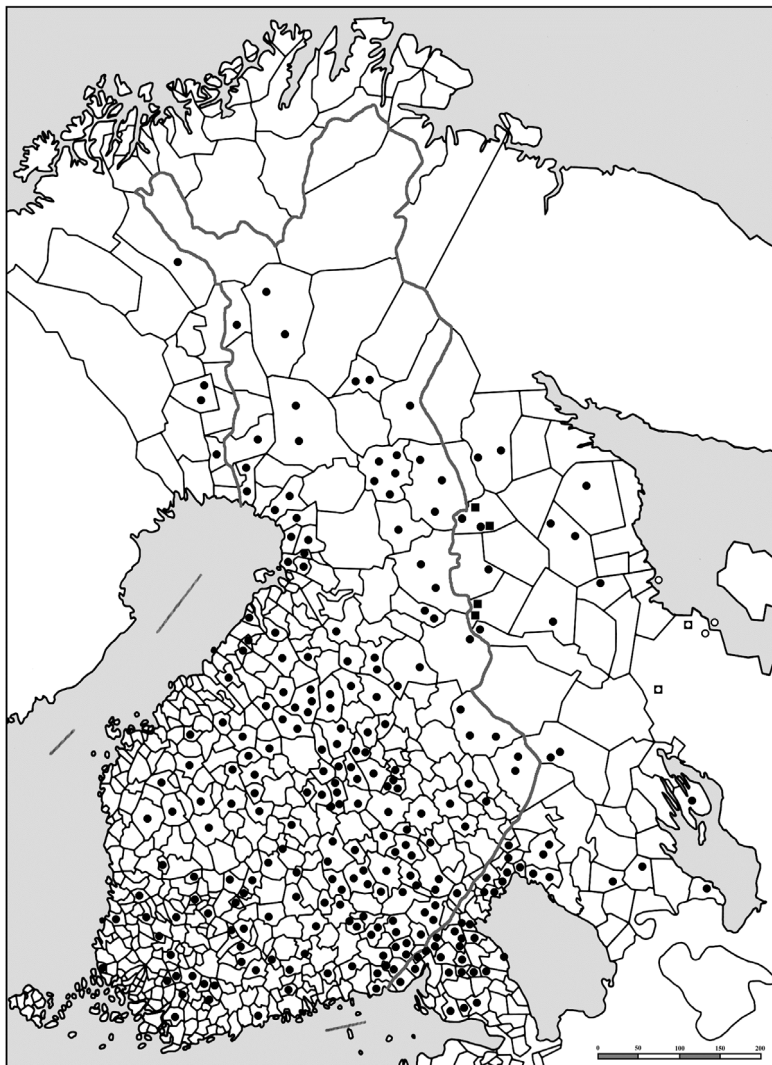
¹² В начале XIX века российскому ученому, одному из первых исследователей истории Финляндии А. Х. Лербергу, удалось найти ответ на вопрос, связанный с идентификацией племени емь, которое часто упоминалось в русских летописях IX-XIII веков. В своей работе “О местообитаниях еми” он установил, что “емь” русских летописей - это главное финское племя “häme”, издавна жившее в южной Финляндии [Шаскольский 1950: 93].

¹³ На мысль о том, что топоним Еместров может иметь этэтнотимические истоки, наводит, на наш взгляд, присутствие недалеко от него острова Лопский. Этэтнотимические названия, как известно, возникают в результате контактов между представителями различных этносов, маркируя при этом территории и границы их расселения.

ческие названия этого типа, также как и другие модели предположительно емского происхождения, являются чуть ли не единственным источником, который мог бы подтвердить факт участия еми в колонизации территории современной Карелии.

Картографирование модели показывает, что названия с топоосновой *Nämeh-* фиксируется на территории проживания людиков и северных вепсов, в топонимии ливвиковского и собственно-карельского ареалов, главным образом в Беломорской Карелии, а также у русского населения Заонежья и Беломорья. (рис. 7). Наибольшая концентрация топонимов этого типа все же находится в Приладожье, на родовой территории карельского народа, и свидетельствует, по всей видимости, об активных контактах древней корелы и еми в пределах этой территории на ранних этапах истории.

Наибольший интерес для нас представляет группа этнотопонимов с основой *Nämeh-* на территории современной Карелии. Появление данной топоосновы может быть связано с карельской миграцией конца XVI – первой трети XVII века на территорию России. Это переселение приняло массовый характер при передаче Корельского уезда под власть шведской короны в феврале 1609 года [История Карелии: 113, 136], а также после Столбовского мирного договора 1617 года. Возможно, что вместе с карельским в Россию переселялось и некарельское население, результатом чего стало появление интересующих нас этнотопонимических названий. Подтверждением правомерности такого предположения может служить, например, указ царя Бориса Годунова об освобождении от выплаты налогов жителей Корельского уезда, в том числе финнов и шведов (“латышей Финские и Свейские земли”), переселившихся на территорию Карельского уезда во время его оккупации и не пожелавших возвращаться назад в королевство [История Карелии: 137]. Об этом свидетельствуют, на наш взгляд, названия объектов емского и карельского происхождения, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Приладожья с территории бывшего Карельского уезда в современную Карелию.

● - Названия с основой Häme(en)-/Hämeh(en)-

○ - Названия с основой Гям-/Ям-/Ем-

■ - Фамилия/родовое прозвище Hämläini

□ - Фамилия/родовое прозвище Ямлянин

С другой стороны, эти же модели емского происхождения в топонимии Карелии могут указывать и на достаточно раннее, докарельское освоение этих территорий емью. Так, исследователь финно-угорских языков М.А. Кастрен на основании родовых преданий, записанных им в 30-х годах XIX века у беломорских карел, делает вывод, что туда достаточно рано могло прийти население из Хяме [Castren 1852: 86]. По мнению М. Пелля, появление емской топонимии на территории Беломорской Карелии датируются концом железного века, когда через эту территорию проходили торговые пути, связывавшие Северную Норвегию и Юго-Западную Финляндию с финно-угорским населением на Северо-востоке Европы [Pöllä 1990: 29].

Возможно, речь может идти о промысловом освоении жителями Западной Финляндии этих отдаленных восточных территорий, что косвенно подтверждает одно из сведений, записанных Ювелиусов в 1887 году в карельской деревне Панозеро, находящейся в центральной части Беломорской Карелии: “До грабительских войн [начало XVIII века – Д.К.] приходило в Карелию финское население (кар. *guoçit*) в мирных целях для добывания жемчуга в порогах” [Juvelius 1888: 63]. Таким образом, данный факт может быть, например, отголоском тех давних времен и событий, когда древние охотники и рыболовы из Хяме могли использовать эти отдаленные территории в промысловых целях. Возможно, этим и объясняются большинство топонимов с основой *Nämeh-* в Карелии, которые фиксировали право емского населения на использование тех или иных территорий или природных объектов. Таким образом, топонимами с основой *Nämeh*¹⁴-

---

¹⁴ Однако стоит заметить, что не все названия с основой *Nämeh-* могут иметь этнонимические истоки. Так, часть названия этого типа может быть связана с восприятием имядателем освещенности объекта. С связи с этим основанием номинации некоторых объектов на *Nämeh-*возможно стала плохая освещенность тех или иных мест, и они связаны с прибалтийско-финской основой *hämä-*: ср. *hämä-rä* ‘темный’, *hämy* ‘сумрак’ [Koivulehto 1997: 161-162]. В то же время в людиковском наречии карельского языка известен апеллатив *hämeghein* со значением “осока” [NA]. В связи с этим возникает вопрос, не связано ли появление, по крайней мере, части названий с топоосновой *Nämeh-* в Карелии с более широким бытованием вышеуказанного апеллатива на определенном этапе истории.

карельское население могло помечать места, где оно соприкасалось с представителями еми.

В топонимии побережья Белого моря представлено два названия с основой Немецкой¹⁵, которые, на наш взгляд, также могут рассматриваться в контексте освоения жителями Финляндии рассматриваемой территории: остров Немецкой Кузов в окрестностях Кеми и скала Немецкая щелья в районе Вирмы. Кроме этого в селе Шуерецкое в конце XVI века проживало два жителя с фамилией/родовым прозвищем немчин [ИК: 217], что также может указывать на их возможное финское происхождение.

Емского происхождения могут быть и названия объектов с основой Кемь-/Кемі-, которые зафиксированы на территории Карелии. Самым известным названием среди них является название реки Кеми (кар. *Kemi*), впадающей в Белое море, одно из первых упоминаний о которой мы находим в документе середины XV века (1447-1454 гг.) [МПИК: 101]. На севере Беломорья, в окрестностях села Керети известна также группа островов, которая имеет общее название Кемьлуды (кар. *Kemiluuvvot*). Кроме этого, в описании Кемской межи 1591 года среди упоминающихся в нем названий различных природных объектов мы находим остров Кемской¹⁶ в Белом море, который, судя по описанию, располагается приблизительно в районе деревни Калгалакша [МПИК: 326], ср. совр. тоня Кемьская Корга в окрестностях вышеупомянутой деревни.

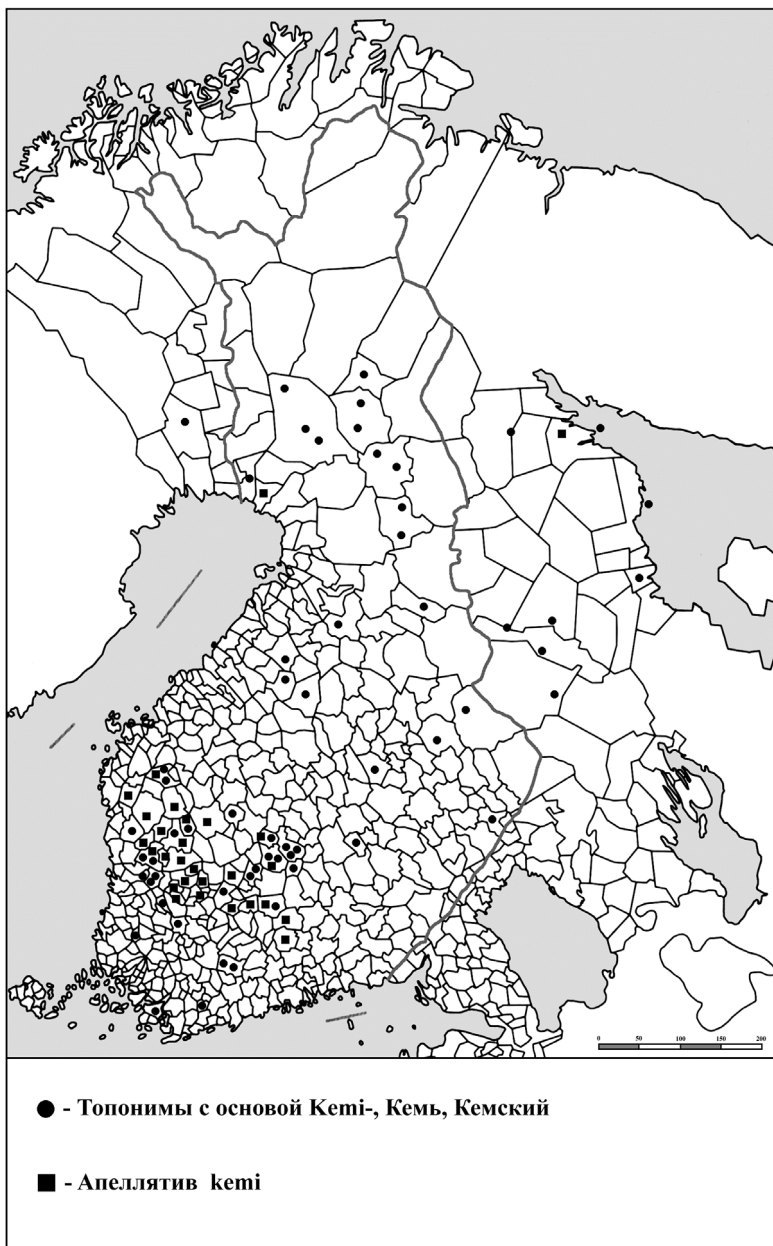
Основным ареалом распространения названий типа на *Kemi-* является Южная Финляндия, а именно территория Хяме и Сатакунта. На этих же территориях известен и апеллатив *kemi* со значением 'сухое, неплодородное поле с твердой почвой; поляна или луг'. Таким образом, распространение типа *Kemi-* на юге поддерживается распространением соответствующего апеллатива (рис. 8). По мнению Р. Нирви, слово *kemi* первоначально было особым термином, связанным с промысловой культурой и обозначающим 'место проживания или пребывания во время сезонного рыболовства на отдаленных промысловых территориях'. При этом исследователь связывал названия данного типа

---

¹⁵ Немцами в Карелии называли жителей Шведского королевства, в том числе и финнов.

¹⁶ Данное название, возможно, могло указывать на границу промысловых и сельскохозяйственных угодий жителей Кеми того времени.

с бытующим в Хяме и Сатакунта апеллятивом *kemi* [Nirvi 1948: 243-250]. Й. Вахтола предполагает, что первоначально слово *kemi* было географическим термином, который обозначал место с твердым грунтом. По его мнению, распространение топонимов с основой *Kemi-* также является свидетельством промыслового освоения территории Финляндии выходцами из Хяме. Соответственно, емским, по мнению Й. Вахтола, является и название реки Кемь в Беломорской Карелии [Vahtola 1980: 230].

Однако, апеллятив *kemi* со значением ‘сухое неплодородное поле; луг; поляна’ вряд ли подходит для объяснения всех названий этого типа. Существуют и другие этимологии названий с основой *Kemi-/Кемь-*. Первым попытался расшифровать названия вышеупомянутого типа А. Кастрен. Побывав на Алтае и в Сибири, он приходит к выводу, что слово *kemi/кемь* значит ‘большая река’. Академик А. Соболевский название Кемь сравнивал с древнеиндийским *кам-* ‘вода’. Этому же мнения придерживается и А. К. Матвеев. Апеллятив *кам* со значением ‘река, поток’ зафиксирован, например, в некоторых диалектах удмуртского языка [ЗКТ: 48]. Известно также алтайское слово *кем*, которое означает ‘река, речка’ [Мурзаев 1974: 184]. В Финляндии название реки *Kemi* соотносят иногда с названием реки *Kumi*, ср. апеллятив *kumi* со значением ‘река, поток’ в финском языке. Из всего вышеперечисленного, составители книги “Загадки карельской топонимики” Г. М. Керт и Н.Н. Мамонтова делают вывод, что названия данного типа могли возникнуть в разное время у разных народов, но в основе своей они имеют общее значение ‘вода, река’ [ЗКТ: 48].

На основании ареала распространения названий с основой *Kemi-* (рис. 8) можно все же предположить, что модель проникает в современную Карелию из Хяме. В то же время названия данного типа могли появиться и в среде карельского населения. На это может указывать фиксация на сопредельных с русским Беломорьем севернокарельских территориях апеллятива *kemi(paikka)*¹⁷ ‘сухое, возвышенное место с песчаной почвой, часто поросшее кустарни-

---

¹⁷ Данный апеллятив зафиксирован автором в деревне Нильмозеро Лоухского района.

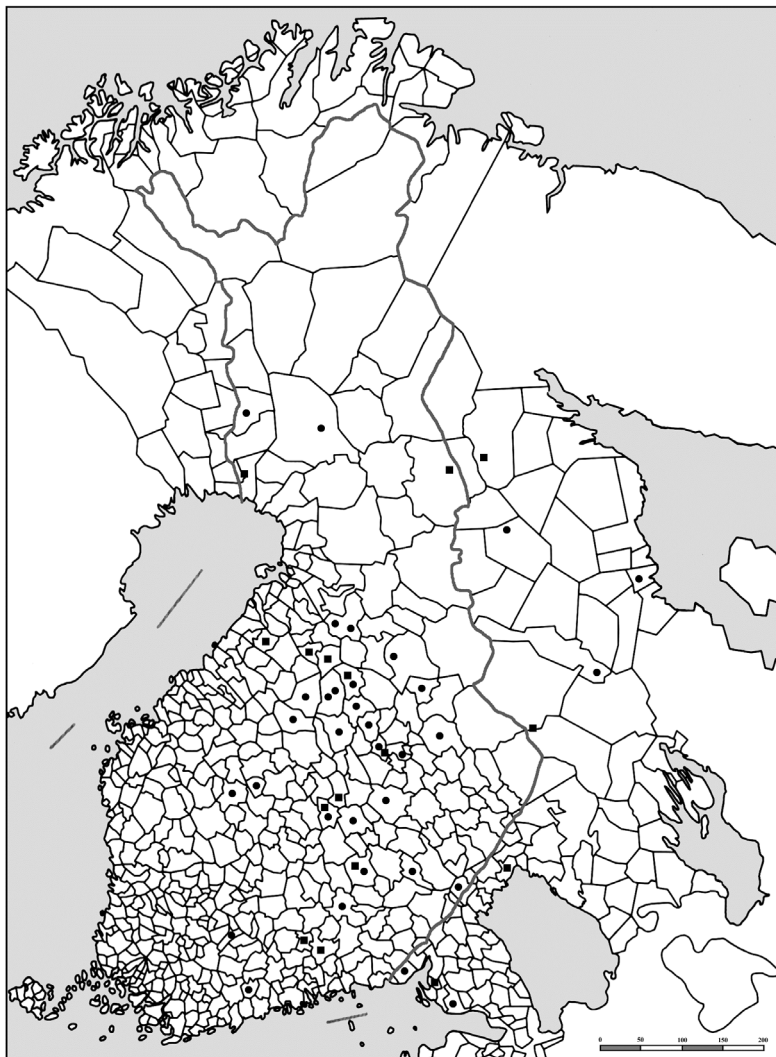
ком'. При этом возникает вопрос, был ли апеллятив *keti* усвоен карельским населением здесь, на территории современной Карелии, или же его существование в карельском языке восходит к периоду проживания карельского этноса на территории Приладожья, где контакты с представителями еми имели более интенсивный характер?

Таким образом, вопрос об истоках этой модели и времени ее появления в Карелии остается пока открытым и требует дальнейшей разработки.

В топонимии села Шуерецкого присутствует модель называния с основой Oulu-, которая, по мнению некоторых исследователей, также могла появиться в среде западно-финского населения, ср. река Олон(ь)га (кар. Oulunga), которая упоминается в документе 1591 года в форме Олунга [МПИК: 327].

Модель названия с атрибутом Oulu- достаточно широко представлена на территории Финляндии (рис. 9), где зафиксировано более двух десятков названий этого типа. Их связывают с бытующими в некоторых говорах юго-восточного диалекта финского языка и диалекта саво словом *oulu* со значением 'половодье, полая вода', которое, в свою очередь, считается саамским заимствованием (ср. саамШ. *oului, oauloj, åulo* 'шуга; растаявший снег; вода, выступившая весной на поверхности льда' [SKES]). Таким образом, мотивом номинации объектов с основой Oulu- могло стать их отличие на фоне окружающих подобных объектов в том, что они были заметным образом залиты водой, особенно в весенний период.

Согласно наблюдениям Ээро Кивиниеми, ареал бытования рассматриваемых названий напоминает распространение некоторых достаточно древних емских типов. Исследователь также предполагает, что данная модель топонимообразования могла появиться в восточном Хяме по крайней мере в конце первого тысячелетия н.э. [Kiviniemi 1984: 341]. На относительную древность названий на Oulu- в Финляндии указывает и тот факт, что некоторые из них закрепились в названиях достаточно крупных водоемов. Наиболее известными и древними среди них являются озеро Оулуярви и река Оулуйоки в Приботнии, которые фиксируются впервые в письменном источнике 1327 года в форме *vlu*, а в 1328 - *wlu*.

● - топонимы на Oulu-/Олунга

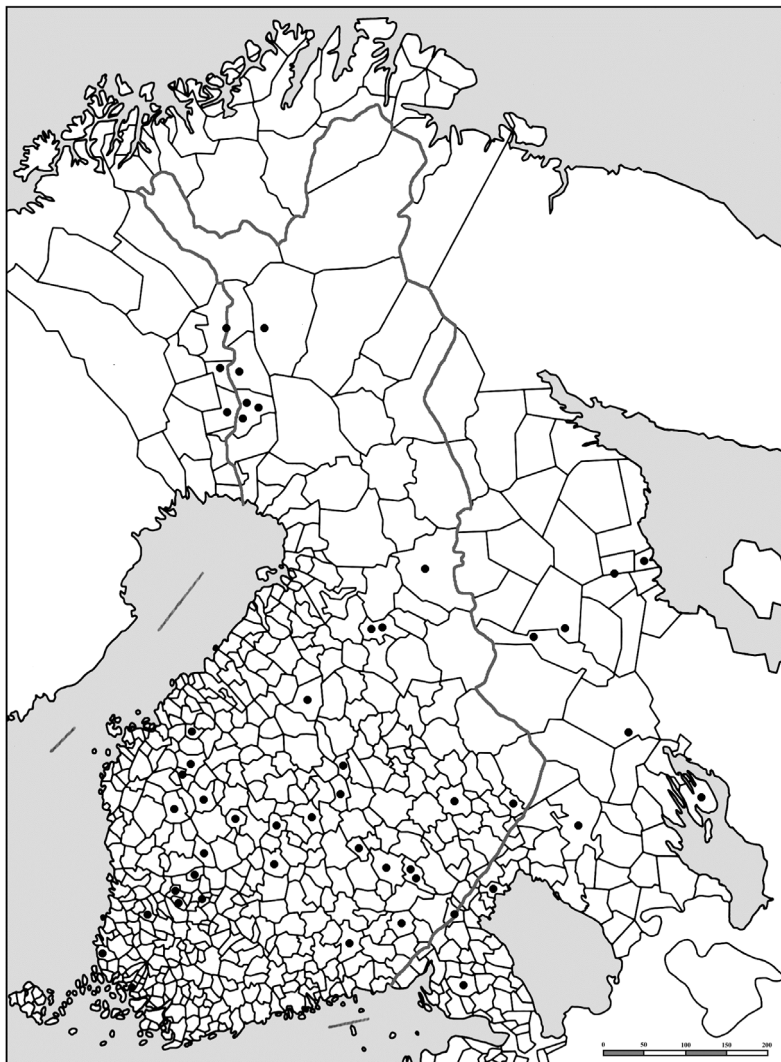
■ - топонимы на Oula-

Тип названий с основой Oulu-, как уже упоминалось выше, присутствует и на территории исследуемого региона. Географическое положение реки Олон(ь)ги в Шуерецкой волости оправдывает версию о том, что основанием номинации могла быть затопляемость территории (разливаемость водоема), поскольку река течет по низинным болотам, а ее берега являются плодородными заливными лугами, что подтверждается сведениями информаторов села Шуерецкого и карельской деревни Подужемье, чьи покосы находились по берегам этого водоема.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что модель Oulu- может указывать на достаточно раннюю, по всей видимости, промысловую деятельность восточной еми в Карелии. Мотивом номинации объектов стал разлив водоема, при этом использовался апеллатив oulu со значением ‘полая вода, половодье’, входивший, по всей видимости, в тот период в лексикон еми. При этом хронологические рамки бытования модели ограничиваются ранней средневековой (1200-1323 гг.) деятельностью этого народа.

Еще одним емским типом, фиксируемым в топонимии Беломорья, может являться топонимная модель с основой Vekara-/Vegara-, которая, возможно, отразилась в названии залива Вегеракша в окрестностях современного города Кемь. О правомерности такой реконструкции, свидетельствует, на наш взгляд, название порога Vekaraine на реке Охта в районе деревни Пибозеро в сопредельной с Кемью Маслозерской волости. На карте распространения модели видно (рис. 10), что большая часть названий этого типа в Финляндии расположена на древней емской территории и на прилегающих к ней промысловых территориях этого народа. Отдельные названия зафиксированы в Центральной Финляндии и окрестностях озер Саймаа и Оулуярви.

По мнению Й. Вахтола, рассматривавшего модель Vekara- в Финляндии, на данный момент достаточно сложно найти однозначное объяснение мотивированности названий этого типа, поскольку речь в данном случае идет о относительно древнем типе топонимообразования. В финских диалектах слово vekara встречается со значениями ‘крючкообразное приспособление для ловли тюленей; кривое дерево или ветка дерева; часть лука; рог’. Учитывая это, исследователь предполагает, что основанием номинации объектов с названиями Vekara-/Vegara- могла быть их изогнутая (кривая) форма, подтверждением чему является карта, на которой, по мнению исследователя, хорошо видна кривизна многих из них.

● - Названия с основой Vekara-; Vekarus-
 Vekaro-; Vegarus-
 Vekari- ; Вегаракса

Основываясь на распространении названий с основой Vekara-, исследователь приходит к выводу, что тип имеет емское происхождение и мог использоваться емью в ранние периоды ее промышленной деятельности на севере и востоке Финляндии [Vahtola 1980: 116-119].

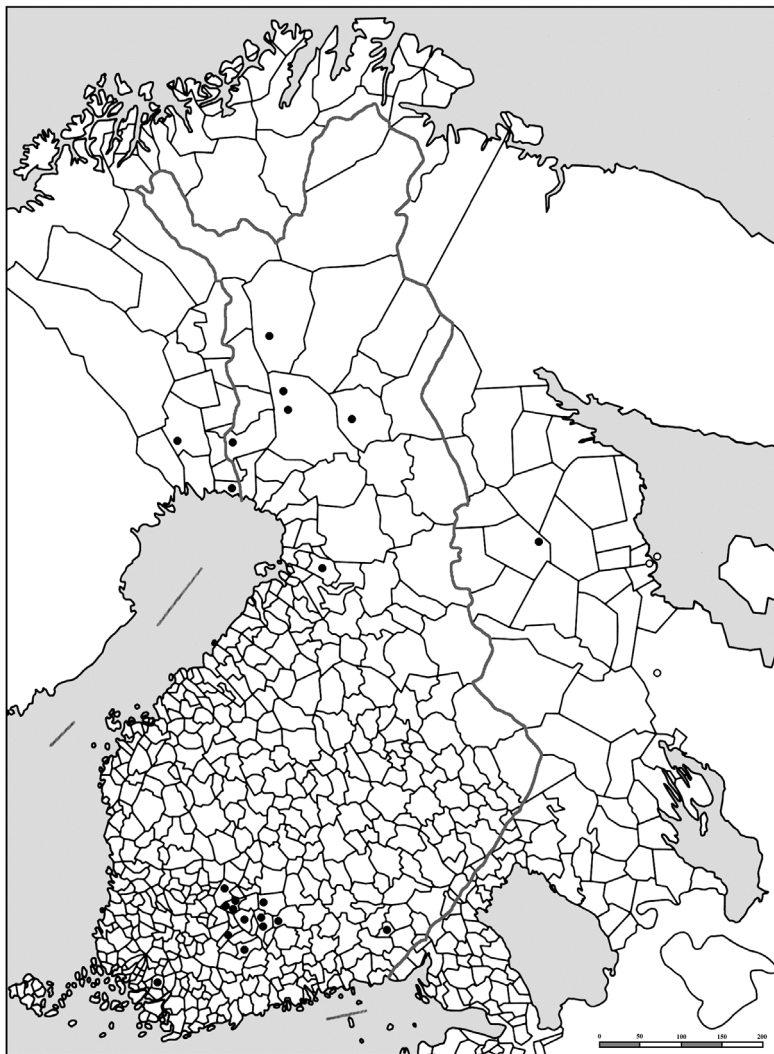
Таким образом, распространение названий из Финляндии в Карелию также может свидетельствовать о раннем емском влиянии, которое могло распространиться и на эти достаточно удаленные территории с населением, у которого в момент популярности модели в лексиконе был апеллятив *vekara* со значением ‘кривой, изогнутый’. Тем не менее, вопрос остается пока открытым и требует дальнейшей разработки.

Емским по происхождению считается и тип Räväs-/Reväs-, который, видимо, отразился в названии возвышенности Ревяжгора (вар. Ревяшьгора) < *Reväž-/Räväšvuara, а также находящихся недалеко от нее острова Белого моря Большой Ревяжий и Малый Ревяжий < *Reväž-/Räväšsuari в окрестностях города Кемь.

На территории Финляндии зафиксировано два ограниченных ареала бытования названий этого типа (рис. 11): в Южном и Юго-Восточном Хяме, а также на севере страны в Перяпохья. Тип в Финляндии считается достаточно древним, на это указывает значительность природных объектов, которые имеют названия на Reväs-/Räväs-, а также неясность их содержания. Однако почти во всех случаях речь идет о высоких скалистых (каменистых) объектах, часто с разломами на вершине, или крупных островах. Тип встречается также в названиях заливов, проливов и озер.

На основании характеристики объектов, которые, как уже упоминалось выше, имеют в той или иной степени разбитую поверхность, Й. Вахтола предполагает, что в основе топонимов восстанавливается апеллятив *reväs/räväs*, который мог быть образованным от глагола *revätä* со значением ‘разрывать, рвать’. Таким образом, тип мог возникнуть для характеристики объектов, имеющих разломанную форму поверхности [Vahtola 1980: 131-137].

Как на этом фоне выглядят названия на Reväs-/Räväs- в Карелии? На данный момент из-за немногочисленности названий этого типа в Карелии сложно подтвердить или опровергнуть факт их появления в результате раннего освоения Карелии выходцами с территории Хяме.

● - Названия с основой Reväs-/Räväs-

○ - Названия с основой Ревеж-/Ревяж-/Ревяжий

В то же время в пользу их емского происхождения могут свидетельствовать, например, уже рассмотренные выше модели, а также идентичная емским названиям географическая характеристика возвышенности с названием Ревяжгора. По сведениям информаторов это лесистая возвышенность со значительным нагромождением камней на вершине. Данный факт, на наш взгляд, может указывать в пользу того, что в момент появления топонима, в языке его создателей мог существовать апеллятив *reväs/räväs*, обозначающий место с неровной поверхностью.

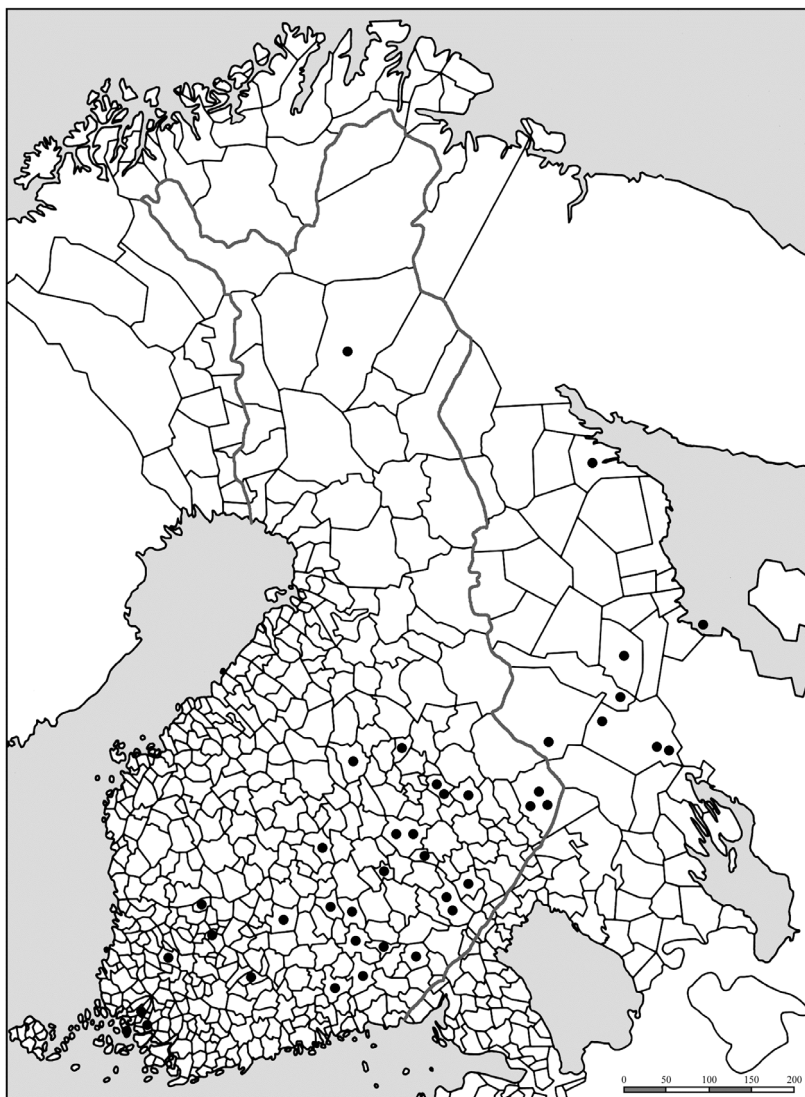
Кроме Беломорья тип известен и в Выгозерье, где еще в первой трети XX века существовала деревня Ревашнаволок (< **Reväš-/Räväšniemi*), которая упоминается в Писцовой книге Обонежской пятины в 1563 году в форме Ревежнаволок [ПКОП: 153]. При этом примечательно то, что в Сумской волости Выгозерского погоста в этом же 1563 году упоминается Федько Ямленин (< *Hämäläinen) [ПКОП: 160], чье родовое прозвище/фамилия может свидетельствовать в пользу его емского происхождения.

Таким образом, можно констатировать, что модель в Карелии является относительно ранней, а мотивом номинации названий этого типа могла стать разбитость/неровность их поверхности, о чем свидетельствует, возможно, зафиксированный в карельском языке апеллятив *räväs* со значением ‘развалина’.

Также как и в предыдущем случае, вопрос о происхождении названий в Карелии все же остается пока открытым.

Еще одним типом, который проникает на территорию исследования, по всей видимости, из Финляндии (рис. 12), является топонимная модель с основой *Petkel-/Petel-* (ср. мыс Петельостров в окрестностях деревни Сухой Наволок). Основной ареал ее распространения находится в восточной Финляндии в Саво. В основе модели лежит апеллятив *petkel/petel* со значением ‘пест’. Все объекты с названиями на *Petkel-/Petel-* имеют вытянутую, узкую форму, и часто, по словам информаторов, напоминают по форме пестик.

Появление модели в Карелии и на побережье Белого моря можно отнести ко времени не ранее второй половины XVI века. Связано это с тем, что активное освоение саволаксами территорий, расположенных к северу, западу и востоку от своей прародины, начинается только с середины XVI века [Jutikkala 1958: 98-99].

● - Топонимы с основой Petkel-/Petel-/Петель-

В то же время, для определения более точных хронологических рамок проникновения данной модели на территорию современной Карелии важно сведение о существовании в Сегозерье волостки Петкелнаволок (совр. Петельнаволок), зафиксированной в дозорной книге Лопских погостов 1597 года [ИК: 202]. Данный факт позволяет сделать вывод, что в конце XVI века модель на Petkel-/Petel- уже распространяется в Карелию с одной из переселенческих волн из восточной Финляндии.

Подводя некий итог, следует отметить, что названия рассмотренных выше емских моделей в Карелии, несмотря на всю спорность изложенной выше интерпретации, выступают все же в целом ряде случаев в наименованиях подобных по географической характеристике объектов, как и на юго-западе Финляндии. Из этого можно сделать вывод, что в Поморье эти модели топонимообразования могли принести те, кому они были известны на юго-западе Финляндии, то есть емь, и речь в данном случае может идти о наименовании по аналогии. Таким образом, все вышеперечисленное свидетельствует, на наш взгляд, о достаточно ранних контактах и связях между территорией Хяме и Беломорьем.

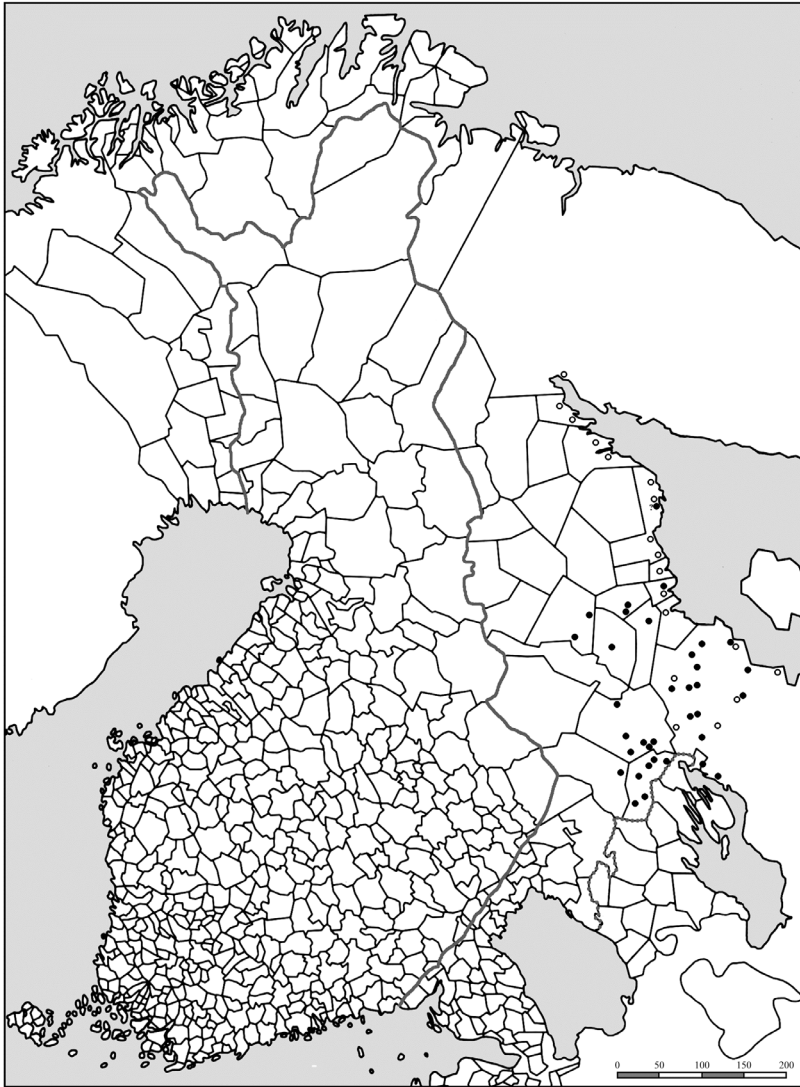
Карельскому пласту названий в южной части Поморского берега, возможно, предшествовал пласт более древних вепских названий. М.В. Витов отмечает, например, что к моменту прихода русских в Заонежские погосты на их территории были расселены разные этнические группы финской языковой семьи: лопь, чудь заволочская, весь, приладожская емь и карелы [Витов 1962: 61-62]. Если факт пребывания вепсов на юге Заонежских погостов не вызывает сомнения, поскольку они проживают там и сегодня, то об их присутствии на севере региона – в Выгозерском погосте – сейчас можно делать только самые приблизительные предположения. Это связано с тем, что в письменных источниках XV-XVI веков, относящихся к исследуемой нами территории, прямых указаний о проживании вепсов нет. Однако они все же могли входить в число прибалтийско-финских насельников края, поскольку существуют некоторые косвенные признаки возможного вепского присутствия в Беломорье. В частности, есть основания полагать, что созданная в конце XV века, в связи с присоединением новгородских земель к Москве, административная единица – Заонежские погос-

ты Обонежской пятины, в состав которых входил и Выгозерский погост – объединяла, прежде всего, земли с вепским населением [Муллонен 2006: 131].

В сложившейся ситуации ценным источником для определения вепского, или близкого им в этническом плане компонента на территории юго-западного Беломорья снова становится топонимия.

В силу близкого родства карельской и вепской топонимических систем не просто выявить дифференцирующие вепские признаки в топонимии исследуемого региона. Однако есть ряд топонимических фактов, которые позволяют предполагать, что в формировании топонимии юго-западного побережья Белого моря вепсы могли принять самое непосредственное участие. Среди них, например, зафиксированное в топонимии деревни Вирма сенокосное урочище Вепсино, а также, возможно, распространение в Поморье топонимной модели “Чудские печища” [Витов 1962: 67, 71], которая использовалась для обозначения некогда существовавшего места жительства.

На мысль о докарельском населении юго-западного побережья Поморья наталкивает, например, практически полное отсутствие в топонимии этой части исследуемого региона названий с элементом вара(ка) (ср. собств. кар. *vuara* ‘лесистая возвышенность’). Непонятно слово “варака” и современным информаторам, хотя оно, судя по диалектологическим данным, известно говорам Поморского берега [Мызников 2003: 220]. На территории от Унежмы на юге и до Шижни на севере топонимы с элементом варака/варочка присутствуют только в топонимии двух деревень исследуемого региона (рис. 13): в Унежме Великая варака, Малая варака, в Колежме Варничная варака, Куньи вараки, Трохина варочка. К северу же от Поморского берега тип на варака встречается в русскоязычной поморской топонимии достаточно регулярно, ср. Карповарака (Сорока), Малинаварака (Шуерецкое), Сосновая варака (Кемь), Токровые вараки (Летняя Река), Синяя варака (Поньгома) и др. Для обозначения возвышенностей в топонимии ряда сел Поморского берега используется синонимичная по значению лексема сельга. Причем, наибольшая концентрация данной модели зафиксирована в непосредственной близости от села Нюхча, где известно 7 названий возвышенностей, вторым составным компонентом которых она является: Гандосельга, Касельга, Рокшесельга, Умбосельга и др.).

- - Граница, к югу от которой преобладает тип наименования на Selg(y)-/-selg(y)
- - Топонимы на Сельга-/сельга/Selgä-/selgä в топонимии русского населения юго-восточной Карелии и собственнокарельского населения
- - Топонимы на Вар-/варака/варочка в русскоязычной топонимии юго-восточной Карелии и Беломорья

Данный тип наименования распространен, главным образом, в среде южно-карельского населения – у людиков и ливвиков (ср. ливв. люд *selgy*, *selg* ‘возвышенность, поросшая лесом’). Названия на -сельга широко представлены и к югу от Карелии на большей части Присвирья, которое, как известно, является территорией, входившей в сферу интересов древних вепсов. Таким образом, проникновение данной топонимической модели в юго-западное Беломорье может свидетельствовать об этнокультурном воздействии с Южной Карелии, с территории близкой в этническом отношении вепсам, от которых, по всей видимости, географический термин “сельга” был усвоен в южной Карелии (ср. вепс. *sel’g* ‘кряж, возвышенность, гора’). В собственно-карельском ареале расселения для обозначения возвышенностей используется, как правило, лексема *vuaga* с тем же значением.

Картографирование распространения названий с элементом Сельга-/сельга/*selgy/selgä/selg* показывает (рис. 13), что этот тип веерообразно расходится с юга Карелии на север, на собственно-карельские территории, и на северо-восток через Выгозеро по направлению к Белому морю, отражая тем самым возможные пути продвижения на север населения, которое имеет прочную генетическую связь с вепсами. На Беломорском побережье тип на сельга, кроме окрестностей села Нюхчи, не имеет широкого распространения, и встречается только в топонимии сел Колежма и Шуерецкое (Сельгагора, Сельга; Шуесельга). В то же время он достаточно широко распространен на сопредельных с Беломорьем более южных территориях – в Выгозерье и на Сумозере.

Подобный ареал распространения и у лексемы лахта ‘небольшой речной залив’, зафиксированной в говоре сел Колежма, Шижня и Нюхча (ср. ливв. *lahti*, люд., вепс. *laht* ‘залив’). Жителям Нюхчи известно несколько названий, в которых выступает эта лексема: Моршихина лахта, Ржаная лахта, Великая лахта и др., в то время как в Колежме и Шижне всего по одному – Соленая лахта, Купольная лахта). В других населенных пунктах исследуемого региона названий этого типа не обнаружено. Собственно-карельским населением для обозначения залива используется слово *laksi/lakši*. Топонимы последнего типа фиксируются, например, как в документах середины XVI века в Выгозерском погосте (ср. дер. Самолакша

на Выгу, Юголакша [Витов 1974: 137, 140], так и в современной топонимии (ср. населенные пункты Калгалакша, Кандалакша, а также заливы Корбалакса и Лакша на сопредельной с Беломорьем территории Сумозера). Возникает вопрос, не является ли распространение элемента "лахта" в топонимии сел Колежма и Нюхча свидетельством освоения этой части Поморья населением из людиковского ареала, близкого во многих отношениях вепсам?

В то же время апеллиатив "лахта" известен и русским говорам Пудожья, что не исключает возможности проникновения этого географического термина с оттоком на север населения из вышеупомянутого ареала.

К рассматриваемой группе названий можно отнести и зафиксированные в топонимии окрестностей Нюхчи названия озёр Малое и Большое Вирандозеро. Слово виранда по данным словаря Подвысоцкого в значении 'распаханное поле, где был лес' было известно в бывшем Кемском уезде, а в значении 'куча хвороста на подсеке, нарубленный сухой хворост' в Каргопольском и Онежском уездах. В форме веранда 'куча сучьев на подсеке (предназначенная для сжигания)' его знали в Медвежьегорском (Заонежье), Пудожском, Кондопожском, Прионежском и Подпорожском районах Ленинградской области. В карельском языке оно зафиксировано только на территории проживания карел-людиков (ср. *verand* 'куча хвороста в поле (предназначенного для сжигания)' [LMS]. Известно оно и вепсам: *verand* 'костер при сжигании подсеки' [СВЯ]. С.А. Мызников считает, что источником вепского *verand* может быть вепс. глагол *viritada* 'зажигать, разжигать' [Мызников 2003: 355-356].

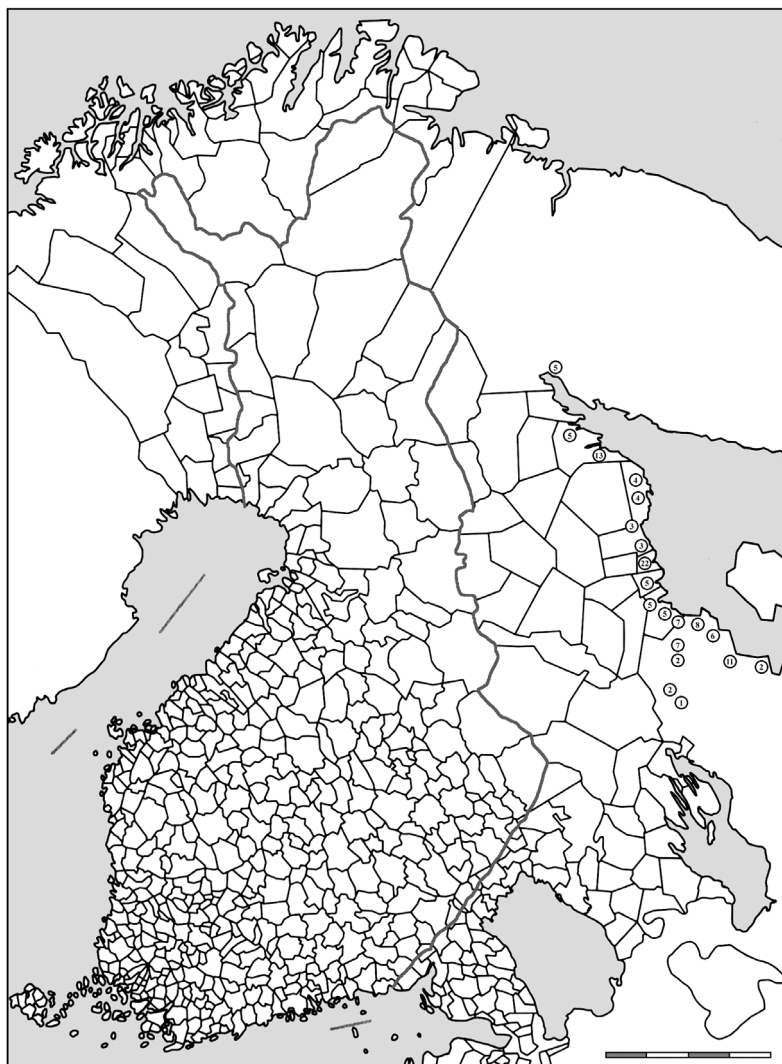
Еще одним примечательным примером может быть зафиксированное в окрестностях Вирмы название Тобручей. Прибалтийско-финская лексема *tobju* со значением 'большой, крупный' известна как вепсскому языку, так и ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка (ср. вепс. *tobj*, ливв. *tobju*, люд. *tobd'*), однако только на территории проживания карел-людиков она используется в топонимии для обозначения крупных по размеру объектов. Таким образом, есть основание предполагать, что название Тобручей в Вирме может является неким людиковским наследием, сохранившимся в топонимии этого поморского села.

На основании имеющегося в нашем распоряжении топонимического материала можно проследить и разные этапы освоения беломорского побережья русским населением. В русском освоении Карелии намечается несколько этапов. Истоки новгородского промыслово-торгового освоения принято возводить к XI–XII векам, массовое крестьянское освоение – к XIV–XVI векам. Низовская колонизация в основном обошла Карелию стороной, затронув лишь самый восток Заонежских погостов и Беломорье [Витов 1962: 53].

Поморье известно как территория, рано попавшая в зону русского (псковско-новгородского) освоения. С новгородской промыслово-торговой колонизацией можно связывать, например, названия, оформленные формантом *-иха*. Это подтверждают материалы новгородских писцовых книг XV–XVI веков, из которых явствует значительная активность суффикса в этом регионе [Полковникова 1970: 469-504].

В топонимии беломорского побережья зафиксировано более сотни названий этого типа (рис. 14): тони Лебедиха, Онисимиха, Ульяшиха, покос Киппоиха (Кандалакша), тони Ермачиха, Котиха, остров Величаиха, Коккоиха, тоня Лобаниха (Черная Река), покос Андрониха, Демидиха, Максимиха, тоня Чересиха, Клюшиха, Козлиха, Круглиха, Обориha, Трясиха, Фарифонтиха, остров Шарапиha, Каржничиха (Кереть), губа Денисиха (Чупа), берег Оденчиха, остров Столбиха (Гридино), губа и порог Емельяниха, луда Зуиха, покос Матвеиха (Калгалакша), пожня Горбуниха, залив Никаниха, остров Столбиха (Поньгома), остров Горелиха, бор Забориха, тоня Рублиха (Летняя Река), острова Белогузиха, Водохлебиха, Гуппоиха, Калиниха, Кашиха, Кисличиха, Костылиха, Мартыниха, Махониха, Наумиха, Опалиха, Преснодонниха, Ракитиха, Соломаниха, Терроиха, Тупичиха, луда Ворочиха, боры Горелиха, Щербиниха, мыс Михеиха, урочище Пригониха, порог Соломаниха (Кемь), возвышенность Елмониха, острова Белогузиха, Комариха, Шушутиха (Шершутиха), луда Шалиха (Шуерецкое), тоня Кискиха (Кишкиха), покосы Лариониха, Липпеиха, Пастушиха, остров Пучиха (Сорока), плесо Вертячихи, порог Гневашиха, покос Липиха, скала Максимиха, поле Ромутихи (Сухой Наволок), тони Борисиха, Ползуниха, болото Евдошиха, остров Максимиха, покосы Матвеиха, Хабариха, луда Шулеихи (Сумпосад), покосы Бажиха, Демениха,

○ - Названия, оформленные формантом -иха.
 (цифра в круге обозначает количество
 зафиксированных названий в одном
 населенном пункте)

Рябиха Себоиха, Хухорихи, болота Рылиха, Орлиха, возвышенность Хотейха (Вирма), мыс и остров Абакумиха, покос Огофони-ха, Хабариха, остров Наумиха, возвышенность Соколиха (Колеж-ма), Бревенниха, Ерошиха, Жихариха, Игнашиха, Королиха, Ля-кутиха, Соколиха, Степаниха, Падуниха, Палашиха (Нюхча), ост-ров Михайлиха, гора и губа Смолениха (Унежма).

Особенно интересны среди них те примеры, в которых топо-формант -иха закрепился в названиях прибалтийско-финского про-исхождения: ср. Киппоиха < Kirro ‘Киприан’ (Кандалакша), Кок-коиха < kokko; Kokko ‘орел’ (Черная Река), Кискиха < kiiski, Kiiski ‘ерш’ (Сорока), Липпеиха ? < Lippi, Lippo ‘Филипп’ (Сорока), Гуппоиха < Huorro ‘Фофан’ (Кемь), Палашиха или Палашелья < *Paloselgä, palo ‘выгоревшее место в лесу; пожар’ (Нюхча).

Анализ распространения данной модели может указывать (рис. 14), по всей видимости, на степень освоенности побережья рус-ским населением. В старых центрах, таких как Кемь, Кереть, Нюх-ча и Сумский Посад, модель значительно продуктивнее, чем в тех, где существенен прибалтийско-финский пласт в языке и культуре (к примеру, в Поньгоме и Унежме). Данная топонимная модель яв-ляется достаточно ранней на побережье Белого моря, ср., напри-мер, на Кольском полуострове варница в Порья-губе в Шушпани-хе, упоминающейся в 1551 году [АСМ 1479-1571: 105], тони Воро-тиха, Столбиха и остров Колониха в Варзуге в 1575 году, а также тоня Шыбутиха в Умбе, зафиксированная в 1580 году [АСМ 1572-1584: 67,145]. В то же время, обращает на себя внимание отсутст-вие названий этого типа в документах XV–XVI веков на террито-рии современной Карелии. Не является ли это свидетельством то-го, что модель на -иха появляется здесь только в XVII веке?

С новгородским освоением Поморья можно связывать распро-странение и ряду других топонимических моделей. Среди них, на-пример, топооснова Великий, свойственная новгородской тради-ции наименования; лексема великий выступает в значении ‘боль-шой по размеру’: Великий остров (Кандалакша, Ковда, Черная Ре-ка, Летняя Река, Шуерецкое), тони Великий Конец, Великий мыс (Черная Река), Великие пожни (Кереть), тоня Великая Изба, Вели-кий берег, Великий ручей (Гридино), остров Великая Корга (Кемь), Великий бор, Великие пожни (Шуерецкое), порог Великий

Стреж (Сорока), Великий мох (Сумпосад, Нюхча, Унежма), залив Великая лахта (Нюхча), Великое плёсо (Сорока, Нюхча).

Рассматривавшая распространение названий этого типа в Заонежье И. Муллонен отмечает, что основная масса “великих” топонимов здесь тяготеет к восточному побережью Заонежского полуострова и маркирует тот поток русского освоения, который продвигался вдоль Заонежского залива, омывающего полуостров с востока [Муллонен 2003].

Рассматриваемая модель является на побережье Белого моря относительно ранней. Об этом свидетельствует присутствие модели в актах Соловецкого монастыря XV–XVI веков: ср. Великий камень [АСМ 1479-1571: 217] и Великие ворота [АСМ 1479-1571: 217] в окрестностях Сороки, а также Великий остров [АСМ 1572-1584: 173] в деревне Черная Река.

Показательным примером являются и названия, содержащее русское диалектное слово острец или остреч ‘окунь’, которое было продуктивным на определенном этапе истории для образования гидронимов в русской топонимии Новгородских земель. Данная гидронимной модель проникает в Беломорье из Присвирья вдоль водного пути из Онежского озера в Белое море [Муллонен 2002: 143].

В Беломорье данный тип топонимообразования не получил широкого распространения и представлен здесь всего пятью фиксациями: ср. Остречье озеро (Кандалакша, Соловки, Нюхча), остров Остречья луда и тоня Остречье (Сорока), однако он, как и названия с топоосновой Великий, достаточно рано появился в топонимии исследуемого региона: ср. Острячье озеро в Выгозерской волости [АСМ 1479-1571: 144].

К рассматриваемой группе можно отнести и серию названий с основным компонентом мох ‘моховое болото’: Левин мох (Кереть), Большой мох, Лебяжий мох, Малый мох (Калгалакша), Арсентьев мох, Ближний мох, Большой мох, Высокий мох, Зыбучий мох, Каменный мох, Кандозерский мох, Келарев мох, Каликин мох, Кочергин мох, Круглый мох, Лагнозерский мох, Миронов мох, Полозовый мох, Сенной мох, Сохинский мох, (Поньгома), Горбов мох, Грязной мох, Длинный мох, Киселев мох, Круглый мох, Романовский мох, Сенной мох, Черный мох (Летняя Река), Беланин мох,

Большой мох, Второй мох, Глубокий мох, Егорьев мох, Келейный мох, Кеттов мох, Килбомох, Круглый мох, Малый мох, Первый мох, Сумашевский мох, Тандарский мох, Третий мох, Фомин мох (Кемь), Зыбкий мох, Саломский мох, Таргубский мох, Топкий мох, Шуесельский мох, (Шуерецкое), Большой мох, Карповаракский мох, Круглый мох, Лепруцкий мох, Летневарницкой мох, Угольный мох (Сорока), Куномох (Шижня), Великий мох, Елестровский мох, Ламбиноватый мох, Мальестровский мох, Медвежий мох, Никольский мох, Сумский мох, Щукозерский мох (Сумпосад), Вехручский мох, Голубовский мох, Дедов мох, Елистровский мох, Залуговский мох, Капустин мох, Круглый мох, Кукушкин мох, Куномхи, Малый мох, Медвежий мох, Низовский мох, Подрябов мох, Половинный мох, Романов мох, Ружевский мох, Руровский мох, Рябов мох, Сельгозерский мох, Углеморский мох, Чижерецкий мох (Колежма), Большой мох, Гайженский мох (Сухой Наволок), Большой мох, Волчий мох, Клиновый мох, Кокорный мох, Колодный мох, Летнинский мох, Лисий мох, Орличный мох, Половинный мох, Романов мох, Черный мох (Вирма), Большой мох, Вардегорский мох, Ивнягов мох, Капустин мох, Мяндогорский мох, Остречий мох, Посадский мох, Падунский мох, Педомох, Чугомох (Нюхча), Великий мох, Кегломох, Лемецкий мох (Унежма).

Распространение данного термина в русских говорах свидетельствуют о северо-западном ареале его бытования. При этом в Карелии ареал данного слова носит островной характер, объединяя ее с западными районами Архангельской области [Чайкина 1975: 12]. Отметим также, что в русскоязычной топонимии Карелии названия этого типа распространены, главным образом, в восточных частях ареала. Активность использования географического термина мох в наименовании болот в Беломорье падает по мере продвижения на север рассматриваемого региона. Наибольшая его популярность наблюдается в топонимии Колежмы, Кемь, Поньгомы, Вирмы и Нюхчи.

Среди рассмотренной выше группы названий обнаруживается еще один показательный признак, свидетельствующий, возможно, об освоении Беломорья населением, которое продвигалось, используя водный путь, огибавший Заонежский полуостров с востока. Это топонимы полукальки с элементом -мох. В топонимии рассматри-

ваемого региона данный тип топонимообразования не получил широкого распространения. Он присутствует, главным образом, на Поморском берегу Белого моря, а самая северная его фиксация известна в Кемь: ср. Килбомах (Кемь), Куномох (Шижня), Куномхи (Колежма), Педомох, Чугомах (Нюхча), Кегломах (Унежма). В то же время эта модель более широко представлена в топонимии территорий, расположенных к югу от исследуемого региона.

И. Муллонен отмечает, что на юге Карелии в Заонежье топонимы полукальки с элементом -мох представлены только вдоль побережья Заонежского залива. Кроме этого, данная модель хорошо известна помимо восточного Заонежья на Пудожском берегу Онежского озера [Муллонен 2005: 117]. Таким образом, есть основания полагать, что наличие модели объединяет юго-западное Беломорье с восточным берегом Заонежского полуострова, восточным (пудожским) и юго-восточным (вытегорским) Обонежьем.

Подобный ареал и у модели с формантом -ица, который выступает на исследуемой территории в названиях рек нерусского происхождения. Картографирование модели показывает, что она проникает в Карелию в обход Присвирья с юго-востока, вдоль восточного берега Онежского озера, фиксируется на Онежско-Беломорский водоразделе и выходит на юго-западное побережье Белого моря, где известно два названия интересующего нас типа: реки Ухтица и Челица, в топонимии сел Колежма и Унежма. Тем самым модель на -ица объединяет юго-восточное Беломорье с восточным Обонежьем и маркирует один из путей продвижения на север к Белому морю восточнославянско-го населения.

Среди топонимов, зафиксированных на побережье Белого моря, отметим и название озера Черная ляга в Нюхче, распространение основного компонента которого может также указывать об освоении территории Беломорья выходцами из Новгородских земель. В Нюхче географический термин ляга употребляется в двух значениях 'небольшое озеро (часто без рыбы); лужа'. С последним значением слово известно в говорах, расположенных на территории Северо-Запада и Северо-Востока Европейской части России. Оно бытует в ряде говоров Ленинград-

ской, Новгородской, Архангельской и Вытегорской областей и входит в число лексем, характерных для древненовгородской зоны [Чайкина 1975: 25, 149].

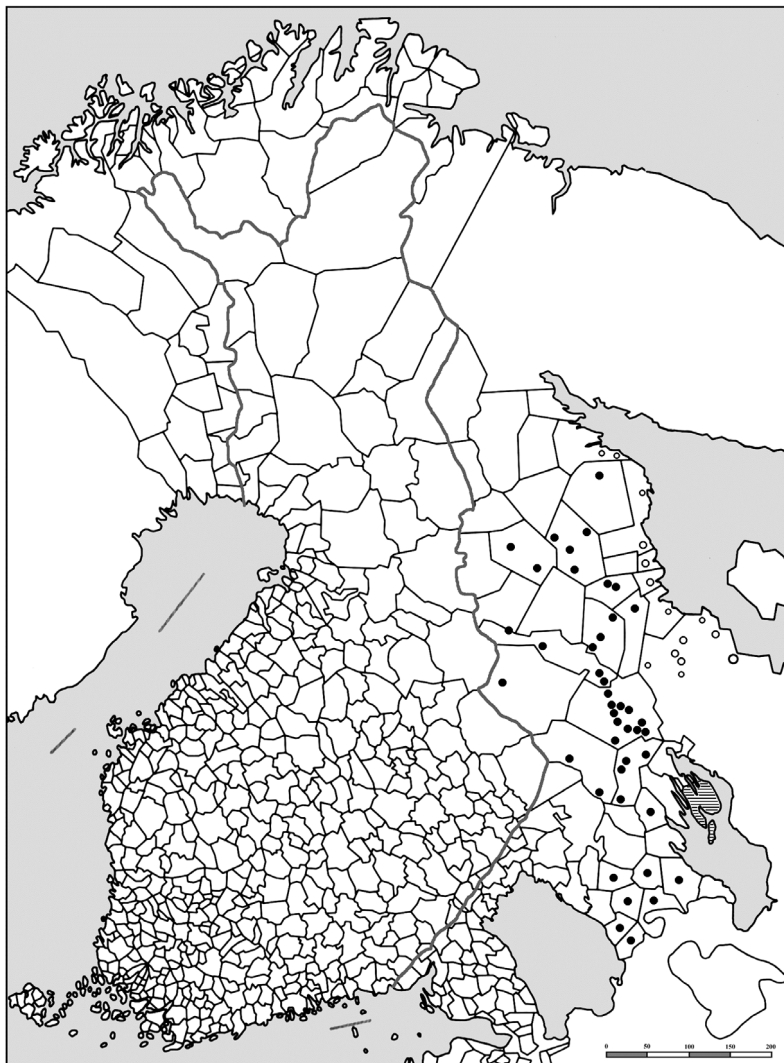
Выше уже было отмечено, что следы низовской колонизации, также фиксируются учеными на побережья Белого моря [Витов 1962: 53], и это подтверждают данные топонимии. О московско-суздальской средневековой колонизации могут свидетельствовать, возможно, зафиксированные в топонимии Беломорья названия с формантом -щина.

В древней новгородской географической номенклатуре структурный тип на -щина был малоактивен на фоне других топонимических суффиксов. По подсчетам С. А. Полковниковой в материалах писцовых книг по всем 5 пятинам всего 27 топонимов на -овщина, в то время как образований с другими суффиксами на порядок больше (например, на -иха 260, на -ица 160, на -ичи 80, на -ище 60 и т.д.) [Полковникова 1970: 469-504]. Не есть ли это следствие того, что суффикс на новгородских землях является относительно молодым и начал распространяться после завоевания Новгорода Москвой в XV веке и притока переселенцев из московских земель? [Кузьмин 2003: 64].

С другой стороны, вполне вероятно, что модель могла распространиться в Карелию с новгородцами, которые в момент популярности новой модели на родине переселялись на север к Белому морю.

Центром распространения названий этого типа в Карелии является северное Заонежье (рис. 15), а затем отсюда, с вероятным оттоком русского населения на север вдоль транзитных путей в Поморье, модель проникает на побережье Белого моря.

В сравнении с названиями на -иха, рассматриваемая группа топонимов относительно невелика: берег Фоминщина, пожни Павловщина, Полузёрщина, поля Измайловщина, Ивановщина, Куккаращина, Монастырщина, урочища Кирилловщина, Тарабурщина, угор Тинковщина, а также, возможно, горка Мелёщинка (Нюхча), сельскохозяйственные угодья Дьяковщина, Поповщина (Колежма), поле Монастырщина (Сумпосад), покос Билетовщина (Сухой Наволок), покос Белогузовщина, часть деревни Бурковщина (Шуерецкое), поле Кореховщина (Кемь), мыс Марковщина, (Летняя Река), залив Перговщина (Калгалакша), урочище Егоровщина (Кереть).

- - Названия, оформленные формантом -щина на карельских территориях
- - Названия, оформленные формантом -щина на русскоязычных территориях
- (○ - 1 название, ○ - 2-3 названия, ○ - более 10 названий)

Заонежье

Картографирование модели на -щина в Беломорье свидетельствует о том, что ее ареал тяготеет здесь к Поморскому берегу Белого моря. При этом наибольшее количество топонимов этого типа фиксируется в окрестностях села Нюхча – это приблизительно половина всех названий, оформленных формантом -щина. По мере удаления на север активность форманта падает, и он практически отсутствует в северной части исследуемого региона.

Данная модель наименования является на побережье достаточно ранней, поскольку фиксируется уже в документах XVI века: ср., поле Мишуковщина в Кеми в 1543 году [АСМ 1479-1571: 61], а также деревня Рубьевщина у погоста в Колежме в 1583 году [АСМ 1572-1584: 200]. В то же время хочется отметить, что в отличие от многих других топонимов, известных по письменным источникам XV–XVI веков и существующих в топонимии беломорских поселений и сегодня, упомянутые выше названия на -щина уже не известны современным информаторам.

Можно также предположить, что названия урочищ, оформленные формантом -щина, были на определенном этапе истории местами однодворных или малодворных деревень, которые упоминаются в документах по истории сел побережья Белого моря середины XVI века. Приведем несколько примеров сопоставления документальных свидетельств и топонимов, зафиксированных в селе Нюхча: ср. Тимошка Павлов (1563) > Павловщина, Васюк Иванов (1563) > Ивановщина, мельница Нестерки да Мамонки детей Пулозерцов (1563) > Полузёрщина (ср. совр. фамилия Полузёров), деревня Омельянова гора (1563), Павел Омельянов (1583) > Мелёщинка, [ПКОП: 158-159].

С распространением из Подвинья, возможно, связано появление в топонимии сел Нюхча и Колежма сенокосных участков с названием Кулига. В XV веке лексема кулига фиксируется именно в грамотах Подвинья, а также переяславских, ростовских ярославских, владимирских и московских актах. В новгородской письменности древнерусского периода это слово не отмечено. В диалектах северо-западной зоны оно фиксируется эпизодически. В значении ‘участок покоса’ оно известно в Карелии Медвежегорскому, Пудожскому и Беломорскому диалектам, Онежскому и Каргополоскому диалектам Архангельской, а также на Терском берегу Мурман-

ской области, т.е. в тех северо-западных говорах, которые граничат с северо-восточными диалектами. [Чайкина 1975: 81-82]. Слово кулига в значении 'небольшой сенокосный участок в кустах (перелеске) на краю основной пожни' известно и жителям села Нюхча. По мнению С.А. Мызникова, распространение данной лексемы шло из вологодских говоров через каргопольско-лачские в говоры Обонежья и Кольского Поморья [Мызников 2003: 242].

Об освоении юго-западного побережья Белого моря населением из западных районов Архангельской области свидетельствует, на наш взгляд, географический термин индола, используемый в Поморье в наименовании болот. В Архангельской области апеллатив индола известен в нескольких значениях: 'топкое место; сухая возвышенность на болоте; низкорослый лес на болоте' [ТК УрГУ]. При этом отметим, что происхождение термина не известно.

В топонимии и апеллативной лексике Карелии данный термин не получил широкого распространения. Как апеллатив со значением 'топкое болото' он сейчас известен только жителям села Нюхча и деревни Хижезеро, располагавшейся между юго-западным берегом Белого моря и Выгозером. В топонимии он имеет более широкий ареал распространения. Он присутствует в топонимии южного Выгозерья (Индолов наволоок, Индолова ламба, Индолов ручей), в Оштамозере (Узкая индола) и Нюхче, где представлен 8 фиксациями (Винная индола, Дьячкова индола, Камруцкая индола, Пунруцкая индола, Рожкова индола, Сивозерская индола, Черная индола и Черничная индола).

Таким образом, современное распространение топонимов и термина индола свидетельствует о некоем колонизационном потоке, который шел с востока, с территории Архангельской области, на юго-западное побережье Белого моря, а затем отсюда проникал по водно-волоковым путям (по Осударевой дороге) на Выгозеро. Вполне возможно, что ранее тип в Поморье мог иметь более широкое распространение. Об этом может свидетельствовать, на наш взгляд, название покоса Индерки, зафиксированное в микротопонимии села Шижня¹⁸.

---

¹⁸ Переход согласного *l* в *g* встречается в ряде топонимов на исследуемой территории: ср. Видьморучей - Вирморучей, Кидьбостров - Кирбостров и тут же индола - индерка.

Проникает в топонимию Поморского берега с востока, возможно, с Летнего берега Белого моря и топонимная модель Посад. В Нюхча, например, известно четыре части села, получившие свои названия с использованием данного топонимического типа: ср., Малый Посад, Большой Посад, а также части последнего – Средний и Нижний Посад. Кроме Нюхчи Посады, как части поселения, фиксируются в Сумпосаде, а также на Карельском берегу в Керети, Гридино (Кривой Посад) и Поньгоме (Лягушачий Посад). В западном Беломорье модель является достаточно старой, поскольку фиксируется как часть села Сума (совр. Сумпосад), в которой находился острог, уже в 1647 году [Витов 1974: 123]. Т.А. Бернштам отмечает, что появление “посадской стороны” и крупных посадов Летнего берега – Неноксы, Уны и Луды относится к концу XIV – первой половине XV века. Их формирование происходило на

базе “усолий” – небольших поселений, жители которых занимались вываркой соли. При этом, термин “усолье” сосуществовал с названием “посад” еще в XVII веке. Исследовательница предполагает, что возникновение “посада” в Поморье (и на Русском Севере) было связано именно с соляным промыслом. Это предположение основано, на ее взгляд, на том, что название “посад” применительно к населенному пункту на Севере встречается в документах, как правило, в тех случаях, когда речь идет о соляном промысле. Автор также отмечает, что “посад” в качестве названия одного из частей селения существовал почти во всех населенных пунктах Поморского берега от Онеги до Нюхчи (Нимнега, Малошуйка, Кушрека), а также в Пурнеме на Онежском берегу, т.е. в тех местностях, где в течение XV-XVII вв. возникали многочисленные варницы Соловецкого монастыря. При этом “посадам” обозначается именно та часть селения, на территории которой до сих пор видны следы варничных ям [Бернштам 1978: 43, 81, 83, 120]. Поскольку центром солеварения в Поморье была именно посадская часть Летнего берега, можно предположить, что и модель Посад проникает на Поморский и Карельский берега Белого моря именно оттуда. В то же время нельзя исключать, что модель, содержащая элемент посад, появляется на Летнем берегу Белого моря с волной переселенцев с более южных территорий. Так, в документах середины XVI века упоминаются Посады в Турчасово на реке Онега и в Кар-

гополе (1559 год), а также в 1561 году в Вологде [АСМ 1479-1571: 151, 156, 165].

Представление об истории освоения беломорского побережья останется неполным, если не остановиться еще на одном моменте в истории исследуемого региона. Начиная со второй половины XIX века, на Карельском берегу и на прилегающих к нему внутренних материковых территориях¹⁹ появляются вновь поселения с традиционным карельским населением. При этом некоторые из них являются настолько поздними, что местные жители и сегодня еще помнят имена их основателей и годы их появления.

Так, карельская деревня Нильмозеро появилась, по рассказам информаторов, в 50-х годах XIX века. Ее первопоселенцами были Лангуев Артемий Васильевич из деревни Большое Озеро, располагавшейся в окрестностях старинного карельского села Кестеньга, и Липаев Клементий Павлович из олонгской деревни Лайдасалма. О недавнем основании деревни свидетельствует карельский вариант названия *Uusikylä* (букв. 'Новая деревня'), а также коллективное прозвище жителей деревни "новоселы".

Основателями и первыми жителями деревни Воронской были Кемовы из Кестеньги, которые поселились здесь в 60-х годах XIX века. Деревня Нильмогуба, расположенная на берегу Белого моря в 8 км севернее Нильмозера, была основана в 1912 году карелом Филиппом Ивановым, который переселился первоначально из кестеньгской деревни Елетозеро в Нильмозеро, а затем переехал с семьей в Нильмогубу. Основателем деревни Верхняя Пулонга был карел по фамилии Лангуев, прибывший из села Кереть на рубеже XIX–XX веков. Из этой же деревни родом был Агапит Лангуев, основавший деревню Нижнее Котозеро.

Первыми жителями деревни Соностров, располагавшейся на побережье Белого моря, были Кемов Андрей Тимофеевич из Кестеньги и Сергеев Иван Григорьевич из Елетозеро. Возникновение деревни относится к 1912 году. Деревня же Чупа (сейчас поселок и станция Мурманской железной дороги) возникла по данным ин-

---

¹⁹ На Поморском берегу известно о двух деревнях, которые были основаны карелами: Сальнаволок в окрестностях современного города Беломорска и Юково в районе Сумпосада.

форматоров в 1917 году. Первым поселенцем был белорусский переселенец по имени Филипп, женившийся на карелке из Ухты. Семья переселилась из села Кереть, расположенной здесь же, на Карельском берегу, непосредственно на морском побережье.

Образование этих деревень происходило на фоне столыпинской реформы. Социально-экономическими предпосылками было отсутствие свободных земель в материнских деревнях, вызванное ростом семей на рубеже XIX–XX веков. Жители новых поселений были выходцами из трех карельских волостей: Кестеньгской и Олангской, располагавшихся на самом севере современной Карелии в глубине материковой территории, и Вычатайбольской, которая находилась между морским побережьем и Кестеньгской волостью, а также прибрежной Керетской волости, где проживали как русские, так и карельское население. Фактором, привлекавшим новых жителей на Карельское побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, было, очевидно, строительство Мурманской железной дороги. Надо, однако, принимать во внимание, что по крайней мере часть отмеченных новых карельских поселений возникла на местах, которые, судя по данным исторических источников, были освоены в предшествующие века. К примеру, в Писцовой книге 1574 года в Керетской волости существовал погостишко Чюпа в Чюпской губе над ручьем, состоящий из 7 дворов, в которых проживало 10 человек [Малышев 1981:13], а деревня Воронская упоминается в письменных источниках 1552/53 [АСМ 1479-1571: 114] и 1591 года [МПИК: 325], причем как саамское поселение Воронье Озеро.

В контексте русского освоения Беломорья показателен тот факт, что в карельской топонимии региона активно используются воспринятые от смежно проживающего русского населения характерные русские топонимные модели и элементы. В частности, активно используется русская географическая терминология, ср. порог Kuivaporoška в Нильмогубе (рус. порожек); заливы Kivikupa, Pimiekupa, Suvikupa, Savikupa в Сонострове, в которых в качестве основного элемента выступает усвоенный из русских говоров термин губа; берег под названием Pl'ossa и Pienipl'ossa (рус. плес) в Сонострове и Верхней Пулонге. Топонимия окрестностей всех прибрежных карельских деревень позволяет с уверенностью гово-

речь о том, что карельское поселение возникло на территории, которая входила в сферу русского поморского влияния, поскольку топонимия карельского происхождения концентрируется в непосредственном окружении деревни, в то время как наименования многих лесных урочищ и водных объектов вдоль побережья имеют русские истоки: ср. озера Letn'ojjärvi, рус. Летнее (Соностров), Ivanovskojjärvi, рус. Ивановское (Чупа), Koppal'nojjärvi, рус. Коппальное (Верхняя Пулонга), луды Rorovoiluoto, рус. Попова (Соностров), Jaroslavanluoto, рус. остров Ярослав (Нижняя Пулонга), острова Olenčikansuari, рус. Оленьчик (Нижняя Пулонга), Stepanovoisuari, рус. Степанов (Верхняя Пулонга), болото Morozovoinšuo, рус. Морозово (Соностров), берег Varniskoiranta, рус. Варничный (Соностров), возвышенности Kormanovoivuara, рус. Корманова и Vuatvarakka, рус. Ватварака (Верхняя Пулонга), ручей Plavežnoioja, рус. Плавежный (Чупа), река Važenskoijoki, рус. Важенская (Верх. Пулонга), Šemčuznojoki, рус. Жемчужная (Соностров) и др.

Топонимия, таким образом, свидетельствует в пользу того, что интересы традиционного русского населения – поморов – распространялись прежде всего непосредственно на морское побережье, в то время как карельское освоение активно представлено в топонимии внутренних территорий, удаленных от побережья моря. Это касается, прежде всего, позднего карельского освоения, рубежа XIX–XX веков, когда сюда распространяется население из карельских Кестеньгской, Олангской и Вычетайбольской волостей. Характерно и то, что сегодняшние информаторы-карелы не считают территорию побережья Белого моря исконной карельской в этническом плане территорией.

Последний вывод корректен для позднего времени. Что же касается средневековья, то наши материалы указывают на то, что морское побережье привлекало внимание как прибалтийско-финского, так и русского населения, свидетельством этого являются достаточно древние карельские, емские и русские топонимные модели на побережье.

Подводя итог, отметим, что побережье Белого моря на протяжении многих веков являлось регионом давних межэтнических связей, которые отчетливо проявляются в языке и топонимии со-

временного русского (поморского) населения. Прибалтийско-финская по происхождению топонимия соседствует здесь с русской, которая складывалась в результате новгородского, а затем и московского освоения Поморья. Сюда, в юго-западное Беломорье, выходили важнейшие транзитные водные и водно-волоковые пути с юга и юго-запада, рано освоенные, с одной стороны, прибалтийскими финнами, с другой, русскими переселенцами, тесно соприкасавшимися здесь с местным саамским населением. При этом топонимия свидетельствует, что славянское население селилось на территории, уже достаточно рано освоенной представителями финской языковой семьи. На это указывает, например, значительное количество микротопонимов нерусского происхождения, а также топонимов-полукалек в топонимии региона.

ЛИТЕРАТУРА

АСМ 1479-1571 – Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.

АСМ 1572-1584 – Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.

Бернштам 1978 – Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.

Бубрих 1947 – Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947.

Витов 1962 – Витов М.В. Историкро-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. М., 1962.

Витов 1974 – Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М., 1974.

Жуков 2003 – Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии XVII в. Великий Новгород, 2003.

ЗКТ – Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Составители Г. М. Керт, Н. Н. Мамонтова. Петрозаводск, 1982.

ИК – История Карелии XVI–XVII вв в документах I. Петрозаводск-Йоенсуу, 1987.

ИК-1 – История Карелии XVI–XVII вв в документах III. Петрозаводск-Йоенсуу, 1993.

История Карелии – История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Карлова 2004 – Карлова О.Л. -L-овая модель в топонимии Карелии. (рукопись).

Керт 2002 – Керт Г.М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии. Петрозаводск, 2002.

Кузьмин 2003 – Кузьмин Д.В. Истоки форманта -šina в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание: Сб. статей, посвящ. 80-летию Г. М. Керта. П., 2003

Лобанова, Манюхин 2002 – Лобанова Н.В., Манюхин И.В. Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск, 2002.

Малышев 1981 – Малышев И. Лоухи. Петрозаводск, 1981.

МПИК – Материалы по истории Карелии XII–XVI в.в. Петрозаводск, 1941.

Муллонен 1988 – Муллонен И.И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен 2003 – Муллонен И.И. История формирования топонимных ареалов Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научно-практической конференции "Рябининский чтения 2003" (в соавторстве с Е.В. Лялля) // Петро-заводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2003. С. 322-237.

Муллонен 2005 – Муллонен И.И. Топонимы как маркеры культурного ландшафта Заонежья // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. Сб. статей. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2005. С. 111-125.

Муллонен 2006 – Муллонен И.И. Формирование этнолингвистической карты Карелии // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Том 2. Материалы Международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24-27 октября 2006 г.). Секция "Общественные и гуманитарные науки". Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2006. С. 130-132.

Муллонен, Лялля – Муллонен И.И., Лялля Е.В. ГИС-технологии в исследовании топонимии Карелии // Вестник Российского гуманитарного фонда. 2006, № 1. С. 159-168.

Мурзаев 1974 – Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. Москва, 1974.

Мызников 2003 – Мызников С.А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. Санкт-Петербург, 2003.

Мюллер 1947 – Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

Ольсен 2002 – Ольсен Бьорнар Северные лабиринты // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Сб. статей. Петрозаводск, 2002.

ПИОК – Письменные известия о карелах. Составители С.И. Кочуркина, А. М. Спиридонов, Т. Н. Джаксон. Петрозаводск, 1990.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 г.г. Ленинград, 1930.

Полковникова 1970 – Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. № 353. 1970.

ПФГЛК – Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Сало 1966 – Сало И.В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии. Авторефератдиссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва, 1966.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Ленинград, 1972.

Сканке 2002 – Сканке К. Краткий обзор доисторического периода у саамов на севере Норвегии, на примере изменений в морфологии жилищ // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Сб. статей Петрозаводск, 2002.

ТК-УрГУ – Топонимическая картотека УрГУ. Екатеринбург.

Чайкина 1975 – Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.

Шаскольский 1950 – Шаскольский И. П. О емской теории Шегрена и ее последователях. (О статье Д. В. Бубриха Не достаточно ли емских теорий?) // Известия Карело-финского филиала Академии Наук СССР № 1. 1950.

Castren 1852 – Castren M. A. Nordiska resor ock forskningar I. Helsingfors, 1852.

Itkonen 1926 – Itkonen T.I. Lisiä Keski- ja Etelä-Suomen lappalaisperäiseen paikannimistöön // Virittäjä 1926. S. 33-35.

Itkonen 1928 – Itkonen T.I. Lappalaiset // Suomen suku. Helsinki. 1928.

Itkonen 1958 – Itkonen T.I. Kuotan- ja Kuolanlapin sanakirja I-II. Helsinki. 1958.

Jaakkola 1956 – Jaakkola J. Suomen varhaishistoria II. Porvoo, 1956.

Jutikkala 1958 – Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. II painos. Helsinki. 1958.

Juvelius 1888 – Juvelius J. W. Muistoja Pohjoisen Venäjän Karjalan muinaisuudesta. SKS. Helsinki, 1888.

Kirkinen 1988 – Kirkinen H. Pohjois-Karjalan kalevalaisen perinteen juuret. SKS. Helsinki, 1988.

Kiviniemi 1971 – Kiviniemi E. Suomen partisiippinimistöä. SKS. Helsinki, 1971.

Kiviniemi 1978 – Kiviniemi E. Pönk(k)ä-nimet // Kalevalaseuran vuosikirja 58. Helsinki, 1978. S. 27-37.

Kiviniemi 1984 – Kiviniemi E. Nimistö suomen esihistorian tutkimuksen aineistona. Suomen väestön esihistorialliset juuret. Suomen Tiedeseura. Helsinki, 1984.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1-6. LSFU XVI. Helsinki, 1968-2005.

Koivulehto 1997 – Koivulehto J. Were the Baltic Finns “clubmen”? // You name it. Perspectives on onomastic research. Studia Fennica Linguistica 7. Helsinki, 1997. S. 151-169.

Kokkonen 2002 – Kokkonen J. Rajaseutu liikkeessä. Kainuun ja Pielisen Karjalan asukkaiden kontaktit Venäjän Karjalaan kreivin ajasta sarkasotaan (1650-1712). Bibliotheca Historica. Helsinki, 2002.

Lehtiranta 1989 – Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. SUST 200. Helsinki, 1989.

Nielsen K. Lappisk Ordbok 1-3. Oslo, 1932-1938.

LMS – Kujola J. Lyydilaismurteiden sanakirja. LSFU 9. Helsinki, 1944.

NA – Suomen nimiarkisto. KOTUS. Helsinki.

Nissilä 1955 – Nissilä V. Itä-Karjalan matkanimistöä // Kalevalaseuran vuosikirja 35. Helsinki, 1955. S. 247-261.

Nissilä 1975 – Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö. Joensuu, 1975.

Nirvi 1948 – Nirvi R. E. Sanahistoriallisia huomioita 4. Kemi // Virittäjä. 1948. S. 243-250.

Pöllä 1990 – Pöllä M. On western finnish toponymy in Archangel Karelia // Linguistica Uralica XXVI. Tallinn, 1990. S. 24-29.

Pöllä 1995 – Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600-1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.

Salo 2000 – Salo U. Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen käräjät I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000.

Sammallahti P. 1993 – Saamelais-suomalais-saamelainen sanakirja. Ochejohka. 1993.

Sjögren 1861 – Sjögren J. A. Joh. Andreas Sjögren's gesammelte Schriften. Band I, St. Peterburg, 1861.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I-VI. Helsinki, 1974-1987.

SMSA – Suomen murteiden sanakirjan arkisto. KOTUS. Helsinki

Vahtola 1975 – Vahtola J. Paikannimistö Torniolaakson asutushistorian lähteenä. Pro-gradu tutkimus. Nimiarkisto. Helsinki, 1975.

Vahtola 1980 – Vahtola J. Tornionjoki- ja Kemijokilaakson asutuksen synty. Nimistötieteellinen ja historiallinen tutkimus. Studia Historica Septentrionalia 3. Rovaniemi, 1980.

К РАСПРОСТРАНЕНИЮ И ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТОПОНИМОВ
С ЭЛЕМЕНТАМИ *HATŠA* И *AHO*

Топонимы (названия населённых пунктов и урочищ) с элементом *гатч* (*хач*, *гаж*) образуют относительно узкий ареал, тянущийся от Приладожья до Белозерья и Онеги. Это названия о. *Гатчи* на Ладожском оз. к югу от устья Олонки (ныне *Гача* или *Гачь*) [Озерецковский 1812: 96], дер. *Варбагажи* на о. Мантсинсаари на севере Ладожского оз. [Озерецковский 1812: 84], дер. *Гажалицы* (кар. *Hatšal*) на Олонке [Сп.1928], дер. *Малая Гажа* Важенского погоста [ПКОП: 88], местность *Папунгача* в Шуйском погосте [ПКОП: 117], села *Хачела* (*Хачала*) на Онеге [АСМ: 34, 175], дер. *Шелохачь* на Чагодоце (Устюженский р-н Вологодск. обл.), зал. *Рандогач* в Белозерье [Матвеев 2004: 62].

Пока за недоказанностью или спорностью мы вынуждены оставить в стороне ряд названий, принадлежащих более южным местностям: *Гатча* на северо-западе Белоруссии, *Гатчина* Ленинградской обл. (вопрос особый [Шилов 1995]), *Гатчино* в верховьях Зап. Двины (в 1136 г. – *Хотшина*), *Хачин* на Селигере и др.²⁰ Наряду с этими небесспорными случаями, к южному флангу “явного” *гатч*-ареала примыкают названия на *хотч*-, в некоторых из которых можно видеть результат славянского освоения чудских (здесь мы забегаем вперёд) топонимов на *hatš*-: *Хотца* – пр. Рапли, пр. Пчевжи, пр. пр. Волхова, *Хотча* – пр. Волги близ г. Кимры, *Хотца* – пр. Москвы, *Хотца* – пр. Клязьмы (невозможно видеть в гидронимах личное имя *Хотша*, *Хотча* в именительном падеже),

---

²⁰ Отметим, впрочем, что география “расширенного” ареала в западной его части в значительной степени совпадает с ареалом топонимов, основанных на приоб.-фин. **veeras* ‘чужой’ и его продолжениях (В.Л. Васильев, вслед за Экблумом, многие из них выводит из этнонима *варяг* [Васильев 20056], что сомнительно по ряду причин). Эти топонимы мы связываем с этнонимом, имеющим отношение к чуди (как народа, отличного от исторически известных прибалтийских финнов) [Шилов 1999: 41-42]. На востоке же топонимический *гатч*-ареал “покрывает” область бытования термина *вирачи* (видимо, связанным с указанным приоб.-фин. апеллятивом), которым обозначают какой-то чужой народ [Попова 1996; МДС: 84-86].

дер. *Малый Хочуж* на Ловати, дер. *Хотчане* (1500 г.) Сабельского погоста Водской пятины (возможна связь с выходцами из дер. *Гачи* того же погоста; тогда напрашивающаяся связь этого названия с рус. *гачи* ‘портки’ становится сомнительной), *Нахотченье* и *Подхотченье* – дер. на р. Тигода, л. пр. Волхова [Васильев 2005а: 101].

Пока же мы ограничимся приведенными в начале статьи названиями. Фонетически они внешне сходны с названиями с основами типа *Поч-/Потч-, Лач-, Кач-/Катч-, Важ-/Вадж-/Ватч-*, которые этимологизируются на основе финно-саамских (по терминологии Е.А. Хелимского – “северо-западных”) реконструкций [Шилов 1997: 14-15; Муллонен 2002: 246-248, 286-289; Хелимский 2006: 45-47]. Но наши названия (точнее – их компонент *гатч*) вовсе не находят опоры в современных прибалтийско-финских и саамском языках. Единственный сколь-либо “подходящий” этимон – кар. *hoášša, hoazia, hoadža*, ливв. *hoad'ž'u*, люд. *huad'ž', hoad'ž'u* ‘прясло (для просушки сена, гороха и т. д.); скирда’ [SKES: 47] топонимически малоактивен (мы нашли лишь людиковское *Huad'ž'analle* [LMK: 49]). Кроме того, его привлечение к истолкованию указанных выше названий не объясняет своеобразную географию их распространения.

С другой стороны, нетрудно заметить, что названия с элементом *гатч* в целом дублируют северную границу ареала древнерусских топонимов с финалью *-гоща/-гощ/-гост* (см. [Шилов 1996: 79-84; Васильев 2005: 123-125] с историей вопроса, а также [Муллонен 2002: 72]). Поэтому логично, на первый взгляд, видеть в этих названиях результат “чуждского” освоения соответствующих древнерусских топонимов. Но этому препятствует тот факт, что первые компоненты рассматриваемых сложных названий не находят объяснения на русской почве (зато легко объяснимы из прибалтийско-финских языков). Кроме того, названия типа *Хачала* содержат приоб.-фин. *l*-овый топоформант (ср. ниже *Ахола*), т.е. возникли на финской (чудской) почве. Наконец, “лесистые острова” *Гатчи* и *Сало* (ср. с кар. *salu* ‘лес, бор’), отмеченные так Н.Я. Озерцовским в 1785 г., в Писцовой книге 1563 г. названы как “пашенные острова” *Городецкий* и *Ондрюсов* [ПКОП: 74-75], т.е. здесь можно видеть противостояние независимых русских и нерусских названий одних и тех же объектов.

Нам кажется, что наиболее логично можно объяснить происхождение рассматриваемых названий следующим образом. Элемент *гатч* и под. отражает термин **hatša*, заимствованный (скорее летописной новгородской чудью, а не каким-либо из ныне существующих прибалтийско-финских народов) из др.-русск. **гоща* ‘подсека, пожога, сведённый лес’ – производного от **гостъ* ‘лес’ [Шилов 1996: 83-86]. Последнее имеет соответствия практически во всех славянских языках [ЭССЯ: 185], которые демонстрируют и соответствующую топонимию (явно из славянского источника заимствовано и др.-прусск **gastā* ‘выжженная земля’ > *gastō* ‘угодье, участок (поля, пашни)’ [Топоров 1979: 169-173; Mažiulis 1988: 329]). Реальность былого существования географического термина **гостъ* и хозяйственного (земледельческого) **гоща* в восточнославянских диалектах доказывается наличием мощного (и очень показательного в историко-географическом отношении) ареала соответствующих топонимов (см. работы, цитируемые в [Шилов 1996: Васильев 2005a]); невозможно сводить весь массив этих названий к йотовым производным от древнерусских личных имен типа *Вогост*, *Доброгост*, как это делает В.Л. Васильев, но об этом – в другом месте). Особенно показательны такие названия как *Загостье*, *Загостка* и *Загоска* (не **Загоскино* от *загоска* ‘кукушка’!), *Загощ*, *Загоща*, *Подгощи*, *Тригоща*, *Новогоща*, *Гоща*. Дополнительным весомым аргументом является бесспорный факт былого существования диалектного (на фоне восточнославянского **гостъ*) кривичского *гвоздь* (ср. старое диал. с.-х. *гвозд* ‘лес’, др.-чеш. *hvozd* ‘лесистые горы’, чеш., слвц. *hvozd* ‘большой густой лес’, др.-польск. *gwozd* ‘лес в гористой местности’ [ЭССЯ: 185]), отразившееся в топонимах типа *Гвозды*, *Гвоздна*, *Загвоздь* с яркой ареальной характеристикой [Шилов 1996: 84; Шилов 2002; Шилов 2005b].

Весьма вероятным видится усвоение термина **hatša* какой-то чудской группой в Приильменье или даже на более южных территориях в период начальной экспансии туда славян (см. о районах ранних славяно-финских контактов в [Шилов 2005: 9]). Позднее термин (и основанные на нем топонимы) распространялся на северо-восток, маркируя путь миграции (вынужденной?) этой финской “чуди” (см. к этому [Герд 1992]); лексические и топонимические

следы особого чудского диалекта, бытовавшего в очерченном выше ареале многочисленны, как показано в работах [Муллонен 1994: 118-121; Муллонен 2002; Шилов 1997; Шилов 1999: 37; Матвеев 2001; 2004].

К северу и северо-западу от западного фланга ареала *gamч*-топонимов располагаются названия, содержащие термин *aho*: фин., кар., ливв., водск. *aho* ‘заросшая травой и кустарником подсека, пожога; молодой лес (на месте подсеки), пастбище, луг’ [SKES: 6; Мамонтова, Муллонен 1991: 20] (кар. твер. *aho* ‘поляна, открытое место в лесу’ – А.Ш.), эст. диал. *ahu* ‘неплодородная почва; сухая земля, холм’ [SKES; Pall 1988].

В значительном количестве (по водской топонимии у автора нет достаточных данных) соответствующие топонимы встречаются на северо-востоке Эстонии [Pall 1988: 266], в Финляндии, в Западном и Северо-Западном Приладожье (*Ахо*, *Ахола* – трижды, *Ахокас* – дважды, *Ахойрви*, *Ахойнконту*, *Ахонмаа*, *Ахонеллотало*, *Ахости*, *Ахонеря*, *Рантахонием* и др. [Nissilä 1975: 73, 111, 131, 266, 268; Балашов 2005: 19, 73, 76]; *Ахоканмяки*, *Ранта-Ахонмяки*) и на северо-западе Карелии – в бассейне Верхней Кеми, к западу от Пяозера, на Топозере (по данным [Мамонтова, Муллонен 1991: 20] и картотеки автора: *Ахола*, *Ахонваара*, *Ахойнен*, *Ахонкошки*, *Ахонлампи*, *Ахоломпи*, *Ахошуари*, *Венахо*, *Вялиахо*, *Каскиахо*, *Тухонахо*, *Хейкинахо*, *Хиетаахо*, *Ховинахо*).

К востоку и юго-востоку от указанных территорий названия данного типа быстро рedeют и исчезают совсем. В Центральной Карелии они нам не известны вовсе. Это явно связано с языковыми факторами (отсутствие термина в ряде собственно карельских²¹ и ливвиковских диалектов; в людиковском и вепсском термин вообще не зафиксирован), а не с природными или хозяйственными, ибо на территориях, где не отмечен термин *aho*, активно используются иные термины подсечно-огневого земледелия (*kaski*, *kases*,

---

²¹ Словарь [KKS: 7], впрочем, дает более широкую географию бытования термина *aho*, нежели то, что мы указываем по топонимическим данным. Безусловно, приведённая нами картина может быть неполной в силу отсутствия у автора данных по микротопонимии ряда районов Карелии. Однако, отсутствие соответствующих макротопонимов в центре и на востоке Карелии при их наличии в значительном количестве на юго- и северо-западе вряд ли случайно.

halmeh, haumez, huuhta, palo, palates и т. д.). Таким образом, карельские названия с элементом *aho* образуют восточную периферию ареала, центр которого находится в Финляндии.

Перейдем к рассмотрению его происхождения. Лексический и топонимический материал, как кажется, подталкивает к выводу о заимствовании термина. И соответствующие версии имеются.

В новом этимологическом словаре финского языка [SSA, s.v. *aho*] приводится версия О. Никкиля, который выводит *aho* из и.-е. (герм.) **as-* ‘гореть, пылать’ (> англ. *ash* ‘зола, пепел’, герм. **asjōn* ‘горн’). Впрочем, сам автор признаёт, что конкретный источник заимствования он указать не может [Nikkilä 1988].

Р. Анттила выдвинул иную версию, опирающуюся не на идею выжигания подсеки, а на идею расчистки, уничтожения леса. Он возводит англ. *ache/ake* ‘болеть’ к и.-е. **ag’-* и пишет: “Ожидаемым балтийским рефлексом **ag’-* было бы **až’-*, и я давно подозреваю, что этот рефлекс может крыться за фин. *aho* ‘поляна, просека’ (обычно бывший пожар). Его предполагаемый источник – не сохранившееся балт. **ažā*” [Анттила 1997: 114-115]. Со своей стороны, в рамках балтийской версии, мы могли бы указать лит. *áugumė*, лтш. *aūdze* ‘молодой лесок на месте вырубок’ [Невская 1972: 318]. Совпадение семантики с приб.-фин. *aho* поразительно, но значительную сложность вызывает рефлексация начального дифтонга.

Надо сказать, что в свое время мы несколько поспешно вывели *aho* из др.-фин. **hatš-* [Шилов 1995] (не в последнюю очередь – из-за ареальной дистрибуции соответствующих топонимов), а это последнее – из др.-рус. **гоща* (см. выше). Первое (реконструкция) вполне допустимо, см. о спорадической утере в финском начального **h-* [Хакулинен 1953: 35]. Фонетически корректно и второе (заимствование). Но эти два звена плохо совместимы в хронологическом отношении. Только весьма ранним временем славяно-финских контактов можно оправдать переход (заимствованного) **hatš-* в *aho* (при том, что раннее заимствование слав. **гоща* должно было, скорее всего, привести к приб.-фин. **kašša*, откуда никак не могло получиться *aho*; менее вероятна рефлексация **гоща* как **atš-*). Пока о славяно-финских контактах ранее V-VI вв. н.э. говорить нет серьёзных оснований. Имеющиеся немногочисленные (из них 2-3 внешне надёжных и 4-5 спорных) лексические соответст-

вия доказательством здесь служить не могут (см. [Шилов 2005а: 7-9] с примерами и литературой, а также [Terent'ev 1990: 30-32]). Есть одна гипотетическая возможность, а именно передача прибалтийским финнам русского термина какой-то чудской группой уже в преобразованной форме [Шилов 2005а, прим. 3], но она требует большого количества допущений, и всерьез её обсуждать преждевременно.

Таким образом, ни одну из выдвинутых на сегодняшний день версий, предполагающих заимствованную природу термина *aho*, нельзя признать достаточно убедительной. С другой стороны, с предположением об исконном (финно-угорском) происхождении термина география соответствующих топонимов вроде бы не согласуется. Однако нельзя полностью сбрасывать со счетов хорошо известное явление консервации языковых реликтов в лексике и топонимии на периферии языкового ареала (что, например, выразительно демонстрирует восточнославянская гидронимия). Какие возможности просматриваются здесь?

Словарь [SKES: 6] под вопросом сопоставляет прибалт.-фин. *aho* с удм. *ožo, odžo* 'луг', коми *ež, eža, iža* 'луговая трава, покос' (эти же данные повторены в [SSA]). Я. Саарикиви отвергает это сопоставление по фонетическим причинам (прапермское слово восстанавливается с начальным гласным переднего ряда). В свою очередь, он сравнивает прафинское **ašo* (Л. Хакулинен для *aho* дает праформу **atš-* [Хакулинен 1953: 53]) с коми *adž* 'заливной луг', удм. *až* 'открытое место' (праперм. < *ačo* 'луг'), допуская заимствование пермского слова из праприбалтийско-финского [Saarikivi 2006: 201]. Но ведь потенциально могло иметь место не заимствование, а изначальное родство соответствующих терминов в рамках финно-пермской (финно-угорской?) языковой общности²².

Итак, мы полагаем, что топонимия с элементами *gamč* и *axo* содержит термины подсечно-огневого земледелия с близкой или тождественной семантикой, изначально принадлежавшие различным "финским" группам и восходящие, скорее всего, к разным источ-

---

²² Изначально значение термина в таком случае было, видимо, близким к тому, что дают пермские материалы. Похожий сдвиг семантики мы видим при сравнении морд. *tšuvto, tšufto, šufta* 'дерево' и пр.-фин. *hu(u)hta* 'подсека'.

никам (и в языковом, и в хронологическом отношении). Формирование первого топонимического ареала, судя по всему, связано с миграцией “чуждых” носителей термина. Формирование второго (на стадии его функционирования в прибалтийско-финских языках) определялось как путями освоения прибалтийскими финнами новых территорий, так и конкуренцией в их языках и диалектах семантически близких терминов подсеки (как исконных, так и заимствованных).

ЛИТЕРАТУРА

Анттила 1997 – *Анттила Р.* Недостающие звенья в лексических цепочках: ПереГОНка балто-славянских слов в прибалтийско-финский и их сКОЛки // Балто-славянские исследования 1988-1996. М., 1997. С. 109-127.

АСМ – Акты Соловецкого монастыря 1479-1571 гг. Л., 1988.

Балашов 2005 – *Балашов Е.А.* Метаморфозы топонимии Карельского перешейка. СПб, 2005.

Васильев 2005а – *Васильев В.Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.

Васильев 2005б – *Васильев В.Л.* Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблума (Интерпретация корней *rus-* и *varæg-*) // Новгородский исторический сборник. Вып. 10 (20). СПб, 2005. С. 300-308.

Герд 1992 – *Герд А.С.* История прибалтийско-финских народов в трудах Д.В.Бубриха в свете проблем теории этногенеза // Д.В.Бубрих. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей. СПб, 1992. С. 82-88.

Мамонтова, Муллонен 1991 – *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев 2001 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. I. Екатеринбург, 2001.

Матвеев 2004 – *Матвеев А.К.* Субстратная топонимия Русского Севера. II. Екатеринбург, 2004.

МДС – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А-И). Екатеринбург, 2004.

Муллонен 1994 – *Муллонен И.И.* Очерки вепсской топонимии. СПб, 1994.

Муллонен 2002 – *Муллонен И.И.* Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Невская 1972 – *Невская Л.Г.* Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.

Озерецковский 1812 – *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989 (по изданию 1812 г.).

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

Попова 1996 – *Попова Э.Ю.* Отэтнонимические образования в диалектной лексике Русского Севера // Ономастика и диалектная лексика. Екатеринбург, 1996.

Сп. 1928 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 г.). Петрозаводск, 1928.

Топоров 1979 – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Т.2. М., 1979.

Хакулинен 1953 – *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. Ч.1. Фонетика и морфология. М., 1953.

Хелимский 2006 – *Хелимский Е.А.* Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. Вып. 3. Екатеринбург, 2006.

Шилов 1995 – *Шилов А.Л.* Гатчина // Русская речь. 1995, № 1. С. 109-112.

Шилов 1996 – *Шилов А.Л.* Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

Шилов 1997 – *Шилов А.Л.* Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология Заволочской Чуди // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 3-21.

Шилов 1999 – *Шилов А.Л.* Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.

Шилов 2002 – *Шилов А.Л.* Битца и Гвоздянка // Русская речь. 2002, № 6. С. 95-97.

Шилов 2005а – *Шилов А.Л.* Прибалтийско-финская лексика и восточнославянское языкознание // Вопросы языкознания. 2005, №2. С. 7-28.

Шилов 2005б – *Шилов А.Л.* Топонимические свидетельства присутствия летописных славянских племен в Подмоскovie (в свете идей О.Н.Трубачева) // История и культура славян в зеркале языка: славянская лексикография. III чтения памяти академика О.Н.Трубачева из цикла “Славяне: язык, история” (21-25 октября 2005 г., Москва). Москва, 2005. С. 139-142.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7. М., 1980.

KKS – *Karjalan kielen sanakirja. Osa 1.* Helsinki, 1968.

LMK – *Elomaa J., Laakso J.* Lyydiläismurteiden käänteissanasto. Helsinki, 1986.

Mažiulis 1988 – *Mažiulis V.* Prūsų kalbos etimologijos žodynas. I. Vilnius, 1988.

Nikkilä 1988 – *Nikkilä O.* Aho: omaa vai lainattua // Suomi 143. Helsinki, 1988. S. 135-140.

Nissilä 1975 – *Nissilä V.* Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

Pall 1988 – *Pall V.* Die Toponimie im Rahmen der Sprachgeographie // Советское финно-угроведение. 1988. Т. 24, № 4. С. 263-270.

Saarikivi 2006 – *Saarikivi J.* Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1. Helsinki, 1955.

SSA – Suomen sanoen alkuperä. V.1. Helsinki, 1991.

Terent'ev 1990 – *Terent'ev V.A.* Corrections to the “Suomen kielen etymologinen sanakirja” concerning Germanic, Baltic and Slavic loanwords // Uralo-Indogermanica. II. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Москва, 1990.

А.Г. Мусанов

**О РАСПРОСТРАНЕНИИ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ
П РИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ:
К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА**

Выявлению и описанию прибалтийско-финского субстрата в топонимии Республики Коми (далее – РК) посвящены небольшие по объему и незначительные по содержанию исследования. Это в основном статьи А.И.Туркина [1971 (а); 1971 (б); 1973; 1980; 1989] впервые предложившего мысль о распространении прибалтийско-финской топонимии в низовьях рек Печора, Вычегда, Вымь, в верховьях реки Мезень и в бассейне реки Луза. Не актуальность научного направления объясняется не безперспективностью изучения, а отсутствием полевых материала, как местного, так и с приграничных территорий.

К настоящему времени достаточно основательно обследованы юго-западные районы РК, а также соседние с ней территории. Анализ региональной географической лексики позволяет говорить о наличии топонимической системы иноязычного происхождения, предварительно прибалтийско-финского.

Кроме того, в некоторых работах известных лингвистов рассматриваются лексические заимствования из прибалтийско-финских языков. Так, по утверждению В.И.Лыткина, основное количество прибалтийско-финских заимствований приходится на северные и юго-западные диалекты коми языка (удорский, ижемский, лузско-летский, нижневычегодский) [Лыткин 1963: 5]. Наибольшая масса слов зафиксирована в удорском диалекте. Рассматриваемые в статье географические названия в какой-то мере совпадают по локализации с указанными диалектами, и распространяются дальше на восток, вплоть до верхнего и среднего течения реки Печоры, что согласуется и с заключениями этнографов и фольклористов [Жеребцов 1982: 195-206; Микушев 1970:103].

Топонимикон РК почти или совсем не вовлекался российскими учеными в исследование прибалтийско-финского субстрата. К примеру, основательная работа по субстратной топонимии русско-

го Севера А.К.Матвеева [2001] содержит несколько названий республики – Пысса, Субась, Мустюга и другие Удорского района. Ученый объясняет этот феномен ослаблением распространения топонимического субстрата. Некоторые топонимисты определяют субстрат на территории РК как «традиционное заимствование из районов Заволочья» [Муллонен 2002: 179].

При этом не учитываются исторические факты, засвидетельствованные документами, подтверждающими расселение древних коми намного западнее, чем в настоящее время. География их локализации охватывает бассейн реки Юга, верхнее течение Сев. Двины, Пинегу, бассейны Виледи и Моломы, т.е. те территории, где фактически поддерживается наличие прибалтийско-финского субстрата всеми учеными-топонимистами. При этом некоторые детерминанты пермского типа, в основном речные, распространены в пределах Европейского Севера, верхнего и среднего Поволжья, включая бассейн реки Кама [Афанасьев 1985: 71].

Тем не менее, топонимические материалы, большей частью гидронимные, зафиксированные на территории РК, позволяют в некоторой степени говорить о субстрате. Безусловно, что о точности верификации утверждать пока рано, необходимы новые дополнительные полевые данные.

Как выше отмечалось, топонимический субстрат совпадает с лексическими данными. Граница их локализации проходит по юго-западу и северу РК, до левобережья Печоры. Для продуктивного анализа рассматриваются наименее подвергающиеся видоизменениям при адаптации – топоосновы.

барм-

< ср. приоб.-финск. *borjäm* «возвышенность, гора, холм»; *Барма*, река, правый приток реки Мезень:

бутк-

< ср. карел. *putro* «болотистое место», *putrakko* «окно в болоте; ключ; лужа, сырое место», фин. *putrakko* «лужа, пруд; ламба; мелкий залив; углубление на дне реки», *putro* «небольшое озерко с крутыми берегами» [ММ: 76]; *Буткан/ты*, озеро у н/п Буткан;

быг-

< ср. вепс. *bukl* «водоворот», коми ю «река»; *Быг/ю*, река, правый приток реки Вашка;

вёз-

< ср. карел. *vesi, vezi, veži*, ливв. *vezi* ‘вода’, *vesikkö, vezikkö* ‘лужица, колдобина’, люд. *vezi, veži*, вепс. *vezi*, фин. *vesi* ‘вода’, *vesisto* ‘водоём, водная система’ [ММ: 100]: *Вёза*, река, левый приток реки Мезень;

вен-

< ср. карел. *vengi, venki* ‘ручей или небольшая речка, соединяющая два озера (ламбы, болота); протока’, фин. *venki* ‘изгиб, поворот’; *Венденга*, н/п, Удорский район; *Вен/ю*, река, правый приток реки Вашка; Удорский район;

ок-

< ср. фин. *joki* «река, речка», карел. *joki, jogi, dogi*, люд. *d’ogi*, вепс. *dogi, dögi, g’ogi, jogi* ‘река, речка’; *Вок/вад*, озеро/населенный пункт, Койгородский район; коми вад ‘озеро; (чаще) лесное озеро, непроточное озеро (находящееся вне поймы реки); озеро с топкими берегами (образовавшееся в старом русле реки); заболоченное место, заболоченное болото’; *Ок/вад*, озеро и населенный пункт, Усть-Вымский район;

он-

< ср. фин. *enä* ‘большой’; приб.-фин. *e > o*; в – протеза; *Вон/ю*, река, левый приток реки Айюва, Ухтинский район; *Онъмес*, река, левый приток реки Луза, Прилузский район; *мес* < коми *мӧс* ‘источник, родник’.

габ-

< ср. фин. *haara*, кар. *hoara, huara, hoaba, haaba*, ливв. *hoabu, haabu, huaba*, вепс. *hab* ‘осина’ [ММ: 30]: *Габӧ/ты*, озеро, Прилузский район; коми *ты* ‘озеро’;

гаг-

< ср. вепс. *hago* ‘валежник, коряга’, карел. *hako, hago*, ливв. *hago*, фин. *hako* ‘лежащее на земле или в воде гнилое дерево; валежник, коряга’ [ММ:26]; *Гаг/шор*, ручей, Сысольский район; коми *шор* ‘ручей’;

какач

< ср. вепс. *какач, gagač* ‘гагара’ [СВЯ 171]: *Какач* (Какас), река, правый приток реки Луза;

кала

< ср. фин. кар. вепс. вод. лив. эст. *kala*, саам. *kuolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *кол*, кул, хант. *кул*, венг. *hal* ‘рыба’; *Кала/юр*, река, правый

приток реки Лёхта, Прилузский район; коми юр 'голова', в топонимии 'верхний конец (острова, мели, косы, гряды); вершина, верх';

каль-

< ср. вепс. kal'l', kalli 'скала, каменный карьер', фин. kallio, саам. kalli 'скала', ливв. kal'l'ivo 'скала', люд. kallivo, kal'l'o, kalli, kal'l' 'скала; груды камней в лесу'; *Каля/чой*, гора, Прилузский район; коми чой 'гора, возвышенность'; эпексегетическое название (ср. *Вад/ты* - букв. лесное озеро/озеро, *Казань/чой* - букв. гора/гора, *Гора/керос* - букв. гора/гора и т.д.), появление таких семантически слитных составных частей обусловлено деэтимологизацией первого компонента;

кед-

< ср. фин. keto, карел. keto, kedo, ливв., люд. kedo 'заросшая подсека, поляна, залежь' [ММ: 38]; *Кедва*, река, левый приток реки Вымь, Княжпогостский район; коми ва 'вода', 'река'; *Кедва*, река, левый приток реки Ижма, Ухтинский район; *Кедвавом*, село в Ухтинском районе; коми вом 'рот', в топонимии 'устье';

кив-

< ср. приб.-фин. kivi 'камень'; *Киваж*, река, правый приток реки Яренга, Усть-Вымский район: важ < ? коми вож 'приток';

кол-

< ср. фин. кар. вепс. вод. лив. эст. *kala*, саам. *kuolle*, морд. *кал*, мар. *кол*, манс. *кол*, *кул*, хант. *кул*, венг. *hal* 'рыба'; мягкость *л* появляется под воздействием русского языка или из-за последующего *j* (*Kolju*), ср. *йоль-льоль*: *Коль/ю*, левый приток р. *Сьёд/ю*, Прилузский район; коми ю 'река';

кук-

< ср. вепс. kukkaz 'холм, горка', kuk, kukoi 'петух', фин. kukku 'коническая верхушка', карел. kukkula, kukkura, kukkuri, ливв. kukkigi 'крутая гора; холм; вершина горы или сопки', саам. kuk 'длинный' [ММ: 45]; *Кук/ю*, река, левый приток реки Нем, Усть-Куломский район; коми ю 'река';

кун-

< ср. саам. *gupa* «зола»; *Куниб*, село, Сысольский район: коми иб «гора, возвышенность»;

лант-

< ср. карел. lantto 'понижение, ложбина', фин. lanto 'углубление, лужа; отлогий', lanne 'низина, ложбина, яма', lantama 'низкое

место', саам. lan^{dD} 'пруд' [ММ: 53]; ср. карел. lantto 'понижение, ложбина', фин. lanto 'углубление, лужа; отлогий', lanne 'низина, ложбина, яма', lantama 'низкое место', саам. lan^{dD} 'пруд' [ММ: 53]; *Латьюга*, река, левый приток реки Мезень, Удорский район; более ранняя фиксация в форме Лантюга (1485 г.); ф.-у. юга 'река';

лет-

< ср. кар. liete, вепс. lete 'песок, низкий песчаный берег', букв. '(река) с низким песчаным берегом'; *Летка*, (коми Лет/ю), река, правый приток реки Вятка, Прилузский район; коми ю 'река'; *Летма*, река, приток реки Сысола; Койгородский район;

лѣхт-

< ср. вепс. lähte, lähtä 'колодец', 'родник', 'прорубь' [СВЯ 307]; *Лѣхта*, река, правый приток реки Луза;

локч-

< ср. фин., карел. luhta 'заливной луг'; *Локчим*, река, левый приток реки Вычегда; Корткеросский район; *Локчим*, река, левый приток реки Тобысь; Княжпогостский район.

лойм-

< ср. фин. loima 'пески; бугристое, песчаное место, поросшее вереском или мхом', эст. loim 'водяная лужа, заросший травой приток ручья' [SKES II 301]; *Лойма* (коми Ляй), село на правом берегу реки Луза, Прилузский район;

льв- < ср., фин. кар. liiva 'ил, тина' > др.-рус. льва 'болото', львина 'лес на болоте'; *Львина*, урочище, Прилузский район;

модзов-

< ср. фин. metsa, кар. mett's'ä, вепс. mets, эст. mets, mots 'лес' [КЭСК 17]; *Модзов/дзиб*, урочище, Прилузский район; коми *дзиб* 'гора, возвышенность';

мандач-

< ср. фин. mänty, карел. määndü, эст. mänd 'сосна'; *Мандач*, село, Сыктывдинский район;

матк-

< ср. фин. matka 'путь, дорога; расстояние', карел. matka, ливв. matku, люд. matk, matku, matke, вепс. matk 'то же', саам. m̄o^Rkie, muo^Rhkē, muot'ke 'перешеек, дорога', m̄yēt'kkⁱ 'место, по которому проходит путь (перешеек или берег порога)' [ММ: 59]; *Матка/эль*, река, левый приток реки Сар/ю, Троицко-Печорский район; коми

ель 'лесной непересыхающий ручей; небольшая лесная речка';
Маткин/ю, река, правый приток реки Печора, Троицко-Печорский;
коми ю 'река';

мудз-

< ср. карел., ливв., люд., вепс. *muda* 'ил, тина, грязь' [SKES 354]; *Мудз/ю*, река, левый приток реки Мезень, Удорский район;
коми ю 'река'; *Мучкас*, населенный пункт, Удорский район;

нем-

< ср. карел. ливв. *niemi* 'мыс, полуостров', люд. *niem, niemi, niemak*, вепс. *nem'* 'узкий перешеек', фин. *niemi* 'мыс, мысок' [ММ:63]; *Нем* (коми Нем/ю), река, левый приток реки Вычегда; Усть-Куломский район; *Немын*, река, правый приток реки Чисва; Княжпогостский район; *Немская возвышенность*, южная часть Тиманского кряжа; Усть-Куломский район;

нювч-

< ср. саам. *njukča* 'лебедь'; *Нювчим* (коми *Нюкчим*), река, правый приток реки Сысола, Сыктывдинский район;

нюл-

< ср., приб.-фин. *nila* 'слизь, ил', *Нюла*, правый приток р. Луза, Прилузский район;

охт-

< ср. фин. *ohto*, карел. *ohto*, эст. *ott*, мордЭ. *ovto, ofto*, мордМ. *ofta* 'медведь' [Туркин 1986: 84]; *Охта*, Великая Охта, река, левый приток реки Вилядь и Малая Охта, левый приток реки Великая Охта;

'сожженная подсека' [SSA 2: 298];

нав-, пал-

< ср. фин., карел., люд. *palo* «пожар», «выжженное место», «пожог», вепс. *palo* «костер», «сожженная подсека» [SSA 2: 298]; *Павьюга*, река, правый приток реки Светлая, Усть-Цилемский район; *Палью*, река, левый приток реки Войвож, Троицко-Печорский район; *Палью*, река, левый приток реки Илыч, Троицко-Печорский район;

пидж-

< ср. карел. ливв. *petäj, pedäj*, люд. *pedai*, вепс. *pedei, pedej, pedai* 'сосна'; Верхняя Пидж (коми Вылыс Пидз), река, правый приток реки Печора, Троицко-Печорский район;

пузл-

< ср. карел. *puvaš, puvaž, puvaž, puaz* ‘узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом’, фин. *pudas*, саам. *roovces, róutás* ‘рукав реки, протока’ [ММ: 77]; *Пузла*, река, левый приток реки Вычегда, Усть-Куломский район;

пулт-

< ср. саам. *puolta* ‘склон горы’, вепс. *raute, raude, poude* ‘склон, косогор; край поля’, карел. *palte, paltch* ‘склон горы, сопки’, ливв. *palte* ‘склон (южный, безлесный; край (подводной скалы, поля, леса)’, *palze* ‘край, обочина дороги; крутой берег реки’ [ММ: 70]; *Пулт*, река, Сысольский район

пурз-

< ср. вепс. *pursta*, люд. *burzuta* (ср. фин. *pursua, pursuta*) ‘сочиться, просачиваться’ [ММ: 75]; *Пурзин*, река, правый приток реки Мезень, Удорский район;

пут-

< ср. фин. *pudas*, саам. *rótas* ‘рукав реки, протока’, карел. *puvaš, puvaž, puvaž, puaz* ‘узкий пролив между берегом и островом; более узкий и мелкий рукав реки; углубление под порогом’ [ММ: 76-77]; *Пута*, река, левый приток реки Печора, Усть-Цилемский район;

пучк-

< ср. фин. *putki* ‘труба, ствол’, марийск. *пуч* ‘ствол, стебель’; > рус. географическим термин, распространенный на территории РС пучкас ‘проток, пролив’; *Пучкома*, река, левый приток реки Вашка, населенный пункт;

пыж-, пыш-, пыс-

< ср. саам. *pyssa, pois, pyis* ‘святой, священный’ [Туркин 1986:97]; *Пыж*, река, левый приток реки Мытка, Усть-Вымский район; *Пыжа/вож*, река, правый приток реки Кыдрым/ю, Ижемский район; коми *вож* ‘приток’; *Пыш/шор*, река, правый приток реки Уса, Воркутинский район; коми *шор* «ручей»; *Пысса*, (коми *Пыис*), река, левый приток реки Мезень, Удорский район;

пырс-

< ср. фин. *pygäs* ‘небольшой плот’, ‘косяк рыбы’, ‘лесок, перелесок’, *pyrgäs* ‘небольшая свободно плывущая группа бревен’; *pyrgi, pyrgö* ‘небольшой плот’, карел., лив. *pygäs, pygäz* ‘то же’

[SKES, 672]; *Пырс/ю*, река, левый приток реки Илыч, Троицко-Печорский район;

рай-

< ср. фин., кар., вепс., эст. *гаја* ‘граница, рубеж’, коми вис ‘протока, канал’; *Рай/вис*, деревня в бассейне р. Луза, Прилузский район;

ропч-

< ср. фин. *гуорас* ‘куча камней’, ‘груды льда’, карел. *гуораӧ*, *гуораӧ* ‘куча камней на поле для обозначения межи’, ‘камни в озере, выступающие над поверхностью воды’, ‘глыбы льда’, *гуорас* ‘груда камней’, ‘нагромождение льдин’, люд. *гуорас*, *гуораз* ‘груда камней (на поле)’, вепс. *горраз* ‘груда торос’, ‘замерзшие комья снега на дороге’ [SKES, 872-873]; *Ропча*, река, правый приток реки Весляна, Княжпогостский район;

сар-

< ср. вепс. *sar, sara* ‘развилина, разветвление’, фин. *haaga*, диал. *saaga* ‘ветвь, ответвление; развилка дорог; сторона’ [ММ: 88]; *Сар/вож*, река, левый приток реки Киваж, Удорский район; коми *вож* ‘приток’; *Сар/вож*, река, левый приток реки Чуб, Княжпогостский район; *Сар/ю*, река, правый приток реки Выми, Троицко-Печорский район; коми ю ‘река’; *Сар/юга*, (рус. Большая Сарьюга, коми Ыджыд *Сар/юга*), река, левый приток реки Косью, Интинский район; ф.-у. *юга* ‘река’; *Сар/ю*, река, левый приток реки Илыч, Троицко-Печорский;

саракас-

< ср. вепс. *sarakaz* ‘развилистый’ [СВЯ 497]; *Саракас*, река, левый приток реки Луза; в верховьях река берет начало из трех притоков (разветвлений), и все они имеют название Саракас;

сейд-

< ср. саам. *sejd, sejt* ‘священный камень, каменное божество (прибрежный камень или часть скалы) на берегу реки или озера’ [Туркин 1986: 102]; *Сейда*, поселок, Горняцкий район г. Воркута.

сокс-

< ср. фин. *sääksi, sääksä* ‘чайка’, эст. *sääsk, sääskõs, kalasääski* ‘чайка, морской орёл’, [SKES II 301]; *Сокся* (коми *Сӧкси*), река, правый приток реки Луза, Прилузский район;

суб-

< ср. саам. *subp'*, *sub'* 'осина'; *Субач* (коми Субась), левый приток реки Пысса, Удорский район; *Субач* (коми Субась), правый приток реки Пучкоми, Удорский район; *Субач* (Субась), левый приток реки Ус, Удорский район; *Субач*, лев. приток реки Йирва, Удорский район; *Субач*, левый приток реки Ваши, Удорский район; *Субач*, левый приток реки Ёва, Удорский район; *Субач*, река, правый приток Большой Лоптюги, Удорский район; *Ой Субач*, левый приток реки Субач, Удорский район; коми ой < вой 'ночь', 'северный';

сыр-

< ср. приб.-фин. *syrtä* 'сторона, край, бок; перешеек; возвышенное место; хребет, кряж; пески, дюны'; *Сыр/вож*, поселок, Усть-Вымский район; коми вож 'приток'; *Сыръяга*, река/населенный пункт, левый приток реки Воркута; ф.-у. юга 'река';

тоем- / тойм- / тойн-

< ср. фин. *toinen*, ижор. *toin*, карел. *toine*, люд., вепс. *toin'*е, эст. *teine* 'второй, другой' [SSA 3: 304]; *Тоем*, река, левый приток реки Пожег, Княжпогостский район; *Тойма*, деревня, Удорский район; *Тойн/нюр*, болото, водораздел рек Коин и Войвож, Княжпогостский район;

тайбала-

< ср. фин. *taipale* 'расстояние, волок', карел. ливв. люд. *taival*, *taibal*, *taibaleh* 'путь, расстояние; переход; перешеек между двумя водоемами' [ММ: 93-94]; *Тайбала*, урочище, Койгородский район;

том-

< ср. карел., ливв., люд., фин. *tuomi*, вепс. *tom* 'черемуха' [ММ: 96]; *Том*, река, правый приток реки Ижма, Ижемский район;

тыб-

< ср. фин. *turas* 'небольшая кочка, поросшая травой; густой, ветвистый куст; густой лесок', карел. *tuväs*, *tuvaš*, *tubaš* 'небольшой густой лесок, кустарник, куст; кочка', люд. *tubaz*, *tubahikko* 'куст, кустарник', вепс. *turraz*, *toraz*, *türäs* 'кочка' [ММ:96]; *Тыб/ю*, река, левый приток реки Сысола; Койгородский район; коми ю 'река'; *Тыб/ю*, река, левый приток реки Вишера; Корткеросский район;

тыд-

< ср. саам. *tūottara*, *tūoattar* 'безлесная сопка или ровная возвышенность', *tuDtar* 'большая гора, поросшая мелким лесом', 'камни' > рус. тундра 'безлесная гора, возвышенность; ровная низменная

топкая местность; болота, покрытые мхами или мелким кустарником' [ММ: 96]; *Тыд*, река, левый приток реки Мезень; Удорский район; *Тыд/вад*, озеро, водораздел рек Тыд и Ув/ю, Удорский район;

хайм-

< ср. карел. *heinä*, люд. *hein'(e)*, вепс. *hein*, *hīn*, эст. *hein* 'трава, сено' [SSA 1: 150-151]; *Хайма*, река, правый приток реки Лемва, Интинский район;

чекш-

< ср. фин. *syksy*, карел-лив. *šukšü*, *šüqüzü*, *šukšü*, *šüqüzü*, *šüüš*, *šüüs*, *süüš*, *šüvüs*, *süvüz*, люд. *šüqüz*, *süqüz*, *süqüz*, *süqüs*, вепс. *süqüz*, *šüqüz*, *süqüz*, *süqüz*, *šüqüz*, *sigiz*, эст. *süqis*, юж. *süküs*, лив. *si'kš*, *sü'kš*, *si'gžč*, *sü'gžč*=саам.швед. *tjaktja*, мокш. *šokš(ä)*, мар. *ščžč*, *šiže*, *ščže* [SKES, 1144] 'осень', 'осенняя стоянка' [Матвеев 1970: 464]; Чекша (коми Чокши), река, правый приток реки Луза; Ул Чокши, ул 'низ, низкий', букв. 'низовья реки Чекши'.

чурр-

< ср. карел. *sorpi*, *šorpi* 'угол, край, сторона', фин. *sorpi* 'угол(ок), закоулок, край, окраина; сторона, местность; вершина, макушка' [ММ:90]; Чупрово, населенный пункт, Удорский район; географическое расположение объекта, в принципе, соответствует по семантике названию;

чур-

< ср. карел. *čuga*, ливв. *čuga*, *čigo*, люд. *čuga*, вепс. *čuga*, *čuga* 'край, сторона, направление; местность, конец, бок', фин. диалектное *suga* 'направление', саам. *tšog'ra*, *t'šoaŋg-* 'сторона, край, граница; отдаленный' [ММ:24]; Чурум, река, левый приток реки Вашка и др.

Таким образом, однозначно говорить о распространении прибалтийско-финского субстрата до юго-западных границ РК, видимо, не совсем корректно. Ареал локализации вырисовывается довольно чётко, начиная от западных границ РК до левого берега реки Печора. Некоторые географические названия прибалтийско-финского происхождения совпадают с таковыми по фонетическим и семантическим критериям саамского происхождения. При этом большинство из них сосредоточены на севере республики, хотя имеются фиксации саамских названий в виде незначительных вкраплений на юго-западе РК. Для более точной языковой идентификации географических названий иноязычного происхождения необходимы дополнительные материалы.

ЛИТЕРАТУРА

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955-1978. I-VI.
SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1-2. Helsinki, 1992-1995.

Афанасьев 1985 – Афанасьев А.П. Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 68-77. (Труды Ин-та языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Вып. 22).

Жеребцов 1982 – Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982. 224 с.

КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Лыткин 1963 – Лыткин В.И. К вопросу о прибалтийско-финских заимствованиях в коми зырянских диалектах // Прибалтийское языкознание: Вопросы грамматики и лексикологии. М.-Л., 1963. С. 3-11.

ММ – Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. 162 с.

Матвеев 2001 – Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч.1. Екатеринбург, 2001. 346 с. 7 карт.

Микушев 1970 – Микушев А.К. Эпос северных коми-зырян // Тез. междунар. конгр. финно-угроведов. Таллин, 1970, т.II.

Муллонен 2002 – Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.

СВЯ – Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Ленинград, 1972.

Туркин 1973 – Туркин А.И. Вепско-карельская топонимия в бассейне Вычегды // Советское финно-угроведение. №1 (IX). Таллин, 1973. С. 11-13.

Туркин 1972 – Туркин А.И. Волжско-финская топонимия на территории Коми АССР. (Тезисы) // Вопросы советского финно-угроведения. Топонимика, фольклористика, литературоведение, археология, антропология, этнография. Саранск, 1972. С. 25-26.

Туркин 1975 - Туркин А.И. К вопросу о волжско-финских топонимах на территории Коми АССР // Вопросы финно-угроведения, вып. VI. Саранск, 1975. С. 220-224.

Туркин 1980 – Туркин А.И. Карело-вепская топонимия на коми территории // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum: Turku 20-27. VIII. 1980. Pars 7: Dissertationes sectionum. Turku. С. 157-162.

Туркин 1985 – Туркин А.И. Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми. Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар (Труды ИЯЛИ; Вып.36). С. 54-67.

Туркин 1986 – Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар Коми книжное издательство, 1986. 144 с.

Туркин 1989 – Туркин А.И. Топонимия Коми АССР // Автореф. дис... д-ра филол. наук. М., 1989.

Туркин 1971(а) – Туркин А.И. Топонимия нижней Вычегды // Автореф. дисс... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1971 (а). –45 с.

Туркин 1971(б) – Туркин А.И. Топонимия нижней Вычегды // Рук. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. Сыктывкар, 1971 (б). 263 с.

Туркин 1990 – Туркин А.И. Этногенез народа коми по данным топонимии и лексики // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т.2. / Отв. ред. Г.В.Федюнева. М.: Наука. С.196-198.

ПРОБЛЕМЫ АРЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТОПОНОМАСТИКИ

По встречаемости одинаковых топонимов на разных территориях, значительно отдаленных друг от друга, частотными являются гидронимы, нежели названия других географических объектов. В топонимике такие ареалы характеризуются как островные. Ср., например, гидронимы **Волго-Камья**, полностью совпадающие фонетически с речным названиями **Южной Сибири**: **Кама**, р. в Восточной Европе, лев. приток р. Волга – **Кама**, р. в Новосиб. обл., прав. приток р. Омь; **Ока**, р. в Восточной Европе, прав. приток р. Волга – **Ока**, р. впадающая в Братское вдхр. (Бурятия, Иркутск. обл.), **Селенга**, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг (Восточная Европа) – **Селенга**, р., впадающая в оз. Байкал (Монголия, Бурятия).

Ср. также гидронимы **Восточной Европы** и **Западной Сибири**: **Кинер**, р. в Малмыжск. р-не Киров. обл., **Кинер (Кенэр)**, р. в Арск. р-не Татарстана – **Кинер**, р., лев. приток р. Кондомы (Кемеров. обл.); **Кукша**, рч., лев. приток р. Рутки (Марий Эл) – **Кукша**, рч., лев. приток р. Томи; **Она**, р., лев. приток р. Лаж (Марий Эл), **Она**, р., лев. приток р. Немды (Марий Эл) – **Она**, р., приток р. Уды – Селенги, **Она**, р., прав. приток р. Абакана. Река Бирюса, бассейн Ангары, в нижнем течении носит название **Она**. Ср. также **Она**, р., прав. приток р. Мезень (Восточная Европа); **Шора**, р., лев. приток р. Илеть (Марий Эл, Татарстан), **Шора**, р., прав. приток р. Юшут (Марий Эл) – **Большая Шора**, р., лев. приток р. Томи, **Малая Шора**, р., лев. приток р. Большой Шоры и др.

Ср. также гидронимы Карелии и речные названия средней полосы Восточной Европы: **Шуя**, р., впадающая в Онежское озеро; **Шуя**, р., впадающая в Белое море; **Шуя**, р., лев. приток р. Немды, впадающей слева в Волгу (Костром. обл.); **Шуя**, р., приток р. Сухоны (Вологод. обл.); **Шуя**, р. приток р. Тезы (Ивановск. обл.); **Шуя / Шуй**, р., прав. приток р. Большой Ошлы (Марий Эл).

Ср. также гидронимы **Ленинградской области** и **Республики Марий Эл**: р. **Ронга**, приток р. Оять (Ленингр. обл.) – **Ронга**, р., прав. приток р. Малый Кундыш (Марий Эл); **Руя**, р., прав. приток

р. Плюсса (Ленингр. обл.) – **Руя (Руй)**, рч., прав. приток р. Манага; **Руя (Руй)**, рч., прав. приток р. Орша (Марий Эл); **Саба**, р., лев. приток р. Луга, **Савинка**, р., прав. приток р. Оять (Ленингр. обл.) – **Саба**, рч., прав. приток р. Уржумки (Марий Эл); **Сумка**, р., прав. приток р. Вруда, впадающей в р. Луга (Ленингр. обл.) – **Сумка**, р., прав. приток р. Волга (Марий Эл).

Такие речные названия имеют определенное значение для изучения этнических движений в древности и процессов перемещения отдельных этногрупп в более позднее время.

Большой интерес в этом плане представляют этнологические сведения.

Так, В.В.Напольских в одной из работ, оперируя данными археологических исследований, отмечает, что середина II тыс. до н.э. - время "глобальных сломов культур" в лесной полосе Евразии, вызванный кроме других причин, интенсивными связями камско-волжского населения с зауральским и западносибирским, очевидно родственным, населением (мощные культурные импульсы с востока на запад, возможно, и передвижение племен из Западной Сибири в Европу), хотя процесс распространения уральских культур шел уже в первой половине II тыс. до н.э. и в более северной полосе Евразии. Одной из важнейших причин сдвига урало-западно-сибирского населения на запад, как полагает В.В.Напольских, является начавшееся в середине III тыс. до н.э. и особенно усилившееся во второй половине II тыс. до н.э. сокращение ареала темнохвойной тайги на севере Западной Сибири и начавшееся во второй половине II тыс. до н.э. наступление этой тайги в Восточной Европе. Племена Урала и Западной Сибири, стремясь сохранить традиционное экологическое окружение, смещались на запад и юго-запад [Напольских 1990: 54-55].

Вместе с тем следует заметить, что перемещение каких-то частей сибирского населения, в том числе и древнемарийских племен, в Восточную Европу исходило и из более южных районов Сибири, о чем свидетельствуют вышеприведенные гидронимические изоглоссы Волго-Камья и Южной Сибири.

Миграционные импульсы с Алтая эпизодически исходили, видимо, и позднее. Особый интерес в этом отношении представляет книга В.В.Радлова "Из Сибири: Страницы дневника" (Москва,

1989). Он пишет: "Под натиском своих южных соседей угро-самоедские племена, разумеется, задолго до рождества Христова, частью южнее Алтая переселились на запад, частью же были оттеснены в леса Сойонских гор и восточнее Алтая отошли на север. Часть из них, дубо (самоеды- оленеводы и предки тубинцев, койбалов, маторов и черневых татар - А.К.) осела в лесистых горах" [Радлов 1989: 440].

В этой связи имеет смысл привести пространный отрывок из высказываний А.Е.Богданович, не лишенный вероятия и субъективных домыслов: "Чуваши и черемисы, по-видимому, непосредственно (по Самаре и Волге) вышли с Южного Урала, куда они были вытеснены из Алтайского края, или же были ранними ватагами киммерийцев (до нашествия "кемов"), носители ямных погребений. Меря пришла позже, после нашествия скифов на юге, и притом разными путями Доно-Окским и Днепровским, и, видимо, заняла господствующее положение в крае (в Ростовско-Белозерском крае. - А.К.), дав имя большому народу с центром у озера Неро или Ростово" [Богданович 1966: 119].

Сами по себе предполагаемые концепции служат своего рода информацией для размышления над проблемами этнической истории народов финно-волжской языковой общности и импульсами для выявления вкраплений чужеродных этнокомпонентов, очагов и следов иммигрантов Волго-Камья. Не вступая в полемику с А.Е.Богданович, следует, однако, отметить, что вопросы этногенеза и этнической истории любого народа были и остаются чрезвычайно сложными. Их решение невозможно без глубокого и тщательного изучения археологических, антропологических, историко-этнографических и иных данных, без учета лингвистических сведений родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов. При этом нет оснований представлять этногенетические процессы как прямолинейные, игнорируя факты воздействия на них субстратных и суперстратных явлений.

Судьба прамарийского этноса на территории раннего этапа его истории была тесно связанной с историей, миграциями и инфильтрациями многих племенных объединений Алтайско-Саянского нагорья и Срединной Азии. Поэтому антропологически древние мари имели боьшое сходство с родственными им аборигенами Сиби-

ри. По этому поводу В.В.Бунак пишет следующее: "Одним из типов, вошедших в весьма древнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский - А.К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов". "Из прочих типов, - подчеркивает он, - присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый, тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип" [Бунак 1924: 160-161].

В пользу такого утверждения свидетельствуют и данные других антропологических изысканий. Так, Г.М.Давыдова, освещая результаты популяционно-генетических исследований манси с привлечением сравнительных данных по другим народам Восточной Европы и Азии, пишет, что в верхнесосьвинской группе манси высокая частота гена q (0,263); подобные частоты встречаются редко, в частности, у бурят (0,265), у архангельских ненцев (0,282), у марийцев (0,246). Далее, она уточняет, что сибирские народы довольно четко делятся на две группы по частоте гена q : у палеоазиатских и других народов Северной Сибири она низка, у южносибирских народов (или народов, связанных по происхождению с Южной Сибирью) она высокая, например, у якутов - 0,209, у алтайцев в целом - 0,202, у алтай-кижи, по данным Ю.Г.Рычкова - 0,245, по данным Г.М.Давыдовой - 0,277 (№ 241). Повышенная частота гена q , по ее мнению, наблюдается также у кетов - 0,183. Другая большая область расселения народов с высокой частотой гена q - Европейский Север России и Поволжье [Давыдова 1974: 100].

Как явствует анализ группы крови по системе MN, у сибирских народов частота гена m колеблется в очень широких пределах - от 0,260 у нганасан, до 0,721 у якутов. При этом выделяются два типа частот гена m : у одних народов - ненцев, нганасан - ген n преобладает над m , у других m преобладает над n либо резко, как у якутов, эвенов, либо незначительно, как у юкагиров, кетов, чукчей, эскимосов. Превышение частоты гена m над n характерно и для алтайских народов - у алтай-кижи частота гена m составляет 0,670 (№ 237), у теленгетов - 0,648 (№ 81).

Далее Г.М.Давыдова отмечает, что, к сожалению, почти полностью отсутствуют материалы по системе MN у народов Поволжья. Имеющиеся данные касаются марийцев, у которых $m > n$, коми Кольского полуострова и коми бассейна Сосьвы. В обеих группах коми обнаружено небольшое увеличение гена n, однако, тут нельзя исключить влияние ненцев, у которых частота гена n высокая [Давыдова 1989: 85-86].

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах - $hug(3+3) N^3$ - сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах - сага (2-5) M^1 - горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) - с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров - M_{16} луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупам (6,4). По дистальному гребню тригониды (dtc) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метакониды (dw) у горных мари - 26,3; саамов Финляндии - 31,3; саамов Кольских - 32,7; луговых мари - 40,0; селькупов - 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1); хантов (15,7) [Халдеева 1992: 35-36].

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы.

Что же касается древнейшей истории марийского народа, то она до сих пор остается малоизученной, проблематичной, а в большинстве случаев спорной и загадочной. Рассматривая формирование древнемарийских племенных групп, историки оперируют лишь материалами археологических раскопок, не учитывая при этом ономастические данные. У финно-угроведов, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки обобщения многообразного фактического материала по уральским языкам, все же остаются вне поля зрения не только палеоазиатско-финно-угорские взаимосвязи, но и марийско-самодийские лексические отношения. Достаточно упомянуть, что "методически наиболее выдержанный и в то

же время экономный путь сравнительно-генетического исследования заключается в последовательном ретроспективном продвижении от позднейших языковых состояний к более ранним (начальный этап обычно протекает на основе сравнительной реконструкции диалектов одного языка) и от сравнения близкородственных языков к сравнению более отдаленных" [Климов 1990: 33]. Такая последовательность содействует более полному и точному освещению вопросов как истории финно-угорских языков, так и первоначального места расселения марийских племен.

Как явствуют топонимические изоглоссы Восточной Европы и Южной Сибири, марийцы формировались на территории, находящейся между Алтайско-Саянским нагорьем и Западной Сибирью, имея тесные контакты с различными племенами охотников и рыболовов, оленеводов и скотоводов.

В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема **Уньжа (Унчо)**, р., прав. пр. р. Шоры (Марий Эл), имеющая Западно-Сибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: **Унжа**, р. лев. приток р. Каилка; **Квенал-унжа**, р., прав. пр. р. Пайдугина, **Пуныл-ундж**, р., лев. приток р. Чижапка, где модифицированный русским языком слово **унжа** восходит к селькупскому **унджь** 'ручей, речка' [Беккер 1970: 16-18].

Видный географ-топонимист М.Н.Мельхеев, объясняя историю, происхождение и смысловое значение географических названий Приенисейской Сибири, приходит к выводу, что селькупы по происхождению южно-самодийская народность, которая в первые века нашей эры из Саян ушла на северо-запад, в Западную Сибирь, и, вступая в контакт с кетоязычными, угроязычными народами, сблизилась с последними [Мельхеев 1986: 21].

Историко-культурные взаимоотношения мари и селькупов можно подкрепить конкретными примерами без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников и селькупских диалектизмов ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону. Например:

марийские слова

ильиш 'жизнь'
сай ильиш 'хорошая жизнь'
кушто ила? 'где живет'
коваште 'кожа'
кап 'тело'
кушеч(-ын) 'откуда'
кутко 'муравей'
корак 'ворона'
лу 'кость'
ме 'мы'
мӧ—гына 'домой'
мӧ—гына пӧртылаш
'возвращаться к себе домой'
пелне 'в стороне'
вел 'сторона'
шӱч 'копоть, сажа'
тыште 'здесь'

селькупские лексемы по словарю С.И.Ирикова (Л., 1988)

илы 'жизнь'
сома илы 'хорошая жизнь'
кун ила? 'где живет'
копы 'кожа'
кэпы 'тело'
куннены? 'откуда'
кыта 'муравей'
кэря 'ворон'
лэ 'кость, скелет'
ме 'мы (включая всех, двое)'
моқына 'домой; назад, обратно'
моқына пӧралиқа -
'возвращаться домой'
пеляк 'сторона'

сичи 'уголь'
тымты 'здесь'

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Вступая в хозяйственно-культурные контакты с неродственными по языку территориально-племенными объединениями Южной Сибири и Срединной Азии, древние мари восприняли от них некоторые орудия домашних ремесел, отдельные элементы семейной обрядности, материалы украшений женской одежды, особенно зооморфные полые шумящие подвески и т.п. Видимо, в алтайский период были восприняты марийским языком некоторые монгольские слова, например: *a—ыра* 'глупый, тупой', ср. монг. *аңгар* <

aŋqagu- ra 'глупый' [Räsänen 1969: 21]; *кияк* 'осока', ср. монг. *kijag* 'осока' [Räsänen 1969: 262]; *саус* 'дружка', 'шафер', 'распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом' - монг. *jauci 'посредник', 'сват', 'сваха', алт. тюрк. *d'ütši* 'сват', 'сваха', сиб. тат. *sautsi* 'сват', 'сваха' [Рона-Таш 1977: 230-233]; *чолпан* 'Венера (планета)' - монг. *čolban* 'Венера (планета)' [Räsänen 1969: 115]; *чоргат* (диал.) 'воронка', 'трубка' - монг. *čarga* 'труба, трубка' [Räsänen 1969: 116]; *чын* 'правда, истина' - монг. *čij* 'правда, истина' [Räsänen 1969: 108].

В мезолитическое и последующее неолитическое время население Алтайско-Саянского нагорья, как было сказано выше, подолгу на одном месте не задерживалось. На пути продвижения в Низменное таежное Заволжье, расположенное между Северными Увалами и Волгой к западу от Вятского Увала, древние мари имели, видимо, культурно-хозяйственные связи с ранними ираноязычными кочевниками Южного Урала, носителями савроматской и раннесарматской культур. Следы контактов с ираноязычными скотоводами в какой-то степени проявляются в различных областях материальной и духовной жизни мари, ср., например, марийские и скифо-сарматские слова:

марийские лексемы

кыне 'конопля'
меж 'шерсть (овцы, козы)'
онар 'богатырь, великан'

рывыж 'лиса'

шүдö 'сто'

скифо-сарматский языковой материал

кана 'конопля' [ОИЯ 1979: 292]
maiša 'овца', авест. *maēsa-* [ОИЯ 1979: 294]
nar 'мужчина', 'самец', ср. др.-иран. *a-nar-ya* 'не мужчина лишенный мужества' [ОИЯ 1979: 296]
raupāsa 'лиса', осет. *robas, rovas* [ОИЯ 1979: 300]
sata 'сто' → *sada* [ОИЯ 1979: 300]

Сравните также марийские лексемы со словами других иранских языков:

<i>куржаши</i> 'бежать, убежать'	кл. перс. <i>gurēz</i> , тадж. <i>gurēz</i> , совр. перс. <i>gorīz</i> - през. осн. гл. 'убегать' [[ОИЯ 1982: 63]
<i>лӯм</i> 'имя'	кл. перс. <i>nām</i> < ср.-перс. <i>nām</i> 'имя' < иран. * <i>nāma</i> 'имя' [[ОИЯ 1982: 101]
<i>лӯшташ</i> 'доить'	мундж. <i>lūš</i> - 'доить' [[ОИЯ 1982: 121]
<i>марий</i> 1) 'мари, мариец'; 2) 'муж, мужчина'	кл.-перс., тадж. <i>mard</i> , совр. перс. <i>mārd</i> 'человек, мужчина' [[ОИЯ 1982: 62]
<i>почеш</i> 'позади, сзади, вслед, следом'	авест. <i>pasča</i> 'позади, после', др.-перс. <i>pasā</i> 'позади, после' [[ОИЯ 1982: 58]
<i>рож</i> 'дыра, отверстие, пробои- на'	совр. перс. <i>rōzān</i> 'щель, дыра, отверстие' < кл. перс. <i>rōzan</i> 'дымовое отверстие' < ср.-перс. (раннее) <i>rōčan</i> , (позднее) <i>rōzan</i> 'окно' [[ОИЯ 1982: 44, 47]
<i>том</i> 'семя (растений)', 'косточка (плодов), ядро (ореха)'	белудж. <i>tom</i> 'семя' [[ОИЯ 1982: 110]
<i>тушман</i> 'враг, неприятель'	кл. перс. <i>dušmanī</i> , тадж. <i>dušmani</i> , дар. <i>došmanī</i> 'вражда' < ср.-перс. <i>dušmanīh</i> 'вражда' [[ОИЯ 1982: 91]
<i>уш</i> 'ум', 'сознание'	кл. перс. <i>hōš</i> , дар. <i>hus</i> , тадж. <i>huš</i> 'разум, рассудок' < иран * <i>uš</i> - 'понимание, восприятие' [[ОИЯ 1982: 82]
<i>чурий</i> 'лицо, лик; облик'	совр. перс. <i>čehre</i> 'лицо' [[ОИЯ 1982: 81]
<i>шере</i> 'пресный'; 'сладкий'	кл. перс. <i>šīrīn</i> 'сладкий' [[ОИЯ 1982: 52]
<i>шӯр</i> 'молоко'	мундж. <i>xšīro/xšīrā</i> , йидга <i>xšīra</i> , др.-иран. * <i>xšīra</i> -, н-перс. <i>šīr</i> 'молоко' [ОИЯ 1982: 125]
<i>шӯдыр</i> 'звезда'	кл. перс. <i>sitāra</i> , совр. перс. <i>setāre</i> 'звезда' [[ОИЯ 1982: 59]

Концепции о проникновении ранних самодийцев на Среднюю Волгу и в Приуралье вряд ли противоречит тезис о позднейшей нивелирующей роли марийской экспансии в процессе смешения, главным образом, оседлых аборигенов Среднего Поволжья с пришлыми.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что становление топонимии Урало-Поволжья происходило в сложнейших переплетениях бурных исторических событий, охватывающих многие тысячелетия. Это обстоятельство, естественно, вызывает большие затруднения в объяснении происхождения географических названий. Остается заметить в этой связи, что семантическая реконструкция реликтовой гидролексема, сопровождаемая экстралингвистическими (археологическими, антропологическими, этнологическими, историческими) данными, учитывающая природно-географические особенности и культурно-исторический фон функционирования реконструируемой лексема, оперирующая соответствиями и параллелями родственных и неродственных контактирующих языков, значительно уменьшает число беспочвенных гипотез, тормозящих поступательное движение ономастической науки.

Сокращения

авест. - авестийский язык; *алт. тюрк.* - язык алтайских тюрков; *белудж.* - язык белуджей Туркмении; *дар.* - дари (афганский дари), *диал.* - диалектное слово; *др.-иран.* - древнеиранский язык; *др.-перс.* - древнеперсидский язык; *иран.* - иранские языки; *йидга* - относящийся к ареальной группе афганского языка, известной как памирские языки; *кл.перс.* - классический персидский язык; *монг.* - монгольский язык; *мундж.* - мунджанский язык; *н.-перс.* - новоперсидский язык; *осет.* - осетинский язык; *сиб. тат.* - язык сибирских татар; *совр. перс.* - современный персидский язык; *тадж.* - таджикский.

ЛИТЕРАТУРА

Беккер 1970 – Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири. – Языки и топонимия Сибири. Вып. 2, Томск, 1970, с. 16-18.

Богданович 1966 – Богданович А. Е. Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнолингвистический очерк по данным водоречной номенклатуры и другим материалам, Ярославль, 1966.

Бунак 1924 – Бунак В. В. Антропологический очерк черемис (с 18 табл. и мног. рис.). – Русский Антропологический Журнал, 13, вып. 3-4, М., 1924, с. 137-177. (Резюме на франц. яз., с. 174-177).

Давыдова 1974 – Давыдова Г. М. Популяционно-генетические исследования манси Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии, М., 1974, с. 96-107.

Давыдова 1989 – Давыдова Г.М. Антропология манси. М., 1989.

Ириков 1988 – Ириков С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Пособ. для уч-ся нач. шк., Л., 1988.

Климов 1990 – Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики, М., 1990.

Мельхеев 1986 – Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири, Иркутск, 1986.

Напольских 1990 – Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финноугорской предьстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Материалы XVII Всесоюзной финно-угорск. конф. (Ижевск, 1987), Ижевск, 1990, с. 40-67.

ОИЯ 1979 – Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М., 1979.

ОИЯ 1982 – Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки, М., 1982.

Радлов 1989 – Радлов В. Из Сибири: Страницы дневника. Пер. с нем. К.Д.Цивиной и Б.Е.Чистовой. Примеч. и послесл. С.И.Вайнштейна. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И.Донидзе. Указатель этнич. названий Е.П.Батьяновой, М., 1989, 749 с.: ил., карты. – (Этнограф. библ.).

Рона-Таш 1974 – Рона-Таш А. Об одном заимствованном среднемонгольском слове в марийском языке // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д.Санжеева, М., 1974, с. 230-234.

Халдеева 1992 – Халдеева Н. И. Уральская раса по данным одонтологии. Материалы к антропологии уральской расы, Уфа, 1992.

Räsänen 1969 – Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. (LSFU), XVII, 1. Helsinki, 1969.

О ФАМИЛИЯХ ВОДИ И ИЖОР

Говоря о фамилиях води и ижор, мы имеем в виду прежде всего официальные фамилии; т.н. «уличным фамилиям» в данной работе уделяется меньшее внимание. Фамилии води и ижор представляется возможным рассматривать в совокупности по следующим причинам:

1. Водь и ижора – два близкородственных этноса.
2. Исторические судьбы этих двух народов сходны.
3. Исторические области расселения води и ижор соседствуют (во всяком случае, в Кингисеппском и Ломоносовском районах Ленинградской области).
4. Представители води часто называют себя по-русски ижорами.
5. В отношении коренных жителей ряда деревень (Куровицы, Пятчино, Копаницы, Ильмово и др.) среди исследователей нет единого мнения, следует ли относить их к води или к ижорам.
6. Предполагается наличие водского субстрата у нижнелужских (возможно, также и систинских, и некоторых других групп) ижор.
7. Выявленные положения по фамилиям води и ижор в основном совпадают.

Поскольку водское и ижорское самосознание в последнее время весьма размыто, в данной работе к води и ижорам условимся относить население деревень, жители которых показаны как водь или ижора в известных работах П. Кеппена [Körpen 1867: 20, 37–41]. Кроме того, привлечены данные из некоторых деревень, возникших позже исследований П. Кеппена, а также из нескольких пунктов, в которых П. Кеппен «не обнаружил» води и ижор. Во второй половине XIX в. возникло населенное ижорами и финнами Малое Куземкино. В начале XX в. возникли ижорские дер. Межники и Ханике, водские: Средние Лужицы, Вареве, Номме [СНМ Спб. губ. 1864: XLII, XLIII]. По отношению к утратившему к началу XX в. водский язык и практически обрусевшему водскому населению используется термин «постэтническая водь» [о «постэтнической води» см. Ушаков 2002: 115–117].

Фамилии как атрибут государства

Наличие собственно фамилий (в отличие от родовых имен) является, по-видимому, признаком развитого государства. В развитом социуме фамилия выполняет помимо назывательной и социальной функций также функцию юридическую. Весь юридический аспект бытования фамилий в государстве определяется государственным языком. Естественным образом таковым становится язык главного этноса в государстве, язык «государствообразующего» этноса, формой организации которого и является данное государство. Фамилии иноэтнических меньшинств в государстве или сразу создаются на государственном языке, или адаптированы в нем.

Отсутствие собственных государственных образований у води и ижор, принадлежность их к «чужим» (в этническом смысле) государствам, сказалась не только в общеизвестном факте естественной и даже добровольной ассимиляции води и ижор среди русских (а в XX в. также среди эстонцев и финнов), но и в отсутствии официальных форм собственных фамилий. У води и ижор, не имевших, по крайней мере, с XIII в. никакой этнической самоорганизации, не сложилось ничего подобного «фамильным именам», ни в древнеримском, ни в современном понимании. Малочисленность води и ижор, отсутствие экономической необходимости в развитии письменности на своем языке имели одним из следствий отсутствие этнически дифференцируемых официальных фамилий.

Данное утверждение не отрицает наличия сколько-нибудь самобытных фамилий у води и ижор. Именно их поиск и составляет задачу данной работы.

Языковая принадлежность официальных фамилий води и ижор

Водь и ижоры как граждане Российской империи в начале XX в. имели фамилии (или подобия фамилий), фигурирующие в метрических книгах и иных документах. Сотни людей носят данные фамилии и сегодня. В языковом отношении они не принадлежат ни к водскому языку, ни к ижорским диалектам, но к языкам более социально-развитых соседних народов, имеющих свою государст-

венность и письменность: к языкам русскому, финскому и эстонскому.

Таким образом, по формально-языковой принадлежности фамилии води и ижор могут быть разделены следующим образом:

1. Русские фамилии води и ижор.
2. Финские фамилии ижор Карельского перешейка.
3. Эстонские фамилии ижор (и в единичных случаях води).
4. Фамилии води и ижор иной и неизвестной языковой принадлежности.

Водские и ижорские «фамилии» (наследственные семейные имена), не существующие в виде официальных фамилий, присутствуют в каждой из этих четырех групп.

РУССКИЕ ФАМИЛИИ ВОДИ И ИЖОР

Среди выделенных по языковому признаку четырех групп фамилий води и ижор, русские фамилии безусловно преобладают. Ввиду большого разнообразия русских фамилий у води и ижор, удобно рассмотреть по порядку их различные по структуре и генезису группы.

Патронимические фамилии

Фамилии, образованные от крестильных имен («фамилии-отчества»).

В Российском государстве водь и ижора, не имевшие ни дворянства, ни заметного количества представителей иных сословий, кроме самого низшего, не имели в прошлом (даже еще в XIX в.) наследственных фамилий, по крайней мере в смысле фамилий, официально употреблявшихся. Лица крестьянского звания, вплоть до 1861 г. обычно имели только отчества. Положение с фамилиями у води и ижор было в этом смысле такое же, как у русских [Унбегаун 1995:16]: *Федот Васильев (= сын Василия); Александра Осипова (= дочь Осипа)* (Ловколово, ижоры).

Регистрация рождений до 1918 г. была функцией духовенства. В среде православного населения записи в книге рождений делал обычно сам приходской священник. Православные церковнослу-

жители были чаще всего этнические русские. Поскольку официальным языком был русский, православные попы давали и записывали имена и отчества в формах, обычных для русского языка. В дальнейшем эти имена и отчества сопровождали их носителей в их официальной жизни: в армии, в торговых сделках – иначе говоря, в любых отношениях на русском языке. Конечно, в местной, собственной языковой среде эти имена-отчества звучали иначе: *Петр Еремеев = Еррома Петой* (Логи, Сойкинский полуостров, ижор). Следует иметь в виду, что вплоть до революции 1917 г. в России для низших сословий употреблялись «уничижительно-простые» формы отчеств: *Владимир Ильин, Парасковья Никитина*, – в отличие от «величественных» имен-отчеств более знатных людей: *Лев Николаевич, Елизавета Петровна*. Таким образом, отчества води и ижор, как и основной массы русских, имели изначальное сходство с русскими фамилиями. Процесс превращения крестьянских отчеств в фамилии шел у води и ижор и у северных русских (к примеру, в Новгородской и Псковской губерниях) параллельно и почти одновременно.

Русские ненаследственные «фамилии-отчества» води и ижор вполне соответствовали народным «именам-отчествам» в водском и ижорском языках:

Севастьян Филатов = Филатан Савасти (Слободка, Сойкинский п-ов, ижор), *Григорий Емельянов = Омельян Кико* (Краколье, ижор). «Фамилии-отчества» были в самом широком употреблении в XVIII и XIX в. Позднее их носили преимущественно старые люди, родившиеся «до революции». Впоследствии (и особенно при советской власти), в связи с необходимостью иметь полные «фамилию-имя-отчество» настоящее отчество нередко дублировалось, из него получалась и «фамилия»: *Олег Романов = Олег Романович = Олег Романович Романов* (Мартышкино), *Павел Павлов = Павел Павлович = Павел Павлович Павлов* (Рогосары), *Андрей Андреев = Андрей Андреевич = Андрей Андреевич Андреев* (Токсово). Наряду с «фамилиями-отчествами» у ижор и води «издавна» (во всяком случае, по их собственному мнению) были широко распространены «фамилии-дедичества», также ненаследственные [о «дедичествах» см. Д.А.Золотарев 1927:139-148]. В ижорском и водском языках им соответствовали обычно трехчленные «фамилия-отчество-

имя»: *Михаил Николаевич Марков* = *Маркон Мийккулан Микой* (Логи, ижор), *Никита Филиппович Трофимов* = *Трошо-Филипа-Мики* (Лужицы, водь).

В случаях систематического применения «фамилий-дедичеств» у отца и сына были разные фамилии, образованные всякий раз от имени деда: *Иван Филиппович Сергеев* (по отцу *Филиппов*, по деду *Сергеев*), его сын *Сергей Иванович Филиппов* (по отцу *Иванов*, по деду *Филиппов*) (Лужицы, водь). Внешне «фамилии-дедичества» не отличались от «фамилий-отчеств»: *Иван Леонтьев* (= *Левон Иво*) = *Иван Тихонович Леонтьев*; *Илья Леонтьев* (= *Левон Иля*) = *Илья Леонтьевич* (Пески, водь). «Фамилии-отчества» и «фамилии-дедичества» стали наследственными с 1920-х годов, на памяти ныне живущих людей. Произошло это, как объясняют жители, по требованию советской власти, желавшей порядка в употреблении фамилий.

Известны у води и ижор и «наследственные фамилии-отчества», образованные от имени более отдаленного предка-эпонима. Такие фамилии соответствовали наследственным именам на водском или ижорском языке:

Клим Егорович Агафонов = *Ага Егоркан Климу*;

Сергей Семенович Силантьев = *Шилкан Семменан Серкей*;

Димитрий Парамонович Ермолаев = *Еррома Парман Мийтре* (Логи, ижоры);

Агафон Ильич Антонов = *Онттона Илян Агафона*;

Тимофей Федорович Ануфриев = *Онуфре Фюдяря Тимо* (Лужицы, водь).

В подобных случаях на вопрос о фамилии, заданный на местном языке, можно услышать в ответ: *Ага*, *Шилка*, *Еррома*, *Онттона*, *Онуфре*. При этом о самих предках с данными именами (Агафон; Силантий; Еремей; Антон; Онуфрий) ничего не известно.

Русские «фамилии-отчества» (включая «фамилии-дедичества»), и «наследственные фамилии-отчества») у води и ижор резко преобладают над другими типами фамилий. Можно сказать, что у ижор другие фамилии встречаются вообще относительно редко. Среди «фамилий-отчеств» води и ижор встречаются фамилии, образованные от малоизвестных и трудноузнаваемых православных имен:

Арефьевы < *Арефий* (Евсеева Гора, Сойкинский п-ов, ижоры);
Липпартовы < *Липарит* (Андреевщина, ижоры; Ивановское, водь) [об имени Липарит см. Никонов 1988:157].

Калинины < *Калина* < *Каллиник* (Косколово, ижоры),
Кроновы (Ивановское, водь), *Кроньевы* (Раннолово, водь) <
Крон < *Кронид* [об имени *Кронид* см. Петровский 1996:169].

Весьма неожиданно обнаружить у ижор «фамилии-отчества», образованные от дохристианских русских личных имен: *Ждановы* (Лахта); *Шестаковы*, *Шумиловы* (Косколово) [о фамилиях *Шестаков*, *Шумилов* см. Никонов 1993:167, 178]. Последние являются, вероятно, искусственными фамилиями. Фамилии, образованные от прибалтийско-финских форм христианских личных имен, у води и ижор единичны:

Густоевы < *Густу* < *Густав*, *Август* (под вопросом) (Ивановское, водь);

Тимойовы < *Тимой* < *Тимофей* (Венкуль, Наровская волость, ижоры);

Крикковы < *Крико* < *Григорий* (Куровицы, водь);

Юковы < *Юко* < *Юхан* (Керстово, водь).

Дохристианские прибалтийско-финские личные имена води и ижор известны нам только из подушных книг 1500-го и последующих годов; в современных фамилиях памяти о них не сохранилось.

Некоторые фамилии води и ижор, образованные от эпонима, утратили русский патронимический суффикс, и превратились в своеобразные собственно ижорские и водские фамилии:

Бертовы > *Берт* (Глинки, Сойкинский п-ов, ижоры);

Ионовы > *Ион* (Пиллово, водь).

К фамилиям, образованным от западнохристианских (неправославных) имен, относятся, вероятно, *Густоевы*, *Берт*, *Бруновы*, *Юковы*. Наличие таких фамилий у води и ижор свидетельствует, видимо, об ассимиляции в прошлом и ижорами, и водью части ингерманландских финнов.

Фамилии, образованные от уменьшительных форм личных имен, в качестве официальных фамилий у води и ижор практически не встречаются, хотя сами диминутивные имена употреблялись широко, в том числе, в качестве «уличных фамилий»: *Илюшкан ома*; *Матюшкан ома*; *Теркан ома* (Орлы, ижоры).

Матронимических фамилий у води и ижор, по-видимому, нет, хотя в виде «названий домов» у ижор Карельского перешейка они обычны: *Матролойст; Настолойст, Палагейст*.

«Профессиональные фамилии».

В крестьянской среде бытовало не так много особенных профессий. Хозяйство было близко к натуральному, а разделение труда мало развито. В иных местах «своим местным ремеслом» занималось большинство мужчин. У води и ижор известны, главным образом, две «профессиональные фамилии», связанные с кузнечным и мельничным делом. Занятие таким ремеслом предполагало владение кузницей или мельницей, и было обычно наследственным. Семьи кузнецов и мельников были, как правило, зажиточнее прочих. При этом фамилии *Кузнецовы* (Пеники, ижоры; Маттия, водь) и *Мельниковы* (Вуолы, Сергеевка, Софолово, ижоры; Куровицы, водь) являются нередко переведенными на русский язык водскими и ижорскими наследственными семейными именами. Так, *Василий Кузнецов* известен как *Сепян Васька* (Маттия, водь). В свою очередь, происхождение Мельниковых в Софолово легенда связывает с человеком по фамилии *Мюллери* ‘мельник’, родом из Никуляс, где такая фамилия бытовала у финнов [об основании Софолова см. Егоров 1929: 31–48].

Многие фамилии, похожие внешне на «профессиональные фамилии», на самом деле являются искусственными. Среди них *Булочниковы, Посредниковы* (Малые Валговицы, «постэтническая водь»), *Калашниковы* (Венкуль, ижоры), *Кирпичниковы* (Бабино, водь), *Ягодниковы* (Средние Лужицы, водь), *Ямщиковы* (Малое Куземкино, ижоры). Эти фамилии полностью принадлежат русскому языку и не связаны с местными занятиями или прозвищами.

«Прозвищные фамилии».

По существу обо всех настоящих прозвищных фамилиях води и ижор можно сказать, что это «переведенные фамилии». Русские фамилии, образованные от прозвища эпонима, у води и ижор являются переводом на русский язык собственных наследственных прозвищных имен: *Капустины* = *Капуссан ома* (Косколово, ижоры); *Киселевы* = *Киисселин ома* (Липово, Курголовский п-ов, ижоры); *Кольцовы* = *Ренкахан ома* (Косколово; Логи, Сойкинский п-ов, ижоры).

Многие наследственные семейные имена води и ижор были даны некогда как прозвища, по внешности или же за характер родоначальника (в дальнейшем предполагается, что это «законные» качества его потомков): *Пунапоски* (Межники, ижоры); *Речя* (Лужицы, водь). Некоторые из таких наследственных прозвищ, переведенные на русский язык, стали русскими фамилиями: *Герасим Долгов* = *Пиччин Гарой* (Маттия, водь); *Алексей Чернов* = *Муста Олексей* (Куровицы, водь).

Фамилии, образованные от названий животных.

Хотя фамилии води и ижор, образованные от названий животных, практически все являются «переведенными фамилиями», большую часть их нет оснований считать «прозвищными фамилиями». Сами представители води и ижор различают «наследственные прозвища» и «настоящие фамилии». По большей части «переведенные фамилии», образованные от названий животных, они относят именно к «настоящим фамилиям». У води и ижор можно предполагать связь таких фамилий со старыми наследственными семейными именами, восходящими, возможно, к эпохе родового строя, и являвшимися некогда тотемами отдельных родов. Во всяком случае, такие фамилии у води и ижор аналогичны соответствующим финским и эстонским фамилиям:

Федор Волков = *Шуе Федя* (Косколово, Сойкинский п-ов, ижор);

Трофим Зайцев = *Янезе Троша* (Корвитино, водь);

Николай Воробьев = *Чирккулан Коля* (Суйда Гора, Сойкинский п-ов, ижор);

Петр Чайкин = *Каявойн Петой* (Вистино, ижор);

Илья Зябликов = *Пейппосе Ийля* (Кайпилово, Лисий Нос, ижор);

Михаил Тетерев = *Тетри Миша* (Кайпилово, Лисий Нос, ижор);

Макар Бекасов = *Бигосси Макар* (Ивановское, водь).

Впрочем, можно допустить, что некоторые из этих ижорских и водских «уличных фамилий», соответствующих русским, в действительности являются прозвищами или переводом русских фамилий (в таком случае искусственных) на свой язык.

К наиболее показательным и распространенным у води и ижор фамилиям, образованным от названий животных, относятся следующие:

Барановы = *Боррана ома* (Залесье, Сойкинский п-ов, ижоры; Маттия, водь);

Волковы = *Шуе ома* (Горки, Косколово; Мордовщина – ижоры);

Зайцевы = *Янезе онад* (Корвитино; Котлы, Большой Конец, водь);

Сорокины = *Хараган ома* (Андреевщина, Пахомовка – ижоры);

Ершовы = *Йоршиши ома* (Остров, ижоры; Краколье, ижоры);

Щукины = *Хаввен ома* (Венкуль, ижоры).

На вопрос о фамилии, заданный по-ижорски или по-водски, в этих местах можно получить ответ: *Боррана, Шужи, Йоршиши, Янес, Харакка, Хауки*.

Среди фамилий, образованных от названий животных, можно встретить и достоверно «прозвищные» фамилии: *Роман Жуков* = *Бере Роман* (Лужицы, водь); его отец *Бере Фюдяр* был известен как *Ситтабере* ‘навозный жук’. Здесь необходимо понимание того, кто из животных «годится в крестные» человеку: если «родство» с одними из них почетно, то с иными – постыдно. Представление о таких возможностях можно составить из анализа соответствующих финских (в том числе, ингерманландско-финских) и эстонских фамилий.

Фамилии, возникшие «по созвучию».

Ряд фамилий, похожих на русские «прозвищные фамилии», получился в результате переосмысления по-русски ижорских наследственных имен («фамилий»): *Булкины* < *Пулккинен* (Рыбацкая, Муринская волость, ижоры). Русские фамилии могли, предположительно, получаться также в результате русской звукопередачи водских и ижорских наследственных имен. К таким фамилиям, возникшим «по созвучию», относятся, возможно, фамилии:

Балалайкины < *Палалайн?* (Коваши, ижоры; Пиллово, водь);

Варяговы < *Варакыз?* (Котлы, Малый конец, водь);

Веряйские < *Веряя?* (Сокули; Малое Забородье, ижоры);

Голов < *Коло?* (Малое Забородье, ижоры).

Эти фамилии следует считать фамилиями неизвестного происхождения.

«Фамилии-этнонимы».

В этой группе несколько русских фамилий этнонимического содержания:

Ижорины (Александровка близ Дудергофа, русские; недалеко находится финско-ижорская дер. Перякюля);

Карелины (Сокули, Ломоносовский р-н, ижоры);

Чудиновы (Велькота, Тютюцы, «постэтническая водь»);

Саксины (Гарколово, Евсеева Гора, ижоры);

Сойкинцевы (Ивановское, водь);

Сомряковы (Раннолово, водь).

В местных ижорских и водских прозвищах факультативно выступают исходные формы этих фамилий: *Василий Саксин* = *Саксан Васой* (Евсеева Гора), *Иван Карелин* = *Васькалан Ваня* (Сокули).

«Псевдоэтнонимические фамилии» могут быть или «прозвищными» (*Шведовы*, Керстово, водь; *Поляковы*, Пиллово, водь), или искусственными (*Цыганковы*, Большие Валговицы, «постэтническая водь»).

Патронимические фамилии неизвестного происхождения.

О происхождении многих русских фамилий водки и ижор нельзя сказать определенно, имеют ли они отношение к неизвестным нам прозвищам либо наследственным водским и ижорским именам, или же они возникли на сугубо русской почве. Некоторые водские и ижорские наследственные имена оставляют обе возможности для интерпретации их истоков:

Кокаревы = *Кокеро ома* (Липово, Курголовский п-ов, ижоры);

Морозовы = *Мороза онад* (Краколье; Маттия, водь);

Пугачевы = *Пугачин ома* (Волково, ижоры; Пулково близ Горвалдая, ижоры);

Шмотовы = *Шмота ома* (Остров, ижоры; Куровицы, водь).

Здесь заметим, что очень многие водские и ижорские наследственные имена, вполне соответствующие финским «названиям домов», образованы от русских слов, ср. примеры из водской дер. Куровицы:

Бешенойн ома, глава семьи *Бешенойн Петра* (фамилия неизвестна);

Гулляйн ома, глава семьи *Гулляй Ваня* (Корнилов);

Земскон ома, глава самьи *Земско Мико (Зиновьев)*;

Плеешин ома; глава семьи *Плеешин Филиппа (Мельников)*.

«Названия домов», образованные от русских слов, есть и у курголовских финнов: *Хиитрон ома*; *Трусинан ома* (Курголово). Таким образом, вполне можно допустить возможность образования у води и ижор русских «прозвищных фамилий» от местных прозвищ, представлявших собой русские слова: *Скопкан Мийккула* > *Николай Скобкин* (Вистино, ижор).

Искусственные фамилии

Большая часть русских искусственных фамилий образованы при помощи патронимических суффиксов *-ов/ев* или *-ин*. Тем не менее они не являются патронимическими, поскольку не образованы от реального патронима. Искусственные фамилии у води и ижор не связаны с какими бы то ни было местными прозвищами, ни на водском и ижорском, ни на русском языке. Таким образом, они не имеют каких-либо «местных корней». Эти фамилии возникли сразу как русские. Возникновение их было обусловлено, с одной стороны, набравшим силу процессом становления наследственных фамилий, с другой стороны, «русскоориентированностью» води и ижор. Время возникновения искусственных фамилий относится к XIX – началу XX веков. Рассмотрим происхождение этих фамилий.

Фамилии, данные помещиком («старые русские фамилии»).

Многие помещики имели обыкновение давать произвольные фамилии своим крепостным. Документальных свидетельств об этом, по-видимому, не сохранилось, поскольку никаких требований к тому не существовало. Феодальное владение представляло собой «вотчину», «государство в государстве», и помещик практически ни за что не должен был отчитываться.

О фамилиях «помещичьего» происхождения у ижор и води у нас есть только косвенные известия. «Помещичьи фамилии», надо думать, нередки у русских; известны они и у ингерманландских финнов.

Внешне «помещичьи фамилии» могут напоминать обычные «прозвищные фамилии»; как правило, они оформлены патроними-

ческим суффиксом *-ов/ев* или *-ин*. О «помещичьем» происхождении ряда русских фамилий води и ижор можно думать в следующих случаях:

а) множество разнообразных русских фамилий в одной деревне (вероятно, такие фамилии создавались сразу в некотором количестве),

б) отсутствие этих фамилий в соседних деревнях,

в) русские фамилии с простой семантикой, не основанной, однако, на местных реалиях, и не имеющие соответствий в местных (водских и ижорских) наследственных именах,

г) относительно большой возраст фамилий: время их возникновения – не позднее 1861 г.

Предположим «помещичье» происхождение ряда «старых русских фамилий», несомненно, искусственных: *Рыбаковы, Шейниковы, Шестаковы, Шумиловы* (Косколово, ижоры); *Беляковы, Дружинины, Лобановы, Толкачевы* (Липово, Курголовский п-ов, ижоры); *Погодины, Телегины, Травины, Тупицыны* (Котлы, Большой конец, водь); *Веселовы, Громовы, Хмуровы, Шестаковы* (Куровицы, водь). Фамилии, определяемые как «помещичьи», определенно типичны для больших деревень, и, видимо, больше характерны для води, чем для ижор. Однако, такие фамилии встречаются также и у ижор финляндских волостей Рауту и Метсяпиртти: *Боровиковы* (Сиркиянсаари, Хухти), *Подушкины* (Керипата, Палкеала, Риикола, Суур-поркку). Сами обладатели «старых русских фамилий» объясняют их своим «русским» происхождением. В действительности, происхождение каких-либо фамилий у води и ижор от русских предков могло быть только случайным.

«Школьные» фамилии. Прежним школьным учителям, вероятно, доставляло неудобство то обстоятельство, что многие их ученики не имели постоянных фамилий: в качестве фамилии могло выступать то отчество, то «дедичество», то прозвание. Некоторые учителя сами давали своим ученикам произвольные русские фамилии с позитивным содержанием. Так появились фамилии: *Бойковы, Братолюбовы, Быстровы, Молодцовы* (Андреевщина, ижоры). Интересно, что учитель, давший эти фамилии, был по воспоминаниям местных жителей ижор.

«Армейские» фамилии. Бесфамильные представители води и ижор приобретали фамилии и во время службы в царской армии.

Причиной наречения солдата новой фамилией могли быть, например, следующие обстоятельства: непонимание солдатом, что такое фамилия; слабое знание русского языка; разные ответы на вопросы о своей фамилии. Фамилии, данные в армии, имели обычно характерную «армейскую» специфику: *Белоусовы* (Гостилово, водь), *Капраловы* (Ропша Наровской волости, ижоры), *Пушкины* (Андревщина, ижоры), *Скобелевы* (Березняки, водь).

«Армейские фамилии» немногочисленны и не были широко распространены, поскольку домой со службы в царской армии возвращались немногие.

«Модные» фамилии.

Образованные и зажиточные представители води и ижор часто сами придумывали себе звучные русские фамилии. Некоторые местности западной Ингрии были в начале XX в. буквально захвачены модой на красивые русские фамилии. В большей степени это веяние коснулось крупных деревень:

Кедровы, Серебряковы, Сердцевы, Тумановы (Ивановское, водь);

Гусаровы, Сайкины, Снетковы, Хватовы (Краколье, ижоры);

Вихревы, Цветковы (Краколье, водь);

Тихомировы, Фигуровы, Шумиловы (Межники, ижоры).

Некоторые «модные фамилии» не имеют патронимических суффиксов: *Барон* (Ундово, водь); *Граф* (Пиллово, водь).

Обстоятельства приобретения этих фамилий хорошо известны, поскольку дело было относительно недавно, в основном в начале XX в.

Эти и подобные им фамилии не имели, обычно, ничего общего с местной традицией, и не соответствовали семейным прозвищам на своем языке:

Хватовы = *Силон олат* (Краколье, ижоры); *Шумиловы* = *Кярсян олат* (Межники, ижоры).

«Дворянские фамилии».

Происхождение «дворянских фамилий» у ижор могло быть связано с крепостным правом и сопутствовавшим ему произволом помещика; эти фамилии могли быть также «модными» и «армейскими». Конечно, эти фамилии никак не связаны с ижорскими наследственными именами:

Строгановы = *Малён олат* (Липово, ижоры);

Шуваловы = *Гягян олат* (Остров, ижоры).

«Топонимические фамилии».

Строго говоря, они являются не собственно топонимическими, а «прозвищными», иногда возникшими в результате переосмысления ижорских наследственных семейных имен: *Смоленские* = *Шмален олат* (Косколово, ижоры); *Сибирские* = *Сибирскон олат* (Липово, ижоры).

Некоторые патронимические фамилии ижор и води действительно связаны с топонимами, хотя сами не являются «топонимическими»: *Марковы* (Маркелово, Карельский перешеек, ижоры); *Крикковы* (Куровицы, водь; недалеко ижорская дер. Крикково).

Топонимические фамилии могут отражать прежнее положение дома внутри деревни: *Горские* (Маттия, водь); *Полевые* (Пиллово, водь).

Эти фамилии являются, возможно, переведенными на русский язык водскими «наследственными прозвищами» (в данном случае эти прозвища можно только реконструировать).

«Церковные» фамилии. «Семинарские фамилии» не получили распространения у води и ижор. Казалось бы, стойкое сохранение православия в нерусском окружении должно было бы привести к появлению церковнослужителей из води и ижор, но нам об этом ничего не известно. Искусственные фамилии, характерные для православного духовенства, у води и ижор не представлены. Конечно, церковнослужители «низшего звена» неизбежно были местными жителями. Однако у води и ижор практически отсутствуют столь распространенные среди русских фамилии *Дьяконов*, *Пономарев*, *Попов*. Исключение составляет западная Ингрия, где встречаются типичные «церковные» фамилии:

Игумновы (Большие Валговицы, «постэтническая водь»);

Бриллиантовы (Получье, «постэтническая водь»);

Брешенские (Павлово Нежновской волости, ижоры);

Пальмовы (Павлово, Нежновская волость, ижоры);

Пионские (Ивановское, водь).

С осторожностью можно предположить «церковное» происхождение и других искусственных фамилий: *Венковы*, *Виноградовы* (Пески, водь); *Грибовские* (Кондово близ Лопухинки, ижоры); *Кесаревы*; *Розановы* (Ивановское, водь); *Цветковы* (Краколье, водь) [Унбегаун 1995:170–181].

Фамилии, непонятные по содержанию

Содержание многих русских фамилий непонятно ни их обладателям, ни окружающим. Такие фамилии встречаются и среди православных ингерманландцев (води и ижор). С точки зрения исследователя русских фамилий это фамилии уникальные, но вместе с тем вполне русские. Исследователь финской Ингерманландии узнает по таким фамилиям представителей (или потомков) води и ижор: *Бряковы* (Бабино, водь); *Комогоровы* (Пигелево, Ёглизи, ижоры); *Коченовы* (Никитолово и др., Куйвзовская волость, ижоры); *Подуловы* (Кюляятка, Лемболовская волость, ижоры); *Порываевы* (Акколово, Скворицкая волость, ижоры). О происхождении таких фамилий нельзя сказать наверное, имеют ли они прибалтийско-финскую основу, или являются изначально русскими. Семейные легенды говорят о русском происхождении предка-эпонима, но под «русскими» ижоры понимают обычно не этнических русских, а «своих», т. е. собственно ижор.

Фамилии, образованные от прибалтийско-финских корней

Видимо, такие фамилии только формально можно считать русскими фамилиями. С позиций русского языка они совершенно непонятны. Тем не менее, это настоящие патронимические фамилии, имеющие русский патронимический суффикс: *Рюткины* (Большие и Малые Лаврики, Муринская волость, ижоры); *Гаргины*, *Каруевы*, *Пуккины* (Керстово, водь); *Пуккиевы*, *Чигиригины* (Подмошье, водь).

Такие фамилии неразрывно связаны с наследственными семейными названиями на водском и ижорском языках, от которых они и образованы:

Гугины = *Гугун олат*; *Кобрины* = *Коприн олат* (Косколово, ижоры). В образовании ижорско-русских фамилий на *-ин* какую-то роль играет, видимо, совпадение окончания русского родительного падежа с окончанием прибалтийско-финского генитива²³.

---

²³ На основании суффикса *-ин*, напоминающего окончание финского генитива, такие фамилии финляндских карел как *Ruumin*, *Siilin*, *Miinin*, *Lukin* считаются в Финляндии финскими фамилиями [SN: 491, 527, 689-690].

ФИНСКИЕ ФАМИЛИИ ИЖОР

Фамилии, унаследованные от «воспитанников». Среди ижор Карельского перешейка были распространены типично финские по виду фамилии, что, возможно, и дало основание говорить о «православных эврейских» [Шлыгина 1994:372]. Действительно, трудно предположить исконно ижорское происхождение фамилии *Арикайнен* (Хантулово), тем более что тут же неподалеку жили финны-лютеране с той же фамилией. Многие финские фамилии у ижор Карельского перешейка ведут начало от «воспитанников», взявших фамилию своих приемных родителей (возможно, из соображений удержания наследства): *Арикайнен* (Васкелово, Хантулово); *Валгонен* (Накколово; Стекланный); *Виротайнен* (Софолово); *Керро* (Симолово); *Туокко* (Вуоле-Койвукюля); *Хайгонен* (Сергеевка). Воспитанники были крещены в православие, и впоследствии вступали обычно в браки с православными же (среди «православных финнов» Карельского перешейка ижор было больше, чем «воспитанников»). Потомки их были уже настоящими ижорами. В других частях Ингрии такие фамилии почти не встречаются. «Топонимическая» фамилия *Итти* (Шепелево, ижоры) происходит, по легенде, от переселенца из Финляндии (из Ийтти?).

«Настоящие финские фамилии» ижор Карельского перешейка.

Некоторые финские фамилии в северной Ингрии принадлежат исключительно православным ижорам: *Калккинен* (Коросары); *Кокка* (Термолово; эта фамилия была и у финнов – в приходе Вуоле); *Лембинен* (Накколово; финны с такой фамилией были в соседнем приходе Валкеасаари); *Пиринен* (Коросары); *Утту* (Софолово, Вуолы, Сергеевка); *Ховатти* (Васкелово, Большое Сойлово, Сокеолово).

Эти фамилии являются, возможно, «исконно ижорскими». Наиболее известная и многочисленная ижорская фамилия на Карельском перешейке – *Утту* – известна еще и на юго-западе Карельского перешейка (в Ино), у местных финнов – эврейских. Этот факт подтверждает идею о принципиальном сходстве (и даже идентичности) исконных ижорских фамилий с финскими (эврейскими) фамилиями.

Обратившись к ижорам финляндский волостей Рауту и Метсяпиртти [Көррен 1867:43], мы обнаружим там фамилии, встречающиеся только у ижор:

Интке (Манселькя, Савиккола, Ваккила, Раасули, Лиипуа);

Яске (Ваккила, Вариксела, Поткела, Палкеала, Сиркиансаари, Хухти);

Онтронен (Суниккала, Риикола, Раю); *Ратинен* (Палкеала).

Ряд фамилий в Рауту и Метсяпиртти представлен как у православных ижор, так и у финнов-лютеран:

Васкелайнен (Манселькя, Ваккила, Суниккала, Керипата, Лиипуа, Вепса);

Сорвали (Манселькя, Суниккала, Риикола, Сиркиансаари);

Соякка (Суниккала, Орьянсаари, Кярьяля);

Хаукка (Ваккила, Пиен-Поркку, Хухти).

Некоторые из этих фамилий (*Яске*, *Онтронен*, *Васкелайнен*) образованы от православных форм христианских имен, и являются преимущественно или исключительно ижорскими.

«Новые финские фамилии».

Начиная с 1920-х годов, финляндские ижоры в связи с политической обстановкой в тогдашней Финляндии [Koskinen 2002] массово меняли свои русские фамилии на финские. Эти «новые финские фамилии» в некоторых случаях были образованы от «названий домов», но в большинстве случаев по созвучию с прежней фамилией: *Пахомо*, *Пурьемаа* < *Пахомофф*; *Синервайнен*, *Сишрола* < *Сидорофф*; *Петямяки*, *Пяльвисало* < *Подушкин* (Палкеала) [Rautu ja rautulaiset 1993:291,292.]; *Терола* < *Трофимов* (Лапанайси); *Коскинен* < *Игнатъев* (Васкела). «Новые финские фамилии» брали, кроме того, некоторые ижоры Наровской волости, отошедшей с 1920 года к Эстонии. Кое-кто из ижор, имевшие родство с местными финнами, взяли себе фамилии своих финских бабушек: *Ахонен*, *Койвунен* (Ванаколя); *Хямяляйнен* (Венкуль). Другие «новые финские фамилии» были, по-видимому, просто выдуманы: *Каява*, *Котко*, *Паюнен* (Ханике), *Йоки* (Венкуль); *Лехти* (Калливере). В дальнейшем написание некоторых из этих фамилий было все же изменено на эстонский манер: *Паюне*, *Йыги*, *Лехт*.

ЭСТОНСКИЕ ФАМИЛИИ ВОДИ И ИЖОР

«Давнишние эстонские фамилии».

Немногочисленные старинные эстонские фамилии у води и ижор происходят от предков-эстонцев. Потомки эстонцев из водско-эстонских и ижорско-эстонских семей в западной Ингрии превратились со временем в настоящие водь и ижору: *Кальм* (Курголово, ижоры); *Виттонг* (Лужицы, водь).

«Новые эстонские фамилии».

Эстонские фамилии носят ижоры Наровской волости, входившей с 1920 по 1940 г. в состав Эстонии. По эстонскому закону о фамилиях от 1921 года лица, не имеющие фамилии, обязаны были выбрать себе фамилию. Фактически эстонские власти навязывали ижорам эстонские фамилии [Йыги 204 – 210]. Большая часть таких фамилий не имеет никаких местных корней; это просто некогда популярные эстонские фамилии: *Вески, Кала, Каск, Киви, Лайн, Луми, Метса, Мянд, Пихлак, Пыльд, Пяяр, Рауд, Роози* (Венкуль, Наровская волость).

Иногда «новые эстонские фамилии» ижор созвучны их прежним русским фамилиям: *Гулин* > *Куули*; *Соколов* > *Сакала*; *Хитров* > *Хитро*; *Кубикова* > *Кубик* (Венкуль). Некоторые из «новых эстонских фамилий» - это прежние русские фамилии местных ижор, переведенные на эстонский язык: *Белов* > *Валге*; *Щукин* > *Хауки* (Венкуль).

В результате отбрасывания русских патронимических суффиксов ряд фамилий приобрел звучание, близкое, возможно, к их гипотетической ижорской форме: *Буцин* > *Пусси*; *Деркин* > *Теркки*; *Крапов* > *Крабу*; *Пампусов* > *Пампус*; *Пиллин* > *Пилли*; *Пяссин* > *Пясси*; *Решкин* > *Рески*; *Ховаскин* > *Ховаски* (все примеры из дер.Венкуль). Такие «переведенные» или «реконструированные» фамилии из числа «новых эстонских фамилий» есть основания считать «настоящими ижорскими фамилиями». Русские формы этих фамилий получились, очевидно, из прибалтийско-финского генитива наследственных имен в «названиях домов»: *Пиллин ома*; *Пяссин ома* и т. д.

ФАМИЛИИ ИНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Происхождение и даже былая языковая принадлежность ряда фамилий води и ижор неизвестны. Семантика таких фамилий может быть прозрачной:

Ковалевские (Вуолы, Софолово, ижоры);

Шмит (Большая Ижора, ижоры).

О некоторых фамилиях мы должны признать, что нам совершенно непонятны ни их содержание, ни хотя бы приблизительно языковая принадлежность: *Орден* < *Ордин*? (Евсеева гора, ижоры); *Иотмалик* (Корвитино, водь).

Может быть, это и есть настоящая водская фамилия?

Заключение

Что такое настоящие водские и ижорские фамилии, и есть ли они? С ижорскими фамилиями дело обстоит достаточно понятно. Ижорские диалекты являются, по существу, диалектами финского языка, и «настоящие ижорские фамилии» не отличаются принципиально от финских. Мы находим эти фамилии среди «старых финских фамилий» ижор Карельского перешейка. Русские патронимические фамилии ижор западной Ингрии представляют собой русские соответствия, перевод или звукопередачу ижорских «фамилий», бытовавших на неофициальном уровне. «Новые эстонские фамилии» ижор Наровской волости являются в ряде случаев удачной и правильной реконструкцией «настоящих ижорских фамилий».

В то же время масса наследственных прозвищ и «уличных фамилий» ижор не находит никакого соответствия в их официальных русских фамилиях: *Куникахан Тийхкана* = *Семенов*; *Куккой Петрин Крииша* = *Емельянов* (Логи).

Все эти «неофициальные фамилии» сохраняются только при условии сохранения новыми поколениями ижорского языка (или хотя бы ижорского самосознания). Водский язык, имеющий свойства «секретного языка», не имеет известных нам форм официальных фамилий. Зато в нем есть «секретные фамилии». Помимо патронимических фамилий, имеющих официальные формы на русском

языке, и наследственных прозвищ, у многих семей есть еще секретные наследственные имена, которые по-русски называют «фамилиями». В повседневной речи они не употребляются совершенно, и известны, как правило, только внутри семьи:

Метсо, Кронни, Саккали, Тедри (Лужицы). Как видно, все это – названия птиц. «Секретные фамилии» не употребляются в сочетании с личными именами, и пригодны, пожалуй, только для случаев «крепкой похвалы»: *Саккалин рооту!* ‘Соколиная кость’! Преобладание искусственных русских фамилий у води приводит к полной утрате наследственных прозвищ и «секретных фамилий», вместе с утратой водского языка. Но даже и при сохранности водского языка наследственные прозвища образованы нередко от русских слов и даже от русских фамилий: *Громов Иван > Громичча Ваня; Хмуров Александр > Хмурован Олексе* (Куровицы).

Водский язык вообще широко использует иноязычную лексику, как свою собственную. Многие русские слова и фамилии адаптируются в водском языке и оказываются весьма «антропонимичными».

Для более полного изложения сведений о фамилиях води и ижор необходимо привлечение известий обо всех без исключения водских и ижорских домах, по всем деревням в их историческом ареале. Завершение этой работы находится в настоящее время на грани возможного.

ЛИТЕРАТУРА

Köppen 1867 – Peter v. Köppen. Erklärender Text zu der Ethnographischen Karte des St.Petersburger Gouvernements, von Peter v.Köppen. St.Petersburg, 1867.

СНМ Спб. губ. – Списки населенных мест Российской империи. Азбучный указатель Санкт-Петербургской губернии. СПб, 1864, Стр.XLII, XLIII.

Ушаков 2002 – Н.В.Ушаков. Водь и ижора Ленинградской области в начале XXI века. К вопросу об аккультурации // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. Материалы IV-й научно-практической конференции Санкт-Петербургского гос. педагогического университета им. А.И.Герцена, 17–20 апреля 2002 г.

Унбегаун 1995 – Б.-О. Унбегаун. Русские фамилии. М. 1995.

Золотарев 1927 – Д.А.Золотарев. У ижор // Труды Ленинградского Общества Изучения Местного Края (ЛОИМК). Т.1. Л., 1927.

Никонов 1988 – В.А.Никонов. География фамилий. М., 1988.

Петровский 1996 – Н.А.Петровский. Словарь русских личных имен. М., 1996.

Никонов 1993 – В.А.Никонов. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Егоров 1929 – В.А.Егоров. Эврейцы Лесколовского сельсовета // Сборник Ленинградского Общества Исследователей культуры финно-угорских народов (ЛОИКФУН). Л., 1929. Стр. 31 –48.

SN – Suomalainen nimikirja. 1985.

Шлыгина 1994 – Н.В.Шлыгина. Финны-ингерманландцы // Народы России. М., 1994.

Koskinen 2002 – Mauno Koskinen. Karjala ja suomalainen identiteetti // Karjala, №11 (14.03), 2002.

Rautu ja rautulaiset – Rautu ja rautulaiset III. 1993.

Йыги – Борис Йыги. Пласты истории села Наровского –Венкули. Пласт 7-й. (копии рукописи хранятся у родственников Б.Йыги в Нарве и Венкули).

*А.С. Герд, И.В. Азарова, С.А. Федоров,
И.С. Николаев, А.В. Дмитриев*

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ БАЗА ДАННЫХ ПО ТОПОНИМИКЕ КАК ОСНОВА МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА ИНГЕРМАНЛАНДИИ

Исследовательский проект «Комплексная модель формирования культурного ландшафта историко-культурной зоны Ингерманландии на Северо-Западе России по данным топонимики» выполняется на кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета²⁴. Цель проекта заключается в том, чтобы с опорой на топонимику показать влияние ландшафта на эволюцию населения данной зоны и человека на ландшафт в течение разных веков. В качестве ядра исследования создана автоматизированная база данных по топонимике Ингерманландии, аналогов которой в настоящий момент не существует. В базе данных представлены основные физико-географические данные о ландшафте, географические (картографические), лингвистические (топонимические) и исторические (рукописи) материалы разных веков. Предусмотрена также возможность пополнения базы новыми материалами.

Ингерманландская историко-культурная зона (далее ИИКЗ) находится на юго-западе Ленинградской области между р. Наровой и Ладожским озером. Ее площадь составляет около 15000 кв. км. Выбор зоны обусловлен тем, что она является древнейшей зоной контактирования двух этносов Ингерманландии – русских и финнов, а также тем, что она формировалась на протяжении многих столетий в результате взаимодействия культур разного типа – дофинно-угорской, финской и русско-финской.

Эти длительные и сложные процессы привели к тому, что на территории нынешней Ингерманландии сформировалась своеобразная топонимическая система, которая продолжает развиваться и трансформироваться даже в настоящее время, когда миграции населения Ингерманландии давно завершились. Основу этой сис-

---

²⁴ Проект разрабатывается при поддержке гранта РФФИ № 05-06-80094-а.

темы составляют русские географические названия, многие из которых отражают влияние финских, ижорских и водских топонимов. Таким образом, огромный пласт нынешней топонимии Ингерманландии составляют субстратные топонимы. Однако сохранившееся прибалтийско-финское население часто пользуется своими топонимами – вепскими, карельскими, ижорскими, водскими; нередко у одного объекта бывают дублетные названия. При этом в силу близости прибалтийско-финских языков не всегда возможно отнести такие топонимы к конкретному языку.

Кроме того, процессы миграции не могли не привести к изменению культурного ландшафта.

Ниже культурный ландшафт рассматривается как результат взаимодействия человека и природы, как территория, которая является местом обитания определенной группы людей. Исходя из административно-территориального и физико-географического районирования, мы рассматриваем топонимику как элемент культурного ландшафта. Исследовав топонимическую систему рассматриваемого ареала, мы сможем вскрыть механизмы и динамику эволюции ИИКЗ, а также определить роль топонимики как фактора формирования культурного ландшафта.

Основой базы данных является топонимический материал, собранный за последние годы в полевых экспедициях кафедры математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета на территории Ингерманландии и в прилегающих районах.

Важной составной частью проекта является анализ исторических карт Ингерманландии. Широко привлекаются русские, финские, шведские картографические источники, которые исследованы с целью выявления ландшафтных особенностей территории и динамики развития топонимической системы Ингерманландии. Географические названия на картах рассматриваются в диахроническом аспекте и в их проекции на современные топонимы Ингерманландии.

Привлеченные исторические источники (летописи, писцовые книги, грамоты, акты, ревизии, переписи) позволяют прояснить историю и этимологию топонимов и их языковую принадлежность, а также подтвердить или опровергнуть гипотезы о путях заселения и миграции.

Перейдем к рассмотрению структуры базы данных по топонимии Ингерманландии.

Прежде всего, мы выделяем два класса сущностей (две таблицы) – географические объекты, с одной стороны, и лингвистические объекты – с другой. В дальнейшем мы будем их называть просто "ОБЪЕКТЫ" и "ТОПОНИМЫ" соответственно. Теперь мы можем рассмотреть структуру топонимов и структуру географических объектов отдельно.

Начнем со структуры топонимов. Материал базы не ограничивается одним языком. Поэтому выделение таблицы ЯЗЫКИ само собой разумеется.

Выделение таблицы ГРУППЫ ЯЗЫКОВ, иерархически стоящей над таблицей ЯЗЫКИ, сделано из общих соображений (наличия таких групп). Однако необходимо подчеркнуть особую актуальность такой структуры для описания топонимии ИИКЗ. В результате соприкосновения многих родственных этносов на этой территории создалась ситуация, при которой даже топонимист во многих случаях не сможет дать точную языковую атрибуцию того или иного топонима, тогда как принадлежность его к какой-либо языковой группе (скажем, прибалтийско-финской) будет очевидна.

Предполагается, что материал может попадать в базу данных из разных источников. Структура информации об этих источниках различна и плохо поддается формализации. Однако все же существует набор атрибутов, общий для всех источников, что позволяет выделить ИСТОЧНИКИ в отдельную таблицу. А именно:

1. Тип источника. Это карты, писцовые книги, полевые исследования и так далее.

2. Датировка источника. Именно этот параметр делает возможным организацию диахронических срезов материала в базе данных.

3. Возможен также параметр достоверности источника. Отметим, что степень достоверности введенной информации подлежит комплексной оценке. Необходимо учитывать и тип источника, и подтвержденность топонима несколькими источниками, и удаленность топонима от информанта, если речь идет о результатах полевых топонимических экспедиций.

Теперь перейдем к рассмотрению структуры географических объектов. Географический объект должен быть, во-первых, локализован, во-вторых, типизирован.

Если локализация топонима в источнике (например, на карте) дается с абсолютными координатами, то оператор может ввести его с абсолютными координатами (абсолютное позиционирование топонима). Если же в источнике местоположение топонима дается относительно другого, базового топонима, оператор может ввести его так, как это указано в источнике (чаще по материалам полевых экспедиций) через относительное позиционирование топонима, которое система будет хранить и пересчитывать в абсолютные координаты. Таким образом, абсолютные координаты топонима присутствуют всегда, а относительное позиционирование имеется только там, где оно было задано.

В случае протяженных объектов, таких как озера, болота, поля, мы имеем возможность указывать координаты центра объекта и объекта радиуса. Для протяженных объектов, таких как реки, ручьи, дороги имеется возможность указывать несколько координат с определенным шагом, например, через каждый километр. Такое решение дает возможность локализовать и описать объект приблизительно, но этого достаточно, чтобы классифицировать и анализировать объекты, а также проводить поиск таких объектов в базе данных.

В будущем предусмотрена возможность подключения геоинформационной системы (ГИС) и связывания объектов базы данных с объектами на картах.

Следующим полем структуры географических объектов является типизация топонимов.

При заведении топонима оператор выбирает тип географического объекта из заранее заданного в таблице списка ТИПОВ – "река", "деревня", "болото" и т. д. При необходимости он имеет возможность добавить новый тип в список уже имеющихся типов. Кроме того, мы вводим таблицу дифференциальных ПРИЗНАКОВ ТИПОВ топонимов – "водность", "текучесть", "населенность", "возвышенность" и т. д. Каждый тип включает в себя набор соответствующих ему признаков. Введение признаков типов облегчает систематизацию объектов и их поиск.

Рассмотрим запросы к базе данных.

Характерной особенностью топонимической информации, хранимой в базе данных, является ее разноплановость. База содержит

данные о географических объектах, об их названиях, об исторических изменениях этих названий. Это расширяет круг потенциальных пользователей подобной информационной системы. Помимо топонимистов и лингвистов в этот круг могут быть включены географы, историки, краеведы и обычные пользователи.

Собственно спектр запросов к базе данных естественным образом определяется ее структурой. Посмотрим теперь, как она влияет на возможности информационной системы.

Наличие абсолютных координат при каждом объекте позволяет отбирать объекты по заданным квадратам (минутам, секундам) конкретных карт. Привязка координат к базовому объекту (относительное позиционирование) позволяет просматривать объекты (микротопонимы), локализованные относительно одного базового объекта.

Удаленность описываемого объекта от базового при относительной локализации может дать исследователю дополнительную информацию. Удаленность может также служить неким мериллом степени доверия или недоверия к информанту. Так, топонимы, описываемые информантом как очень далекие, возможно, заслуживают меньшего доверия, чем топонимы, находящиеся в непосредственной близости от информанта.

Наличие абсолютных координат позволяет с помощью стандартного запроса к базе данных произвести выборку топонимов, лежащих в пределах конкретных линий координатной сетки. При этом данная выборка будет содержать как поля с географическими абсолютными координатами выбранных объектов, так и поля с топонимами, их называющими. Это позволит в дальнейшем совместить базу данных с любой картографической системой, допускающей загрузку внешних данных.

Разделение географического объекта и собственно топонимов позволяет отбирать топонимы, относящиеся к данному географическому объекту или группам объектов.

Выделение списка языков в отдельную таблицу дает возможность просматривать топонимы, относящиеся к конкретному объекту или группе объектов, только из интересующего нас языка (скажем, отобрать только финские топонимы). Также допустим отбор по интересующей группе языков (скажем, только прибалтийско-финские языки).

Выделение списка типов объектов в отдельную таблицу дает возможность просматривать топонимы какого-либо конкретного типа (например, болота).

Выделение признаков объектов позволяет: 1) просматривать отдельные типы топонимов (например, гидронимы); 2) застраховаться от потери топонимов из-за сходности их типов (гора, горка, пригорок и т. д.); 3) создавать пользовательские наборы признаков, по которым будет производиться выборка топонимов.

Выделение источников данных в отдельную таблицу позволяет проводить сравнения топонимов, полученных по некоему (одинаковому) критерию отбора, но взятых из разных источников. Датирование источников позволяет наблюдать диахронические изменения для произвольных групп топонимов.

Отдельного внимания заслуживает проблема поиска сходных по форме топонимов. Такая проблема может возникнуть как у простого пользователя (при желании найти некий топоним, но незнании правильного его написания), так и у исследователя (при желании найти топонимы, допускающие различную транскрипцию, различное написание, при отсутствии уверенности в том, что все возможные варианты топонима внесены в базу данных). Такая же проблема возникает и из чисто технических соображений – при попытке убедиться в том, что один и тот же объект не был внесен в базу данных несколько раз под разными (пусть и похожими) названиями.

Таким образом, мы можем назвать, по крайней мере, три типа запросов к базе данных, затрагивающих указанную проблему:

1. Поиск топонимов, похожих на данный, введенный пользователем;

2. Поиск топонимов, похожих на данный и расположенных близко к данному;

3. Анализ всей базы данных или выбранной группы топонимов на возможные сходства по транскрипции и локализации.

Перечисленные здесь способы отбора топонимов могут применяться как отдельно, так и в любых сочетаниях друг с другом. Так, никакого труда не составит отобрать прибалтийско-финские гидронимы из некоторого квадрата конкретной карты.

Возможности базы данных допускают любые сортировки полученных данных. Полученные топонимические данные могут быть

упорядочены по любому существующему параметру, а также по любой группе параметров (по алфавиту, по дате источника, по локализации с севера на юг и т. д.).

Таким образом, база данных по топонимике дает возможность провести комплексное исследование материала на принципиально новом уровне и создать модель топонимической системы ИИКЗ с тем, чтобы продемонстрировать динамику формирования и развития ИИКЗ.

Комплексная модель, которая создана в рамках предлагаемого проекта, позволит провести анализ топонимических систем прилегающих территорий и станет, возможно, прототипом для исследования других историко-культурных зон Северо-Запада России и России в целом.

Как мы уже сказали, важной составной частью проекта является анализ исторических карт Ингерманландии с целью выявления ландшафтных особенностей территории и динамики развития топонимической системы Ингерманландии. Географические названия на картах рассматриваются в диахроническом аспекте и в их проекции на современные топонимы Ингерманландии.

Приведем описание локального узла ИИКЗ по данным топонимии на примере Котельской волости Кингисеппского района Ленинградской области.

На протяжении истории культурный ландшафт Ингерманландии подвергался значительным изменениям в плане административно-территориального деления. Самые ранние источники, в которых впервые упоминаются топонимы Котельской волости и центр волости деревня Котлы, это Новгородские Писцовые книги начала 1500 года.

Таблица 1 показывает, что топоним *Котлы* за известные нам 500 лет входил в состав 14 разных административно-территориальных единиц.

Менялись не только названия административно-территориальных единиц, менялись и границы этих единиц. Любое изменение в сетке административно-территориального деления влекло изменения внутри самой структуры историко-культурного ландшафта.

Таблица 1

до 1642	1642-1708	1708-1710	1710-1719	1719-1780	1780-1914	1914-1917
Котельская волость Толдожского погоста Ямского уезда	Котельская волость Толдожского погоста Копорского уезда Копорская провинция	Котельская волость Копорского уезда Ингерманландской губернии Полужской половины Водской пятины	Котельская волость Копорского уезда Санкт-Петербургской губернии Полужской половины Водской пятины	Котельская волость Копорской провинции Санкт-Петербургской губернии Полужской половины Водской пятины	Котельская волость Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии	Котельская волость Ямбургского уезда Петроградской губернии
1917-1927	1927-1930	1930-1935	1935-1940	1940-1991	1991-2006	2006-по настоящее время
Котельская волость Ямбургского уезда Ленинградской губернии	Котельский сельсовет Лужского округа Ленинградской области	Котельский сельсовет Котельского района Ленинградской области	Котельский сельсовет Кингисеппского округа Кингисеппского района Ленинградской области	Котельский сельсовет Кингисеппского района Ленинградской области	Котельская волость Кингисеппского района Ленинградской области	Котельское сельское поселение Кингисеппского района Ленинградской области

Таблица 2 отражает изменение названия деревни на протяжении исторического периода с 1500 по 2002 годы. Таким образом, это позволило нам установить не только «топонимы-неологизмы», но выявить и «топонимы-архаизмы». В таблице указана дата первой фиксации деревень на картах. В первой графе приведены те топонимы, которые были впервые зафиксированы в Писцовых книгах Новгородской земли и потом нанесены на карты архимандритом Сергием. Кроме того, как видно из таблицы, по состоянию на 2002 год есть и исчезнувшие деревни. Их довольно много для нашей небольшой топонимической выборки. Таблица показывает, что активная фиксация новых деревень происходила в шведский период с 1666 по 1676 годы включительно, а также на протяжении XIX–XX веков.

На формирование историко-культурного ландшафта Ингерманландии оказали значительное влияние следующие существенные факторы.

Во-первых, географические ландшафтные факторы: незначительное количество открытых водоемов и рек, с одной стороны, и свободный выход к Финскому заливу, с другой, большое количество болот и лесных массивов. Эти факторы определили особенности проживания населения на этих территориях.

Во-вторых, сказались этнографические особенности уклада жизни населения, а именно тесное соседство родственных прибалтийско-финских народностей, а также их многочисленные контакты как активного (войны, переселения), так и пассивного характера (совместное проживание, аккультурация) со славянскими и германскими народами (например, русскими и шведами).

В-третьих, непрерывный ряд исторических событий трансграничного характера и существенные геополитические изменения: образование государств, основание крепостей и городов, межгосударственные войны, захваты территорий и насильственное переселение жителей, миссионерская деятельность лютеранской и православной церквей.

В-четвертых, нашли отражение в географических названиях такие лингвистические факторы, которые связаны с формированием и развитием говоров, диалектов и языков, интенсивными междиалектными и межъязыковыми контактами, субстратными, суперстратными и адстратными явлениями.

Таким образом, топонимы, бытовавшие и бытующие на территории Ингерманландии, а также зафиксированные в письменных памятниках и на картах отражают результаты действия множества факторов и могут служить важным и достоверным материалом для изучения историко-культурной зоны Ингерманландии. Для моделирования взаимодействия всех перечисленных факторов необходимо учесть как можно больше материалов, которые содержат топонимы как в диахронической, так и в синхронической перспективе. Описанная база данных по топонимике Ингерманландии позволяет объединить все эти материалы и источники, а затем систематизировать географические названия и информацию для их анализа и интерпретации. База данных также дает возможность надежно хранить информацию и может пополняться разнообразными материалами из картотек, архивов, карт и писцовых книг. Кроме того, база данных предоставляет гибкий инструментарий для работы исследователей разных профилей. Материалы, которые уже введены в базу данных, и научные результаты, полученные при изучении отдельных локальных узлов, как, например, рассмотренная в этой статье территория Котельской волости, могут служить основой для построения модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии.

ПУБЛИКАЦИИ КОЛЛЕКТИВА

1. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997.
2. Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001.
3. Язык и народ. Тексты и комментарии. Под ред. А. С. Герда, М. Савиярви и Т. де Граафа. СПб., 2002.
4. Язык и народ. Социолингвистическая ситуация на Северо-Западе России. Под ред. А. С. Герда, М. Савиярви и Т. де Граафа. СПб., 2003.
5. Материалы конференции "Корпусная лингвистика и лингвистические базы данных". СПб., 2002.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ПРОЕКТУ

1. Азарова И. В., Герд А. С., Николаев И. С. Свод топонимов Ленинградской области в Санкт-Петербургском государственном университете

// Новый топонимический журнал. № 2 (11). СПб.: ЗАО Информационно-издательское агентство "ЛИК", 2005. С. 15-16.

2. Герд А. С. Введение в этнолингвистику. СПбГУ, 2005. С. 488.

3. Герд А. С. Билингвизм и бикультура // Русский язык: история, диалекты, современность. СПбГУ, 2005. С. 83-90.

4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Под ред. А. С. Герда. Т. 1. СПбГУ, 1994. С. 989.

5. Герд А. С. Топонимические экспедиции Петербургского университета // Ономастика. № 3. Екатеринбург: Издательство Екатеринбургского государственного университета, 2005. С. 7-10.

6. Николаев И. С., Азарова И. В., Герд А. С. Корпус данных в проекте "Комплексная модель формирования культурного ландшафта и историко-культурной зоны Ингерманландии на Северо-Западе России по данным топонимики" // Труды международной конференции "Корпусная лингвистика-2006. СПбГУ, 2006.

Е.В. Ляля

**ПРИМЕНЕНИЕ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ
ДЛЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ
НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ ПО РАЗЛИЧНЫМ ИСТОЧНИКАМ И
СТОРИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

Топонимический материал в «Кодификаторе поселений Карелии»¹

Вступление

Доклад посвящен разработкам, которые выполняются совместными усилиями сотрудников Института языка литературы и истории КНЦ РАН и отдела географических информационных систем (ГИС) Петрозаводского государственного университета.

Начиная с 2003 года отдел ГИС ПетрГУ успешно сотрудничает с ИЯЛИ в области создания специализированных программных средств для работы с топонимической и исторической информацией. Это сотрудничество ведется в рамках проектов, поддержанных фондом РГНФ:

- Грант РГНФ, **2003-2004** гг., № 03-04-12030в. Разработка географической информационно-аналитической системы “Топонимия Заонежья” (Руководитель – Муллонен И.И.).
- Грант РГНФ, **2005-2006** гг., № 05-04-12420в. Электронная карта топонимов Карелии (Руководитель – Муллонен И.И.).
- Грант РГНФ, **2006-2008** гг., № 06-01-12110в. Разработка географической информационной системы “Электронный каталог населенных мест Карелии XV-XX вв.” (Руководитель – Жуков А.Ю.)

Проект 2005-2006 гг. является продолжением проекта 2003-2004 гг. Результатом этой 4-летней работы стала географическая информационно-аналитическая система «Топонимия Карелии». На сегодняшний день объем картотеки составляет уже около 30000 единиц хранения. В системе реализована функция автоматической

---

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта, выполняемого по гранту РГНФ, **2006-2008** гг., № **06-01-12110**в. Разработка географической информационной системы “Электронный каталог населенных мест Карелии XV-XX вв.” (Руководитель – Жуков А.Ю.)

привязки объектов картотеки к электронной карте. Эти свойства разработанного продукта позволяют использовать его для идентификации объектов электронного каталога населенных мест Карелии, являющегося предметом разработки текущего проекта. Проект начался в 2006 году и рассчитан на 3 года. Создание электронного каталога населенных мест Карелии, основано на различных источниках исторической информации XV-XX вв.

Электронный каталог населенных мест Карелии XV-XX вв.

Основным объектом разрабатываемого ресурса является поселение (или населенное место), т.е. место, где когда-то проживали люди, имеющее собственное название и, сведения о котором зафиксированы в одном или нескольких исторических документах.

Сведения, включенные в состав электронного каталога относятся к периоду с XV по последнюю четверть XX вв. (начало XXI в.). В электронном каталоге они организованы в виде базы атрибутивных данных по поселениям. Данные будут включать в себя сведения о категории поселения, вариантах используемых названий, численности и структуре населения, его хозяйственной деятельности, производствах и ремеслах, бытовавших на период создания исторического документа.

Благодаря включению в состав электронного каталога геоинформационного модуля, поселения, входящие в состав электронного каталога, будут отображаться на электронной карте территории Европейского Севера России.

В качестве источников информации для проведения операции локализации местоположения населенного места на карте будут применяться исторические картографические документы, входящие в состав растрового картографического обеспечения системы. В качестве основных источников исторической картографической информации можно назвать следующие документы:

- Карты генерального межевания (1792).; в 1 дюйме 2 версты;
- Генеральная карта Олонецкой губернии 1823 г.,
- Генеральная карта Архангельской губернии 1824 г.,
- Петрозаводский уездный план 1897 г.,
- Олонецкий уездный план 1897 г.,
- Карта Кемского уезда Архангельской губернии 1908 г.,
- Финские губернии (XIX век),

- Этнографическая карта автономной Карельской социалистической республики 1929 г.,
- Спец.карта Европейской России конец XIX - начало XX в. Изд. воен. топ. отдела ген. штаба.; 10 верст в английском дюйме (1:420 000),
- Карта Ухтинского уезда Карельской республики. Административные границы на 15 декабря 1924 г.,
- Карта Карельской АССР 1936-1938 гг. Главное управление государственной съемки и картографии НКВД СССР 1936-1938 гг.

Основой для создания списочного состава населенных мест электронного каталога, а также источниками информации для разработки атрибутивной базы данных являются документы исторической статистики: материалы писцовых книг, ревизских сказок, списков населенных мест, составленных по различным переписям. Среди документов можно выделить массовые источники, созданные на основе материалов различных переписей и содержащих наиболее полный состав населенных мест в уже структурированном табличном виде. Другие документальные источники (такие, как писцовые книги) содержат подробное многолетнее описание населенных мест, земель, жителей в менее структурированном виде. Такие документы требуют дополнительного исследования и разработки на их основе самостоятельной структуры. К третьему типу документов относятся материалы специальных тематических обследований, например, «Материалы обследований кустарных промыслов 1905 г.» и «Списки торговых заведений 1900 г.». Они не содержат полного состава населенных мест исследуемой территории, но дают дополнительную информацию о населенных местах, вошедших в состав этих документов.

Исследуемые документы различны и по содержанию сведений, которые они содержат, и по составу населенных мест и по способу представления информации.

Учитывая неоднородность исследуемых документов, сведения, содержащиеся в них, были разделены на две группы. Первая группа – это сведения, необходимые для идентификации и локализации объектов. Другая группа – это дополнительные сведения, отражающие историю развития населенного пункта.

Так к первой группе можно отнести следующие сведения:

- название населенного места на момент его переписи,
- его порядковый номер по данному источнику,
- варианты названий, указанные в источнике,
- статус населенного пункта,
- сведения по административно - территориальному подчинению,
- сведения о географической привязке к местности.

Эта информация является важной для идентификации населенного места в электронном каталоге, а также для локализации его на карте. Вся остальная информация, содержащаяся в том или ином источнике (сведения о жителях, землях, крестьянских хозяйствах, ремеслах и др.) является дополнительной. Она не служит для идентификации населенного места, а служит только для получения дополнительных тематических сведений, составления исторической справки по населенному месту и для тематического анализа, в том числе и картографического.

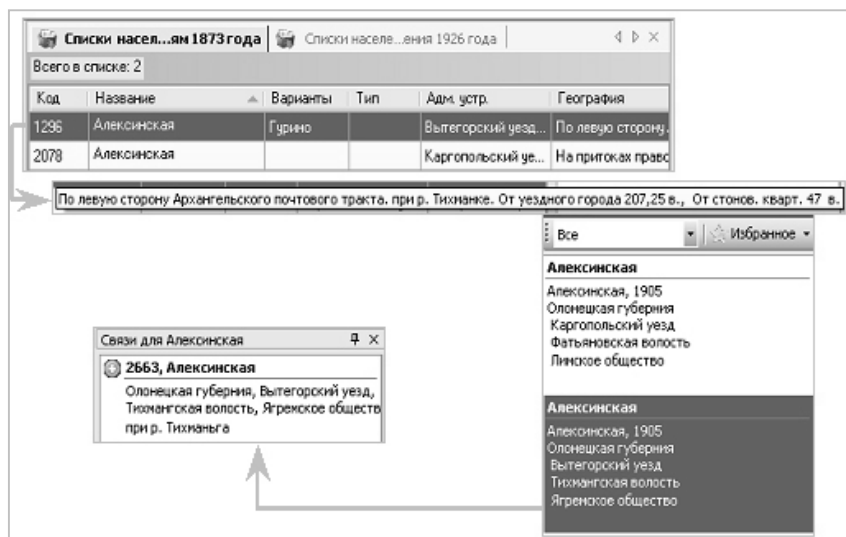

Рис. 1. Идентификация объектов электронного каталога по сведениям об административно-территориальном подчинении

Процесс идентификации населенных мест, входящих в состав исходных источников информации не всегда однозначен. Довольно часто встречаются повторяющиеся названия. Тогда одного названия населенного места бывает недостаточно. Например, «Алексинская» встречается в списках 1873 года дважды. В электронном каталоге тоже две записи с названием «Алексинская». В данной ситуации достаточно сопоставить сведения по административно-территориальной принадлежности поселений, и идентифицировать объекты по этим сведениям.

В следующем примере описана другая ситуация. Здесь выбраны поселения с названием «Андреевская». В списках 1873 года их всего 8. В электронном каталоге тоже 8 объектов с таким названием. Из них 6 относятся к Каргопольскому уезду. 3 из них относятся к Фатьяновской волости, Мошинскому обществу. Но в этом случае можно ориентироваться на приведенные варианты названий, которые позволяют однозначно определить объект.

The screenshot shows a web application window titled "Списки насел...ям 1873 года" and "Списки населе...ения 1926 года". It displays a table with 10 entries. The table has columns for "Код", "Название", "Варианты", "Тип", and "Адм. устр.". Below the table, there are three pop-up windows providing detailed information for specific entries.

Код	Название	Варианты	Тип	Адм. устр.
678	Андреевская	Андреевская, Остров и Пантеле...		Вьегорский
1706	Андреевская			
1904	Андреевская			
2100	Андреевская	Средняя		
2108	Андреевская	Мележинская		
2117	Андреевская	Лулачиха		
2124	Андреевская	Заболотье, Коненская		
2586	Андреевская	При погосте		

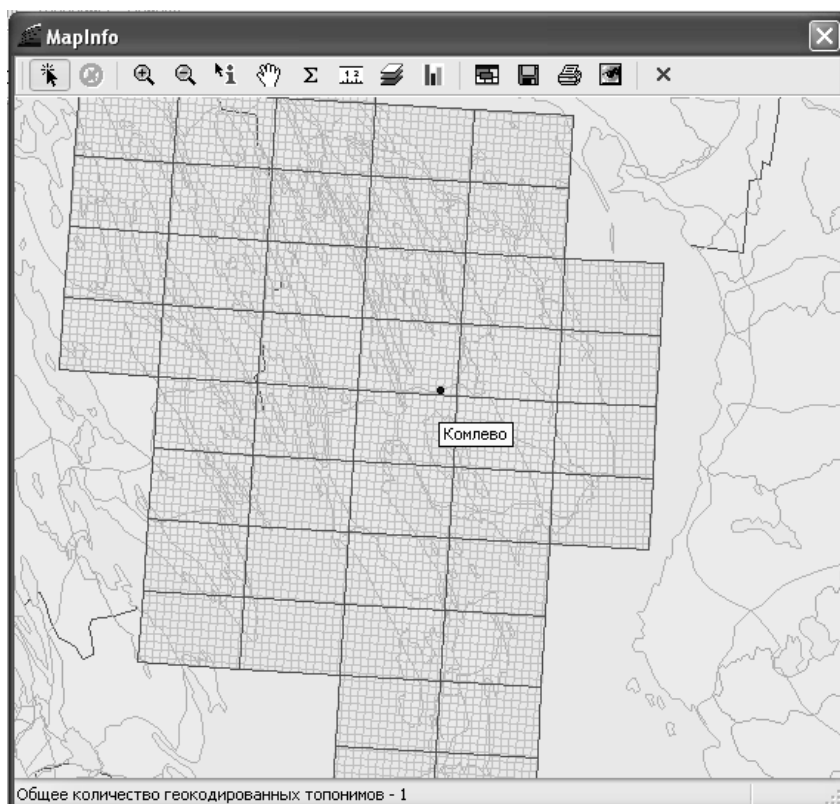
Pop-up windows shown:

- Андреевская**
Андреевская, 1905
Олонечкая губерния
Каргопольский уезд
Фатьяновская волость
Мошинское общество
- Андреевская**
Андреевская, 1905
Олонечкая губерния
Каргопольский уезд
Фатьяновская волость
Мошинское общество
- Андреевская**
Андреевская, 1905
Олонечкая губерния
Каргопольский уезд
Возерская волость
Канакшанское общество
- 3584, Андреевская**
Лулачиха
Олонечкая губерния, Каргопольский уезд
Фатьяновская волость, Мошинское общество
озеро Никольское

Рис. 2. Идентификация объектов электронного каталога по сведениям об используемых вариантах названий

Процесс идентификации населенных мест, входящих в состав исходных источников информации, сводится к установлению связей между ними и объектами электронного каталога. Связывание объектов дает возможность получить сведения по выбранному объекту каталога, имеющиеся во всех источниках исходной информации, загруженных в базу данных. Неоднородность информации, содержащейся в источниках, дает возможность получить дополнительные сведения об особенностях населенного места и его истории.

Рис. 3. Применение системы «Топонимия Карелии» для определения местоположения населенных мест

Для упрощения операций поиска и отбора данных в системе предусмотрена функция фильтрации данных. Можно задавать фильтр в одну или несколько строк, добавляя необходимые условия выбора. Кроме того, ограничить выборку можно, задав условие отображения только связанных объектов или только несвязанных объектов источника.

Процесс локализации населенного пункта сводится к определению местоположения населенного места на географической карте. Эта операция выполняется благодаря картографическому слою электронного каталога, который содержит все населенные пункты, местоположение которых было определено.

Не всегда можно найти отображение населенного пункта на каком-либо картографическом документе. В этом случае может оказать помощь информационная система «Топонимия Карелии», разработанная в рамках проектов РГНФ № 03-04-12030в и № 05-04-12420в (руководитель – И.И.Муллонен) и содержащая электронную картотеку топонимов Карелии. Таким образом были определены местоположение деревень Куряницы и Комлево, расположенных в Заонежье.

Заключение

Подводя итог сказанному, можно отметить, что разрабатываемая в рамках проекта информационная система даст в руки специалистам в области историко-культурных исследований новый инструмент, который позволит автоматизировать процессы обработки первичной информации, производить поиск несуществующих сегодня населенных мест, получать историческую справку о населенных местах и объектах административно-территориального устройства, отображать на карте результаты своих исследований.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.И. Муллонен.</i> Топонимический атлас Карелии: проблемы и перспективы	7
<i>Д.В. Кузьмин.</i> К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии).....	20
<i>А.Л. Шилов.</i> К географии и происхождению топонимии с элементами * <i>hatcha</i> и <i>aho</i>	90
<i>А.Г. Мусанов.</i> О распространении субстратной топонимии п рибалтийско-финского происхождения на территории Республики Коми: к постановке вопроса	99
<i>А.Н. Куклин.</i> Проблемы ареалогической топонимастики	111
<i>А.В. Крюков.</i> О фамилиях води и ижор	122
<i>А.С. Герд, И.В. Азарова, С.А Федоров, И.С Николаев, А.В. Дмитриев.</i> Автоматизированная база данных по топонимии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии	143
<i>Е.В. Ляля.</i> Топонимический материал в «Кодификаторе поселений Карелии».....	155

ФИННО-УГОРСКАЯ ТОПОНИМИЯ В АРЕАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Материалы научного симпозиума

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать 30.10.07.

Формат 60×84¹/₁₆. Гарнитура Times.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 100 экз. Изд. № 59. Заказ № 694.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского, 50